

Аз

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ГАРРИ
ГАРРИСОН

Король
и император

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Молот и Крест

Гарри Гаррисон
Король и император

«Азбука-Аттикус»

1996

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Гаррисон Г.

Король и император / Г. Гаррисон — «Азбука-Аттикус»,
1996 — (Молот и Крест)

ISBN 978-5-389-20005-0

Побеждая в сражениях на суше и на море, исполняя волю богов, что являются в пророческих видениях, человек, поднявшийся из самых низов, становится единым королем северных народов. Шеф, мастер боевых и мирных ремесел, совершил поистине невозможное, заставив вчерашних заклятых врагов прекратить взаимное истребление. Но теперь ему бросает вызов возрожденная Священная Римская империя, которая заключила временный союз с могущественной Византией, чтобы расправиться с загадочным англо-норманнским монархом и расцветающими под его защитой странами. Понимая, что драккары викингов не могут противостоять мечущим греческий огонь галерам, Шеф в поисках равноценного оружия отправляется в новый поход – на Восток, к сокровищнице знаний мусульманской цивилизации.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

ISBN 978-5-389-20005-0

© Гаррисон Г., 1996
© Азбука-Аттикус, 1996

Содержание

Глава 1	10
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	35
Глава 5	44
Глава 6	51
Глава 7	58
Глава 8	65
Глава 9	74
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Гарри Гаррисон, Джон Холм Король и император

Harry Harrison
KING AND EMPEROR

Copyright © 1996 by Harry Harrison and John Holm
All rights reserved

Публикуется с разрешения наследников автора при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

© В. Н. Гаврилов (наследник), перевод, 2021

© В. В. Еклерис, иллюстрация на обложке, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

Стамфорд, март 875 года от Рождества Христова

– Это же просто деревня! – раздавались возмущенные голоса. – Несколько хижин на обочине. Столица Севера, подумать только! Даже не столица болот. Никогда там ничего не было и не будет.

Обитатели Стамфорда, как немногие старожилы, так и гораздо более многочисленные пришельцы, с легкостью переносили насмешки соседей. Они могли себе это позволить. Не важно, какая у города собственная история, ведь он сделался главной резиденцией короля Севера, бывшего когда-то соправителем Англии, до этого ярлом, еще раньше – карлом великой армии, а в самом начале – чуть ли не трэллом в болотной деревне. Теперь его величают единым королем, к имени и титулу – король Шеф – его норманнские подданные добавляют эпитет *Sigrsaell*, а английские – *Sigesaelig*, что означает на обоих языках одно и то же: Победоносный. Этот король никогда не повторяет свои распоряжения дважды. Коль скоро он объявил, что столица будет в захудалом Стамфорде, значит так тому и быть.

После его легендарной победы над братьями Рагнарссонами в великой битве при Бретраборге в 868 году по христианскому летосчислению, последовавшей за его победой в поединке со шведским королем у священного дуба в Упсале, Шеф, единый король, стал сюзереном всех мелких властителей скандинавских племен – данов, свеев и норвежцев. Пополнив свой флот за счет вице-королей, среди которых самыми выдающимися были его боевые товарищи Гудмунд Свейский и Олаф Норвежский, Шеф с новыми силами вернулся в Британию. Там он не только восстановил власть над Восточной и Средней Англией, которые сами признали его господство, но и быстро внушил благоговейный трепет мелким правителям Нортумбрии и южных графств, а потом принудил к подчинению еще и шотландцев, пиктов и валлийцев. В 869 году король Шеф предпринял морскую экспедицию вокруг Британских островов, выйдя из лондонского порта и направившись на север вдоль английского и шотландского побережья, коршуном налетев на беззаботных пиратов Оркнейских и Шетландских островов и заставив их призадуматься и устраситься, а затем повернул на юг и снова на запад, пройдя сквозь бесчисленные острова шотландцев, вдоль разбойных западных берегов до самого Лендс-Энда. Только там он вновь встретил закон и порядок, убрал когти и поплыл на восток в сопровождении дружественных кораблей короля Альфреда, правителя западных саксов, и наконец вернулся в родную гавань.

С тех пор обитатели Стамфорда могут смело похвастаться тем, что дают приют королю, чья власть простирается от самого западного острова архипелага Силли до оконечности мыса Нордкап, на две тысячи миль к северо-востоку. Эта власть неоспорима и лишь номинально делится с королем Альфредом; границы его скудных владений король Шеф неизменно чтит, свято соблюдая договор о совместном правлении, который они заключили в годину бедствий, десять лет назад.

Но жители Стамфорда не смогли бы объяснить – да не особенно и задумывались над этим, – почему самый могущественный со времен Цезаря король Севера выбрал место для своего дома в болотах Средней Англии. Зато королевские советники много раз заговаривали с ним на эту тему. Ты должен править из Уинчестера, говорили одни, натываясь на хмурый взор единственного монаршьего ока, – ведь Уинчестер остался столицей Альфреда на Юге. Править надо из Йорка, предлагали другие, пребывая под защитой крепостных стен, которые король сам когда-то взял приступом. Лондон, твердили третьи, долгое время находившийся в запустении, так как там не было ни короля, ни двора, а теперь ставший центром оживленной торговли со всем светом, от богатых пушниной северных краев до винодельческих земель Юга, набитый судами с хмелем, медом, зерном, кожами, салом, шерстью, железом, жерновами и уймой прочего добра; и все купцы платят пошлины представителям обоих королей – Шефа на северном берегу и Альфреда на южном. Нет, говорили многие приближенные к Шефу даны,

править надо из древней цитадели королей Скьельдунгов, из Глетраборга, ведь там находится центр твоих владений.

Король не соглашался ни с кем. Будь это возможно, Шеф выбрал бы город в самом сердце болот, ведь он и сам был дитя болот. Но большую часть года до города Или, да и до Кембриджа, было попросту не добраться. В Стамфорде хотя бы проходила Великая северная дорога римлян, которую по приказу короля заново вымостили камнем. Именно здесь Шеф решил воздвигнуть Wisdom-hus, Дом Мудрости, который должен был увенчать дела его правления и стать новым святилищем Пути в Асгард: не просто заменить старое святилище в норвежском Каупанге, но превзойти и затмить его. Здесь будут собираться жрецы Пути, делиться своими открытиями и учиться сами.

Один из законов жрецов Пути гласил, что они должны сами зарабатывать себе на хлеб, а не жить на церковную десятину и подушную подать, как христианские попы. Тем не менее король назначил в святилище опытного казначея, бывшего христианского монаха отца Бонифация, и велел ссужать деньги всем нуждающимся жрецам Пути, с тем чтобы расплатились, когда смогут, работой, знаниями или звонкой монетой. Теперь со всего Севера стекались сюда люди Пути, чтобы увидеть, как мелется зерно на водяных и ветряных мельницах, и расходились по своим землям, научившись молотить, а также ковать железо с помощью падающих молотов и мехов постоянного дутья. Они узнавали, как применять новые машины там, где раньше пользовались лишь мускульной силой рабов. Отец Бонифаций, с разрешения короля, но без его ведома, нередко давал деньги таким посетителям, выторговывая себе долю в прибыли от новой мельницы или кузницы на срок в пять, десять и двадцать лет.

Серебро, которое текло в сундуки короля и в сундуки Пути, раньше привлекло бы десятки тысяч почуявших добычу викингов. Но теперь на Севере лишь изредка можно было увидеть бородастого пирата, да и то болтающегося на прибрежной виселице в назидание себе подобным. Королевские корабли патрулировали моря и подходы к гаваням, а несколько городов и фьордов, что остались за приверженцами прежнего обычая, один за другим подвергались визитам объединенного флота, в котором собрались силы слишком многих вице-королей, чтобы у кого-то возникло желание сопротивляться.

Жители Стамфорда не знали, да и не желали знать, что сама незначительность и безвестность их города была для короля лучшей рекомендацией. В конце концов тот признался своему старшему советнику Торвину, жрецу Тора, стоящему во главе святилища Пути:

– Торвин, место для новых знаний там, где нет древней истории и древних традиций, которым люди подражают и которые чтут, но которых не понимают. Я всегда говорил, что важно не только новое знание, но и старое, забытое всеми. Однако хуже всего старое знание, ставшее священным, не вызывающим сомнений, настолько общеизвестное, что о нем уже никто не задумывается. Мы начнем все сначала, ты и я, в таком месте, о котором никто не слышал. Там не будет витать дух чернил и пергамента!

– Не вижу ничего плохого в чернилах и пергаменте, – возразил жрец. – Особенно из телячьих кож. У Пути есть собственные книги древних сказаний. Даже твой железных дел мастер Удд научился записывать свои открытия.

Король нахмурился, подбирая слова:

– Я ничего не имею против книг и письма как ремесла. Но люди, которые учатся только по книгам, приходят к убеждению, что в мире ничего больше нет. Они делают себе из книг библию, и таким вот образом старые знания превращаются в устаревшие мифы. Мне нужны новые знания или старые, но позабытые. Поэтому в Стамфорде, в Доме Мудрости, мы возьмем за правило: любой, будь то мужчина или женщина, человек Пути или христианин, любой, кто сообщит нам новое знание или покажет, как с пользой применить старое, получит награду бóльшую, чем за долгие годы добросовестного труда или за многие грабежи с викингами. Мне больше не нужны громы Рагнарссонов. Пусть люди проявят свою доблесть по-другому!

В 875 году от Рождества Христова – а хронисты Пути, хоть и отвергли христианского Бога, придерживались христианского летосчисления – столицу построили, и политика Шефа стала приносить свои плоды: иногда сладкие, а иногда горькие.

Глава 1

Высоко в небе белели маленькие облака, гонимые сильным юго-западным ветром. Их тени скользили по свежей ярко-зеленой траве, по жирно-коричневым пятнам пахотной земли, по спинам тяжеловозов, неторопливо тянущих плуги по весенним полям. В просветах сияло горячее солнце – его заждалась пробудившаяся от зимней спячки Англия. Многие верили, что долгая ночь миновала, и приветствовали новый день, новый расцвет при молодом короле и его еретическом, но благотворном правлении.

На рыночной площади Стамфорда толпилось не меньше двух тысяч человек, собравшихся с окрестных полей, чтобы поглазеть на обещанную невидаль. Таны и керлы явились с женами и детьми; они откидывали капюшоны, подставляя лица солнцу; иные с опаской – не хлынет ли дождь – снимали свои грубые накидки. На простецких, невыразительных лицах светились удивление и даже восторг. Ведь нынче этим людям предстояло увидеть удалыца, с которым не могли бы сравниться ни Ивар Бескостный, ни его брат Сигурд Змеиный Глаз.

Сегодня человек должен был прыгнуть с высокой башни Дома Мудрости. И взлететь!

По крайней мере, так говорили. Всей толпе посчастливится лицезреть этот полет: будет о чем рассказывать детям и внукам. Но с неменьшей радостью зеваки посмотрят и на падение храбреца. Подкрепляясь хлебом и кровяной колбасой, все с одинаковым интересом ожидали любого исхода.

Пение рожков заставило зрителей разбрестись по обе стороны площади, освободив дорогу для вышедших из дворца гостей короля и свиты. Во главе, сразу за отрядом силачей, неистово дующих в сохранившиеся с незапамятных времен гигантские рога зубров, с нарочитой церемонностью выступали два короля – Шеф и Альфред Саксонский. Те, кто не видел их прежде, смотрели на разительно контрастирующие фигуры и замирали в недоумении: кто же из двоих полновластный монарх, а кого только терпят в качестве соправителя, – пока более осведомленный сосед не шептал на ухо подсказку. И действительно, Альфред в своих царственных одеждах выглядел как настоящий монарх: алый плащ поверх небесно-голубой котты, золотой венец на светлых волосах, левая рука величаво возложена на золотую рукоять старинного меча.

Идущий рядом с ним человек тоже носил алые цвета, а его плащ был соткан из такой тонкой шерсти, что казался не менее мягким снаружи, чем со стороны роскошной шелковой подкладки. Но под плащом были простые сермяжные штаны и рубаха. Король шел без меча и вообще без оружия, он вышагивал, заткнув большие пальцы за пояс, словно возвращающийся с поля крестьянин. И все же при ближайшем рассмотрении становилось ясно, что это вполне мог быть тот самый человек, которого северяне величали Убийцей Ивара и Убийцей Сигурда, потому что он собственными руками прикончил двух сыновей Рагнара Мохнатые Штаны – Ивара Бескостного и Сигурда Змеиный Глаз, равно как и свейского короля Кьяллака Сильного. А еще разбил под Гастингсом Карла Лысого с его франкскими копейщиками в год Господа нашего 866-й.

Возраст короля приближался к тридцати годам, и он сохранил телосложение кузнеца-оружейника: широкие плечи, могучие руки, длинные ноги и такая узкая талия, что мог бы померяться с женой – будь он женат. Но выглядел король намного старше своих лет. В черных волосах поблескивала седина, особенно заметная на висках и в короткой стриженной бороде. Правую глазницу закрывала черная повязка, а не прикрытая ею плоть была сморщенной и иссохшей. Лоб бороздили морщины. Это были следы затаенной боли, а может, и раскаяния. Поговаривали, что Шеф вышел из схватки с последними Рагнарссоном один-одинешенек, заплатив за победу потерей всех своих друзей. Злые языки заявляли, что его удача осталась на поле битвы, где лежали его мертвые товарищи. Другие, более информированные, утверждали:

его удача так велика, что притягивает к себе чужое везенье, и он приносит смерть всем, кто оказывается слишком близко.

Как бы там ни было, король ничем не подчеркивал своего положения и богатства. Он не носил ни короны, ни дорогих украшений, не нуждался в искусных ювелирах. Правда, на руках выше локтей висело с десяток золотых браслетов, незамысловатых и грубо обработанных – видимо, не для показухи, а в качестве своеобразных денег.

Вместе с королями шествовали их приближенные: камергеры, телохранители, оруженосец Шефа, норманнские вице-короли, английские олдермены, стремящиеся находиться поближе к власти. По пятам за Шефом размашистым шагом шел человек, вызвавший уважительный шепоток среди деревенских жителей, – ростом под семь футов и такой сильный, что может запросто швырнуть предмет в двадцать, даже в двадцать пять стоунов весом.

Его голова и плечи возвышались над всеми людьми, кроме разве что самых могучих телохранителей из отборного королевского отряда. Это был викинг Бранд, носящий ныне титул богатыря всей Норвегии, а не только его родного Холугаланда. Уже и до английской глубинки дошли передаваемые шепотом слухи о том, что он родственник горных троллей и свойственник марбендиллов из морской бездны. Лишь немногие знали, что на самом деле произошло, когда за королем шла охота по всему Северу, а расспрашивать мало кто осмеливался.

– Но где же человек, который должен лететь? – взволнованно допытывался сельский житель у своего городского родственника. – Где человек, одетый птицей?

– Он уже в Доме Мудрости со жрецами, – отвечал городской всезнайка. – Бойтся, что его одежду из птичьих перьев помнут в давке. Идем за королями, и ты сам все увидишь.

Толпа сомкнулась и проследовала за процессией по заново вымощенной Великой Северной дороге. Но люди шли не к городским стенам, которых в Стамфорде попросту не было, так как его линия обороны проходила далеко в море, где стояли военные корабли с катапультами, разгромившие в свое время и викингов, и франков. Зрители направлялись к деревянным хижинам простого люда, за которыми на лугу раскинулось огромное каре барачных, мастерских, кузниц, конюшен и складов, которые и представляли собой английское святилище Пути, осененное высокими крыльями ветряных мельниц. В центре возвышалась построенная по приказу Шефа каменная башня, затмевавшая все сооружения христианских королей: шестьдесят футов в высоту и сорок в ширину. А ее каменные блоки были так массивны, что окрестные керлы даже не верили, будто бы их поднимали обычные люди с помощью талей и противовесов, и рассказывали страшные сказки о заколдованных демонах.

Короли и свита прошли в высокую, обитую железом дверь. А сгрудившиеся зеваки раздались и встали в предписанный для них полукруг.

Поднявшись по лестнице, Шеф впервые обогнал своего сопровителя и подошел к зубцам башни. Торвин уже ждал его, одетый, как всегда, в простые, но безупречно чистые белые одежды. На шее жреца Пути висел серебряный молоточек – как знак посвящения Тору, а за пояс был заткнут настоящий молоток с двумя бойками, свидетельствуя о ремесле своего хозяина. Позади Торвина, в окружении других жрецов, стоял человек, который собирался лететь.

Шеф задумчиво приблизился к нему. На мужчине была одежда из простой домотканой шерсти, но не обычные рубаха и штаны, а нечто облегающее, словно выкроенное и сшитое из одного куска. Этот наряд почти скрывала накидка. По-прежнему молча, Шеф пригляделся. Тысячи и тысячи перьев, не просто воткнутых в шерстяную или льняную ткань, а прочно пришитых стволком к стволу. Накидка была жилками привязана к запястьям и лодыжкам, крепилась также к телу по линии плеч и вдоль позвоночника, однако свободно свисала по бокам.

Человек-птица, встретив взгляд короля, вдруг широко раскинул руки и расставил ноги. Накидка приняла форму не то паутины, не то паруса. Шеф кивнул, уловив замысел.

– Откуда ты?

Человек-птица отвесил поклон Альфреду, стоявшему на шаг позади Шефа.

– Из земель короля Альфреда, мой государь. Из Уилтшира.

Шеф воздержался от вопроса, почему человек явился к нему из другого королевства. Только один король платил серебром за новые знания, да так щедро, что изобретатели тянулись к нему из всех северных стран.

– Как у тебя появилась такая мысль?

Человек-птица выпрямился, словно приготовил свою речь заранее.

– При рождении, государь, я был крещен. Но уже много лет назад узнал об учении Пути. Я услышал историю о великом кузнеце Вёлунде Мудром и решил, что если Вёлунд смог подняться в воздух и улететь от врагов, то и у меня это получится. С тех пор я не жалел усилий, чтобы изготовить такое оперение; это последний образец из многих перепробованных мною. Ведь в сказании о Вёлунде говорится: «Смеясь, наверх он взмыл, полетел в одеянье из перьев». А я верю, что слова богов правдивы – правдивее, чем сказки христиан. Взгляни, я сделал себе амулет в знак моего предназначения.

С этими словами человек очень осторожно показал пару серебряных крыльев, висевших на шейной цепочке.

В ответ на это Шеф вытащил из-за пазухи свой амулет – лесенку с одной тетивой вместо двух, краки, знак его небесного покровителя, а возможно, и отца, малоизвестного бога Рига.

– До сих пор никто не носил крыльев Вёлунда, – заметил он, обращаясь к жрецу Торвину.

– И очень немногие носят лесенку Рига.

Шеф кивнул:

– Успех многое меняет. Но скажи-ка мне, человек Вёлунда, что, кроме сказания, заставляет тебя верить, будто ты сможешь полететь?

Крылатый человек, казалось, удивился:

– Разве не очевидно, государь? Птицы летают. У птиц есть перья. Будь у людей перья, и они бы летали.

– А почему же они не сделали этого раньше?

– У них не было моей веры.

Шеф снова кивнул и неожиданно вспрыгнул на башенный зубец, застыв на узкой полоске камня. Телохранители обеспокоенно дернулись в его сторону, но путь им преградил великан Бранд.

– Полегче, полегче, – проворчал тот. – Король не из Холугаланда, но он все-таки немножко моряк. В ясный день не свалится с ровного места.

Шеф посмотрел вниз и увидел две тысячи запрокинутых лиц.

– Назад! – крикнул он, разводя руки. – Отойдите. Дайте ему место.

– Думаешь, я упаду? – спросил человек-птица. – Хочешь испытать мою веру?

Взгляд Шефа скользнул мимо него, отыскав в толпе среди поднявшихся на башню жену Альфреда, леди Уэссекс. Подруга детства Шефа и его первая любовь, Годива оставила его ради человека, в котором было больше доброты. Ради того, кто не стремился использовать других людей в своих целях. Она смотрела с укоризной.

Шеф отвел взгляд и взял человека-птицу за плечо, стараясь не смять перьев.

– Все нет, – ответил он. – Но если они не отойдут от башни, им будет плохо видно. Я хочу, чтобы эти люди могли рассказать своим детям и внукам кое-что интересное, а не только оправдываться: «Он так быстро пролетел, что я ничего не заметил». Желаю тебе удачи.

Человек-птица гордо улыбнулся, осторожно шагнул на приступку, затем встал на краю рядом с Шефом. Толпа ахнула от изумления. Летун стоял, расправив наряд на сильном ветру, который дул сзади и прижимал перья к спине. «Этот парень считает, – подумал Шеф, – что накидка подобна парусу, что она понесет его, словно кораблик, по ветру. Но что, если это вовсе

не парус?» Человек-птица присел, собрался с духом и стремглав ринулся вперед, крикнув во весь голос:

– Веди меня, Вёлунд!

Его руки колотили по воздуху, а накидка волнами полоскалась над ним. Шефу пришлось отвести взгляд, а потом... Удар о камни – и со двора донесся дружный стон зрителей. Посмотрев вниз, король увидел тело, лежащее футами в пятнадцати от основания башни. К нему уже бежали люди Пути, жрецы Идун-Целительницы. Среди них Шеф узнал шуплую фигурку еще одного друга детства, бывшего раба Хунда, носившего, как и он сам, собачью кличку вместо имени. Теперь Хунда считали лучшим травником и костоправом Британии.

Должно быть, лекарей там поставил Торвин. Значит, он разделял дурные предчувствия Шефа.

Лекари внизу закричали:

– Он сломал обе ноги и сильно расшибся. Но позвоночник цел.

Годива вместе с мужем тоже заглядывали через стену.

– Смелый человек. – В ее голосе прозвучала нотка осуждения.

– Мы окажем ему самую лучшую помощь, – пообещал ей Шеф.

– А сколько денег ты бы ему дал в случае удачи, если бы он пролетел, скажем, целый фарлонг? – спросил Альфред.

– Ну, за фарлонг я заплатил бы сто фунтов серебра.

– А сейчас дашь бедняге что-нибудь за увечья?

Шеф упрямо поджал губы – не любил, когда на него давили, требуя щедрости или снисхождения. Он знал, что Годива рассталась с ним из-за его суровости. Но сам не считал себя жестоким. Он просто делает то, что должен делать. Королю надо заботиться обо всех своих подданных, а не только о тех, кто рядом.

– Верно, он смелый, – произнес Шеф, отворачиваясь, – но еще и глупый. Этот человек способен лишь на слова, а в святилище Пути признают только дела. Не так ли, Торвин? Он прочел твою книгу преданий и сделал ее своим молитвенником, вроде христианской Библии. Предпочел верить в писание, но не вдумываться в него. Нет, я приставлю к нему лучших лекарей, но ничего не заплачу.

И снова со двора донесся голос:

– Он пришел в себя! Говорит, что напрасно взял куриные перья, ведь куры роются в земле. В следующий раз будут только перья чаек.

– Запомните, – произнес Шеф, обращаясь ко всем и отвечая на невысказанные упреки, – я не трачу зря казенного серебра. Ведь оно может понадобиться в любой момент. Подумайте, сколько у нас врагов.

Он повел рукой против ветра, указывая на юг и на восток.

Если бы птица или человек-птица, повинувшись жесту короля, пролетели тысячи миль над морями и землями, пересекли Ла-Манш (который называли Английским каналом и Узким морем), а потом и всю Европу, они достигли бы места давно подготавливаемой встречи. Долгие месяцы участники добирались туда по разбитым дорогам и штормовым морям, приготовив свои осторожные вопросы на языках Византии и Рима.

– Допустим, наш император в его неизреченной мудрости окажется готов рассмотреть некие соображения. Еще допустим, он употребит слабое влияние, которое имеет на его святейшество папу римского, и убедит того изменить некоторые формулировки; тогда (коль скоро мы сделали такое чисто условное допущение или, пользуясь вашим необычайно выразительным и гибким языком, приняли гипотезис, гипотезу) окажется ли возможным, что и ваш базилей, базилевс, в свою очередь, переменит свое мнение по известным вопросам? – пускали пробный шар римские католики.

– Уважаемые коллеги, оставим на минутку в стороне ваши прелюбопытные гипотезы, но, если бы наш базилевс мог, не отступая от канонов православия и не попирая прав патриарха, рассмотреть хотя бы предварительное и краткосрочное соглашение, затрагивающее упомянутую область интересов, нам бы очень захотелось узнать, какую позицию займет ваш император в животрепещущем вопросе о миссионерах в Болгарии и недостойных попытках предыдущей римской администрации оторвать наших новообращенных от их новой веры и вернуть под эгиду Рима, – отвечали им греки.

Очень медленно эмиссары находили общий язык, постоянно лавируя, прощупывая друг друга, возвращаясь за новыми указаниями. И столь же медленно повышался ранг послов, на смену простым епископам и вторым секретарям приходили архиепископы и митрополиты, а вместе с ними появлялись и полководцы – графы и стратеги. Присылались все новые представители, но вскоре стало ясно, что, как бы ни были велики полномочия этих людей, они не осмеливаются самостоятельно решать судьбы своих империй и церквей. В конце концов не осталось другого выхода, как устроить встречу на самом высшем уровне, встречу четырех главных властителей христианского мира: папы римского, константинопольского патриарха, римского императора и базилевса греков.

Организация встречи растянулась на месяцы, так как выяснилось, что греческий базилевс только себя считает подлинным наследником Цезаря и поэтому претендует называться «римским императором», в то время как папа римский, наоборот, горячо протестует против прибавки к его титулу уточнения «римский», полагая себя наместником самого святого Петра и, следовательно, папой всех христиан, независимо от их местонахождения. Наконец протокол был согласован и удалось обговорить не только все допустимые формулировки, но и все недопустимые тоже. Участники будущей встречи притирались друг к другу деликатно и осторожно, как брачующиеся дикобразы.

Даже место встречи потребовало многократных обсуждений. Но в результате мероприятие состоялось у моря такой синевы, что и не снилось языческим королям Севера: на берегу Адриатики, омывающей Италию и Грецию, там, где один из могущественнейших римских императоров Диоклетиан когда-то построил дворец для отдыха в Салоне, которую проникшие в те края славяне переименовали в Сплит.

Через несколько дней, заполненных изнурительными церемониями, оба монарха потеряли терпение и прогнали всех своих советников, переводчиков и секретарей. Теперь они сидели на балконе, любясь морем. Здесь же стоял кувшин с терпким тягучим вином. Все серьезные вопросы были решены, в данный момент целая армия переписчиков золотыми и пурпурными чернилами готовила нужное количество копий обширного договора. Единственное препятствие могло возникнуть лишь со стороны глав церквей, которые уединились, чтобы поговорить о своем. Каждому его светский коллега и спонсор дал строжайшие указания избежать осложнений. Ведь у Римской кафедры, растолковал император Бруно своему ставленнику папе Иоанну, могут быть неприятности посерьезнее, чем разногласия насчет истинной природы принятого на Никейском соборе Символа веры.

Итак, императоры сидели себе, прислушиваясь, не возвращаются ли церковники, и обсуждали проблемы своих империй. Возможно, оба впервые так свободно и непринужденно говорили на эти темы. Беседа шла на латыни, которая ни для одного из них не была родным языком, зато позволяла общаться без посредников.

– Итак, у нас много общего, – задумчиво протянул греческий базилевс.

Выбранное им тронное имя, Василий I, свидетельствовало о полном отсутствии воображения, что при его биографии было неудивительно.

– Нос *ille*, – согласился Бруно, император римлян, как он себя называл, хотя на самом деле его подданными были и франки, и итальянцы, а больше всего германцев. – Так оно и есть. Мы люди новые. Конечно, у меня много знатных предков. Но я не из рода Шарлеманя.

– Ну, я тоже не из династии Льва, – подхватил базилевс. – Поправь меня, если ошибаюсь, но, по-моему, из рода Карла Великого уже никого не осталось.

Бруно кивнул:

– По мужской линии никого. Некоторых, например Карла Лысого, убили свои же вассалы за неудачливость в войнах. Об остальных мне пришлось позаботиться самому.

– И сколько их было? – поинтересовался Василий.

– С десяток. Мне было тем проще, что они не отличались друг от друга даже по именам. Луи Заика, Луи Германский. У каждого по три сына, но имена все те же: сплошь Карлы, Луи да Карломаны. Ну и еще кое-кто. Однако не совсем верно, что из рода Шарлеманя никого не осталось. У него есть праправнучки. Когда-нибудь, уладив остальные дела, я женюсь на одной из них.

– И твое положение упрочится.

Выражение на закаменевшем лице Бруно стало еще более суровым. Он встал со стула и потянулся за оружием, с которым никогда не расставался, невзирая на дипломатические протоколы, – копьё с наконечником в форме листа, в котором сиял заново инкрустированный золотой крест. Бруно расправил могучие, как у медведя, плечи, стукнул в гладкий мраморный пол ясеневым древком копья, украшенного золотыми и серебряными накладками.

– Нет! Мое положение уже не может быть прочнее. Потому что именно я владелец Святого Копья, которым германский центурион Лонгин пронзил сердце нашего распятого Спасителя. Кто держит это копьё, тот и есть наследник Шарлеманя, по праву большему, чем право крови. Я обрел это копьё в битве с язычниками и вернул его христианскому миру.

Бруно почтительно поцеловал оружие и с нежностью вернул его на место. Телохранители, насторожившиеся на своих постах, расслабились и переглянулись, едва заметно ухмыляясь.

Базилевс задумчиво кивнул. Он узнал две вещи: во-первых, этот странный выходец с франкских окраин верит в собственные басни, а во-вторых, все, что о нем рассказывали, оказалось правдой. Такому человеку не нужны телохранители, он и сам боец хоть куда. Как это похоже на франков: выбрать в короли самого сильного в поединках, не стратега, а просто воина. Впрочем, этот может оказаться и стратегом.

– А ты? – в свою очередь поинтересовался Бруно. – Ты... э-э... лишил трона своего предшественника – Михаила Пьяницу, как его прозвали. Я знаю, у него не осталось детей, чтобы начать смуту.

– Ни одного, – отрывисто подтвердил Василий, и его бледное, с черной бородой лицо залила краска.

Лев считается вторым сыном Василия, но на самом деле он был прижит от Михаила Пьяницы – об этом сообщили Бруно его шпионы. Василий убил своего повелителя за то, что тот наставил ему рога. Но грекам в любом случае необходим император, который способен блюсти трезвость, ведя войска на битвы. Греки подвергаются нападениям славян и болгар, а с востока по рекам подбираются викинги. Не прошло и двадцати лет, как флот викингов угрожал Константинополю, который норманны называют Миклагардом. Почему Василий оставил Льва в живых – неизвестно.

– Итак, мы – новые монархи. И никто из старых не бросит нам вызов. Но у нас много врагов. У нас и у всего христианского мира. Скажи-ка мне, – попросил Бруно, и его лицо напряглось, – в ком ты видишь самую страшную угрозу нам, Христу, церкви? Я имею в виду твое личное мнение, а не мнение твоих воевод и советников.

– Для меня это простой вопрос, – сказал Василий, – хотя ответ может показаться тебе неожиданным. Ты знаешь, что твои враги, варвары с Севера, которых вы зовете викингами, поколение назад привели свои корабли к самой Византии?

Бруно кивнул.

– Когда я услышал об этом, то очень удивился. Не думал, что они способны пройти через Внутреннее море. Но твой секретарь сказал, что случилось другое – они каким-то образом провели свои ладьи по рекам Востока. Ты считаешь, величайшая опасность исходит от них? Я так и думал...

Поднятая рука остановила его речь.

– Нет. Я не считаю, что эти люди, при всей их кровожадности, являются главной опасностью. Знаешь, ведь мы купили их с потрохами. Простой люд думает, что неприятеля остановила Дева Мария, но я-то помню переговоры. Пришлось отдать немножко нашего золота. Мы разрешили викингам бесплатно посещать наши городские бани! Тут уж они не устояли. Мне они кажутся жестокими и жадными детьми. Это несерьезно. Нет, подлинная опасность исходит не от этих бесхитростных язычников, деревенских олухов. Она исходит от приверженцев Мухаммеда. – Василий потянулся за вином.

– Я пока не встречал ни одного, – признался Бруно.

– Они появились из ниоткуда. Двести пятьдесят лет назад эти поклонники ложного пророка вышли из пустыни. Разрушили Персидскую империю. Отобрали у нас все африканские провинции и Иерусалим. – Базилевс наклонился поближе. – Захватили южный берег Внутреннего моря. С тех пор на этом море не прекращается война. И пока мы ее проигрываем. Знаешь почему?

Бруно покачал головой.

– На галерах все время нужна вода. Гребцы пьют ее больше, чем рыбы. Тот, кто владеет береговыми колодцами, владеет и морем. А значит, и островами. Язычники заняли Кипр, остров Венеры. Потом Крит. Покорив Испанию, дотянулись до Балеарских островов. Сейчас их флот снова тревожит Сицилию. Если захватят и ее, что тогда будет с Римом? Видишь, мой друг, они угрожают и тебе. Давно ли их армия стояла у ворот вашего священного города?

Распахнувшиеся двери, шум голосов и топот ног дали понять императорам, что беседа папы и патриарха закончилась и пора снова соблюдать церемониал переговоров. Бруно терялся в поисках ответа. «Василий – человек Востока, – думал он, – как и папа Николай, которого мы убили. Он не понимает, что предназначение находится на Западе. Он не знает, что народ Пути – уже не те жадные недоросли, которых подкупали во времена его отца. Они страшнее даже арабских последователей лжепророка, потому что пророк северян живет с ними, этот одноглазый, которого мне следовало убить, когда мой меч был у его горла.

Но спорить, наверно, не стоит. Базилевсу нужны мои береговые базы, а мне – его флот. Не для войны с арабами, а лишь для того, чтобы перевезти моих копейщиков через Английский канал. И пускай он даже обстригает сперва свои делишки. Ведь у него есть то, чего нет у людей Пути...»

Императоры встали, церковники подошли к ним; все улыбались. Поклонившись, заговорил кардинал Гюнтер, тот, что некогда был кельнским архиепископом. Родной для него и Бруно нижненемецкий диалект не понимали ни папа, ни патриарх, ни греки, ни итальянцы. Одновременно с ним кто-то из свиты патриарха завел речь на простонародном греческом: очевидно, с той же целью.

– Все решено. Они согласились, что мы имеем право добавить к Символу веры слова «и Сын» – совсем другое дело! – если только не будем делать из этого вывод о двойном сошествии Святого Духа. Нашему дурачку-итальянцу заявили, что он должен отозвать своих епископов с болгарских земель и позволить святому Кириллу обучать славян письму и чтению. Мы сошлись на том, что следует осудить предыдущего патриарха Фотия Книжника. Все решено.

Бруно повернулся к Василию, чей секретарь тоже закончил отчет. Властители одновременно протянули друг другу руки.

– Мои базы в Италии, – сказал Бруно.

– Мой флот освободит Сицилию, а потом и все Внутреннее море, – ответил Василий.

«А потом Западный океан», – подумал Бруно, но придержал язык. В конце концов, он сможет отделаться от греков и их базилевса раньше. Как только агенты Бруно раскроют секрет оружия, благодаря которому Константинополь неприступен с моря. Секрет, которого не знает никто на Западе: ни римляне, ни германцы, ни люди Пути.

Секрет греческого огня.

Глава 2

Халим, эмир на флоте возлюбленного Аллахом Ибн-Тулуна, халифа Египта, недавно добившегося независимости от дряхлого Багдадского халифата, не испытывал тревоги, выводя в море сотню своих галер в самые темные часы перед рассветом. В ту пору, когда острый глаз уже отличит белую нить от черной, муэдзин призвет верующих на молитву, выкрикнув традиционный зачин:

Аллах велик!
Нет бога, кроме Аллаха,
И Мухаммед – пророк Его.

И так далее: напев, который Халим услышал и подхватил сорок тысяч раз, с тех пор как стал взрослым мужчиной и воином. Он и его люди расстелют на качающихся палубах свои молитвенные коврики и начнут ракат, предписанный обряд молитвы. Лишь гребцы не бросят весел, будут поддерживать стремительный бег арабских галер. Потому что гребцы – христиане, рабы, захваченные в плен во многих выигранных битвах. Халим не сомневался в исходе нынешней. Воины у него сытые и отдохнувшие, гребцов заменили новыми и дали им вволю воды. К концу лета разрозненное сопротивление руми будет, как всегда, подавлено. На этот раз вся Сицилия вернется под власть его повелителя и под власть Дар-аль-Ислама, дома покорных воле Аллаха.

В тот самый момент, когда начался салат, ритуальная молитва, Халим услышал крик впередсмотрящего:

– В море корабли! Корабли с огнями!

Неожиданность разозлила Халима, но не удивила и не встревожила. Христиане, эти приверженцы ложных богов, за долгие годы изучили обычаи противников и время от времени пытались использовать свои знания. Но они просчитались, надеясь выиграть преимущество таким способом. На войне за веру пропустить час молитвы вполне допустимо, это даже ставится в заслугу. Молитва подождет. А если руми пытались застать воинов Аллаха врасплох, они тем самым лишь приблизили свой неминуемый конец.

Халим крикнул кормчему, чтобы разворачивал галеру в сторону приближающихся огней, и услышал, как надсмотрщик приказал гребцам левого борта поднять весла, а затем набирать ход для таранящего удара. Корабль эмира был построен по образцу древних галер, которые владычествовали на просторах Средиземного моря – невежественные руми называли его Внутренним – еще во времена эллинских философов, задолго до того, как пророк Иса, сын госпожи Марьям, взбудоражил мир своими идеями. Узкий и длинный, с невысокими бортами корабль нес в укрепленной передней части обитый железом таран, а над скамьями гребцов проходили мостки, чтобы воины могли перебежать к нужному борту.

Но Халим полагался не только на таран. Его повелитель Ибн-Тулун по происхождению был не араб, а тюрк из далеких восточных степей. На каждую галеру он поместил по дюжине своих соотечественников. Выстроившись вдоль бортов, тюрки подтягивали тетивы своих луков: это были наборные центральноазиатские луки, с деревянными планками в середине, с сухожилиями на внешней стороне – той стороне, куда лук выгибается, когда не натянута тетива, – с жесткими роговыми пластинами на внутренней стороне, проклеенные и собранные с фанатической аккуратностью. Халим не раз видел, как их стрелы разили не успевших приблизиться руми, ведь те из своих слабеньких деревянных луков за сотню ярдов не могли пробить даже слой прочной кожи.

Когда огни приблизились, Халим понял, что корабли противника выглядят не так, как он ожидал. Их носовые части были красного цвета, необычайно высокие, и вдоль бортов виднелись не румийские распятия, а позолоченные картинки – иконы.

Значит, это не сицилийский флот и не флот римского святого отца: это Красный флот византийцев, о котором Халим знал только понаслышке. Что-то шевельнулось в его сердце – не страх, чуждый приверженцу истинной веры, и даже не удивление, но какое-то мучительное недоумение: откуда здесь взяться византийскому флоту, за пятьсот арабских миль от баз, много больше самого дальнего перехода галеры? И озабоченность – о такой новости его повелитель должен узнать без промедления.

И узнает. Халим дал рулевому знак не идти на атакующий корабль лоб в лоб, а слегка отвернуть, уповая на лучшую, чем у противника, маневренность, а когда суда сблизятся, двинуться напролом вдоль ряда вражеских весел, одновременно разя врагов смертельными залпами тюркских лучников, каждый из которых может выпускать по стреле в секунду и никогда не промахивается. Халим пробежал на мостик правого борта и обнажил саблю – не для рубки, а чтобы воодушевить своих людей.

В его плане есть одно опасное место. Пока он будет разворачиваться, греки, если поторопятся, могут разогнаться и ударить тараном в борт, пробив его ниже ватерлинии, сразу же отгрести назад и стряхнуть с себя тонущую галеру, команде которой придется барахтаться в воде, а прикованным гребцам – в отчаянии идти на дно.

Но рабы тоже знали об этом. Когда до белого носового буруна византийского корабля не осталось и пятидесяти ярдов, гребцы правого борта затабанили, а на левом борту изо всех сил налегли на весла. Затем люди у обоих бортов быстро переглянулись, чтобы попасть в такт, и галера рванулась вперед, как будто гребцы целый день отдыхали. Стрелки подняли луки и прицелились в видневшихся над планширом греков.

Что-то странное возвышалось в середине византийского судна. Халим не мог разглядеть детали, но видел куполообразную металлическую конструкцию, освещенную не только лучами восходящего солнца, но и горевшим под ней пламенем. Над морем, перекрывая плеск весел и пение труб, разнесся громкий, напоминающий рев огромного зверя звук, перешедший в пронзительный сверхъестественный свист. Халим увидел, что два грека бешено качают рычаг, а еще двое разворачивают над бортом какой-то хобот.

Греческие корабли и греческий огонь. Халим слышал об этом оружии, но никогда не видел его в действии. Из видевших не многие уцелели, чтобы рассказать. И все-таки Халим знал одну полезную вещь: если тех, кто разводит греческий огонь, убить или как-нибудь отвлечь, оружие становится не менее опасным для самих греков.

Халим отчаянно выкрикнул приказ тюркским лучникам, горько сожалея, что не может предостеречь всю сотню галер, ринувшихся вслед за ним, чтобы атаковать, как теперь было видно, всего два десятка греческих кораблей.

Когда полетели первые стрелы, Халим перевел дух, но на греческом корабле свист уже перешел в оглушительный визг, там отдали какую-то команду. Эмир обнаружил, что хобот смотрит прямо на него, увидел вырвавшийся клуб дыма и ослепительное сияние. И вдруг огонь охватил все вокруг, выжигая глаза и обугливая кожу, так что Халима со всех сторон сжали тиски мучительной боли. Пытаясь закричать, он набрал полные легкие пламени. Уже проваливаясь в тот костер, что недавно был его флагманской галерой, Халим услышал одновременный агонизирующий вопль сотни рабов и в последнем проблеске сознания воспринял его как приветствие входящему в рай воину Аллаха.

Посланные на поиски суда Тулунидов, тщательно прочесав место, где три дня назад находился огромный флот, не нашли никаких объяснений загадочному исчезновению. Обнаружить удалось только обугленные обломки и обезглавленный труп мусульманина, который выжил в

огне, но предпочел смерть христианскому крещению. А также одного раба, все еще прикованного к своему бревну, которое он с яростью отчаяния вырвал из тонущей галеры. Несчастный сошел с ума от жажды, но то, о чем он хрипел, заставило поисковые суда без промедления повернуть к египетскому берегу.

Вести о катастрофе не смогли обогнать флот, который ее вызвал. Через неполные две недели Мамун Ибн-Халдун, главнокомандующий правоверных на недавно завоеванном острове Мальорка, мог лишь угрюмо наблюдать с берега, как византийский флот, небрежно подавив сопротивление сухопутных войск, проходит вдоль стоящих в сотне футов от береговой черты кораблей некогда могучего флота вторжения и не спеша плюется пламенем Иблиса. Армия Мамуна высадилась несколько месяцев назад, чтобы завоевать весь остров, и на галерах оставались только вахтенные да охрана на случай вылазок противника. Когда на горизонте показался вражеский флот, немногочисленная морская стража тут же забыла о воинском долге, стремглав помчавшись на лодках к берегу. Мамун потерял немногих в бою; казненных за отступление без приказа оказалось больше. И все-таки главной потерей были корабли.

Однако Мамун не слишком отчаивался. В тылу у него лежал большой и плодородный остров с приведенным к полной покорности населением. Закрома ломились от зерна, оливок, вина и мяса, и при необходимости можно было неограниченное время продержаться на том, что давал сам остров. А главное, у Мамуна было то, что для любого араба важнее даже воздуха: у него была вода. Плюющиеся огнем византийцы скоро будут вынуждены подойти к берегу за водой. Ни один галерный флот не обходится без нее долго. Должно быть, запас воды у греков уже кончается, ведь они сделали такой долгий переход от своих баз.

«Но что-то здесь не так, – отметил про себя Мамун. – Если греки действительно пересекли все Средиземное море, запас воды у них не просто кончается – он должен был иссякнуть много-много дней назад. Значит, все было по-другому. Они недавно подходили к какому-то берегу. По моим сведениям, это невозможно. Значит, сведения неверны. Именно здесь и кроется опасность, – решил Мамун. – Где же греки брали воду? На Сицилии? Насколько мне известно, Сицилия плотно обложена силами Тулунида, халифа Египта».

Мамун мог испытывать только презрение к варвару Тулуну и его соотечественникам, понабежавшим неизвестно откуда тюркам, сторонникам вероломных потомков Абдуллы. Сам Мамун происходил от Омейядов из племени курейшитов, он и его близкий родственник – халиф Кордовы – были потомками Абда эр-Рахмана, счастливо спасшегося во время резни, когда в Персии свергали власть Омейядов. И тем не менее пусть египтяне любят его не больше, чем он их, все-таки удивительно, что до него не успели дойти хоть какие-то слухи о событиях на Сицилии: ведь не в обычае у белотелых приверженцев пророка Исы, которого они ошибочно называют Христом, действовать столь стремительно.

Необходимы новые сведения. Каким бы ни было истинное положение дел, эти суда, стоящие на глади Пальмской бухты, вскоре постараются найти неохраняемый источник пресной воды. Вне всяких сомнений, враги надеются, что он, Мамун, не в состоянии защитить каждую пядь береговой линии этого скалистого острова. Но сейчас их очередь ошибаться.

Безучастно отвернувшись в последние минуты гибели флота, Мамун заметил какую-то заварушку поблизости. Неизвестный юноша боролся сразу с двумя телохранителями и сердито кричал. Сердито, но не испуганно. Мамун дал знак начальнику стражи пропустить незнакомца. Пусть говорит, коли есть что сказать, а потратит зря время воеводы правоверных – сядет на кол, чтобы остальным неповадно было.

Мамун отметил, что сердито одергивающий свою одежду юноша, судя по чертам лица, тоже принадлежит к племени курейшитов. Ныне большая часть армии состояла из потомков берберов, обращенных в ислам испанцев и даже готов. Мамуну пришлось запретить насмешки над пожирателями свинины, настолько были к ним чувствительны сыновья бывших христиан.

Но этот юноша не касался нечистой щетины, он был таким же поджарым и смуглолицым, как сам Мамун. И разговаривал, как истинный араб, независимым тоном и без обиняков.

– Полководец, люди на тех кораблях – не греки, хоть и стреляют греческим огнем. Вернее, не все они греки. Многие из них франки.

Мамун задрал бровь:

– Как тебе удалось это разглядеть? Я и то не увидел, а я достаточно зорек, чтобы заметить Всадника на Звезде.

Он подразумевал звезду в Поясе Ориона и совсем маленькую звездочку рядом с ней, различить которую может только самый острый глаз.

Юноша улыбнулся с дерзкой снисходительностью:

– У меня есть вещь, благодаря которой я становлюсь зорче тебя.

Начальник стражи, державшийся рядом с юношей, шагнул вперед, опасаясь, что смельчака посадят на кол.

– Господин, этот юноша – Муатья, ученик Ибн-Фирнаса.

Мамун, теребя бороду, задумался. Его самого пятьдесят лет назад назвали в честь великого халифа, который основал в Багдаде огромную библиотеку и обитель учености. Образованных людей он очень уважал, и не могло быть сомнений, что Абуль-Касим Аббас ибн Фирнас на всю Кордову славен своими знаниями и многочисленными учеными опытами. Уже спокойнее Мамун предложил:

– Тогда покажи нам, в чем мудрость твоего наставника.

Снова улыбнувшись, юный Муатья вытащил из рукава предмет, похожий на завернутую в кожу длинную бутылку.

– Знайте же, – сказал он, – что мой наставник с годами утратил ясность зрения и мог видеть только то, что находится дальше вытянутой руки. Он долгие годы постигал науку, как плавить стекло и какие минералы для этого брать. Однажды ему посчастливилось обнаружить, что, глядя через прозрачный камень особой формы, он видит то, что прежде было слишком близко для его глаз. И уже не случайно, а намеренно он потратил много дней на опыты и определил форму стекол, которые действовали так же, как тот камень, – отдаляли предметы и возвращали ему радость общения с книгами.

– Но эти стекла отдаляют предметы, – заметил Мамун, – а нам надо наоборот.

И снова юноша улыбнулся, искушая главнокомандующего наказать его за самоуверенность.

– А вот что открыл я, Муатья. Если взять не одно, а два стекла, расположить друг против друга, то при взгляде сквозь них далекое покажется близким.

Мамун задумчиво принял кожаную трубку из рук юноши, не обращая внимания на встревоженный взор и торопливые пояснения. Он поднес предмет к глазам, подержал и опустил.

– Я вижу только крошечных букашек.

– Ты делаешь неправильно, могущественный господин. – Впервые юноша проявил раздражение.

«Вот так всегда с этими учеными, – хмуро подумал Мамун. – Их больше всего страшит не угроза смерти, а невозможность похвастать своими достижениями».

Он позволил юноше взять у себя из рук кожаную бутылку, тот перевернул ее и приставил к глазу горлышком.

– Вот, господин. На палубе переднего судна я вижу грека с кудрявой бородой, он стоит около религиозной картинки.

Лицо Мамуна исказилось отвращением, он благочестиво сплюнул, чтобы очиститься от скверны, каковую несут рисунки и изваяния богов.

– А рядом с ним стоит светловолосый франк, весь в металлических доспехах. Они спорят и указывают руками в разные стороны.

– И что они говорят?

– Мое приспособление позволяет лучше видеть, но не слышать.

– Ладно. – Мамун дал знак начальнику стражи. – Переведи в свой полк юношу, – возможно, мне еще понадобится его искусство. А если и нет, все равно в испанской армии умных людей меньше, чем храбрых. Мы должны беречь его. И вот что, Муатья, если ты заранее скажешь мне, где греческий навархос пристанет к берегу за водой, я наполню твой рот золотом. Но если ошибешься, золото будет расплавленным.

Он отвернулся, созвал к себе тысячников – командиров полков. Юноша принялся настраивать свою зрительную трубу, то прижимая к самому глазу, то чуть отстраняя.

Время от времени прерывая невнятный рассказ, местный крестьянин испуганно озирался. У него были причины бояться. Увидев, что из-за мыса выходит множество огромных красных галер, которые, как он знал, начисто сожгли суда мусульманских захватчиков, он понял, что моряки ищут пресную воду, и быстро сообразил: кто бы ни были эти враги Мухаммеда, для него они должны оказаться друзьями. Поэтому, когда греки высадились и разбили лагерь, Педро подкрался поближе, убедился, что в стане высятся распятия и иконы, затем робко вышел к постам, чтобы предложить свои услуги, – он надеялся на вознаграждение, которое спасет его от голодной смерти. И надеялся на отмщение безжалостным смуглолицым захватчикам, забравшим его жену, сына и дочерей.

Однако крестьянин Педро вовсе не рассчитывал встретить таких загадочных и грозных союзников. Уроженец Мальорки не сумел объясниться ни с греческими моряками, ни с немецкими воинами. Его передавали с рук на руки, пока не нашелся говоривший на латыни священник. С трудом и с запинками он и крестьянин смогли объясниться, ведь диалект Мальорки – не что иное, как древняя вульгарная латынь, которую безграмотные местные жители искажали бог весть сколько поколений.

Подобные трудности Педро предвидел. Но он и думать не мог, что встретит таких людей, как, например, сердитый воин, уставившийся на священника и его измученного собеседника.

Агилульф, рыцарь ордена Копья, старинный боевой товарищ самого императора Бруно, ныне откомандированный на войну с маврами, возвышался на целый фут и над священником, и над крестьянином. Он казался еще выше из-за железного шлема с забралом и черным, указывающим на немалый чин плюмажем. Однако крестьянина сбивал с толку не сам человек, а его экипировка. Казалось, Агилульф с головы до пят сделан из железа. Кроме шлема, на нем была кольчуга до колен, поножи, а внизу – латные сапоги. Железные бляхи усеивали рукавицы, и железным было окаймление длинного щита, всаднического щита классической формы, который в атаке защищает левую ногу копейщика; но Агилульф носил его и пешком, словно тяжесть этого снаряжения ничего для него не значила. Как и жара. Под железом на нем была кожаная одежда, чтобы сочленения лат не впивались в тело, и белье из конопли, хорошо впитывающей пот. А послеполуденный зной на Балеарских островах даже весной был таков, что пот заливал воину все лицо и стекал на бороду. Но Агилульф, казалось, этого не замечал, словно обращать внимание на неудобства было ниже его достоинства. Крестьянину, который в жизни своей не видел больше железа, чем пошло на обивку лемеха его примитивного деревянного плуга, этот германец казался выходцем из другого мира. Нарисованный на щите крест служил слабым утешением.

– Что он говорит? – вмешался Агилульф, которому надоели их медлительные переговоры на непонятном языке.

– В полумиле отсюда есть ручей, где мы можем набрать сколько угодно воды. Но еще он утверждает, что мусульмане знают об этом ручье и тоже им пользуются. И что они нас наверняка уже видели. Их главные силы стоят меньше чем в десяти милях. Он говорит, захватчики

налетают как ветер. Так этот несчастный и потерял свою семью: в деревне никто даже не знал, что на берег высадились враги.

Агилульф кивнул. Он не выказал страха, который ожидал увидеть крестьянин.

– Он знает, сколько у мусульман людей?

Священник пожал плечами.

– Говорит, тысяча по десять тысяч. Это может означать все, что больше сотни.

Агилульф снова кивнул.

– Ладно. Дай ему хлеба и бутылку вина и отпусти. Думаю, в этих горах спрячется еще много таких, как он. Объяви: когда мы разобьем врага, за головы мусульман будет назначена награда. Пусть крестьяне добивают разбежавшихся.

Агилульф отвернулся и приказал отрядить людей за водой. Греческие моряки, которые на суше чувствовали себя неуютно, стали, как обычно, спорить, убежденные, что из леса вот-вот выскочит орда газиев и всех зарежет. Агилульф выждал момент и объяснил свой план воеводе греков.

– Конечно, они на нас бросятся, – заговорил он. – На рассвете. Мои арбалетчики и твои гребцы смогут несколько минут держать фронт. А потом я с моими рыцарями и послушниками ордена нападу на врага сзади. Жалко, что у нас нет лошадей, иначе атака была бы стремительней. Но результат все равно будет тот же самый.

Командир греков поглядел вслед закованному в сталь человеку. «Франки, – подумал он про себя. – Неотесанные, безграмотные провинциальные еретики. С чего это они вдруг сделались такими самоуверенными? Эти варвары идут с Запада, как приверженцы Мухаммеда пришли с Востока двести лет назад. И еще неизвестно, кто из них хуже – франки или мусульмане, не пьющие вина и делающие обрезание?»

На рассвете, когда войско Мамуна заняло исходный рубеж, он не скрывал приготовлений к атаке. Сосчитал вражеские корабли: нет и двух десятков. Как ни набивай их людьми, они могут нести самое большее две тысячи человек. У Мамуна десять тысяч. Пришло время отомстить за гибель флота. Мамун знал, что греческий огонь нельзя переправить на землю. А больше он ничего не боялся.

Он позволил муллам созвать верующих на утреннюю молитву, салат, не заботясь, что их услышит противник, и первым приступил к обряду. Затем обнажил саблю и приказал своим тысячникам начинать битву.

Солнце взошло, и полчища правоверных устремились вперед, используя тактику, которая приносила им победу за победой над армиями христиан: в Испании, во Франции, на Сицилии, у ворот самого Рима. Неровная волна бегущих воинов с мечами и копьями, без привычных на Западе щитов и тяжелых доспехов. Но эти бойцы презирали смерть, их воодушевляла мысль, что павший в бою за веру будет вечно наслаждаться с гуриями в раю.

Мамун не сомневался, что христиане заготовили какую-то хитрость. Иначе не осмелились бы стать лагерем на суше. Он видел много их уловов и считал, что сейчас все они бесполезны. И когда неожиданно из-за частокла высунулись головы в шлемах и нацелились арбалеты, Мамун не был захвачен врасплох. Главнокомандующему не доводилось раньше слышать металлического клацанья взводимых арбалетов, и он не без интереса наблюдал, как его передние воины падали под ударами выпущенных с близкого расстояния стрел. Извечный порок тактики франков: стремятся убить врага, а сами умирать не хотят. Что бы ни представляло собой это оружие, перезарядить его придется долго. А правоверные рвались вперед, они уже добрались до невысокого частокла, начали рубить и колоть оборонявшихся. Мамун услышал, как его муллы накликают ритуальные проклятия на головы тех, кто создает ложных богов. Он не спеша двинулся вперед, уверенный, что сопротивление сейчас будет сломлено.

Начальник стражи тронул его за руку, молча показал назад. Мамун нахмурился. Вот оно что, еще одна уловка! Из каменистой ложины на его левый фланг, охватывая войско широкой дугой, словно отрезая путь к отступлению – это он-то отступит?! – надвигались враги.

Железные люди. Стальные отблески на их оружии, доспехах и щитах; даже руки и ноги прикрыты металлом. Этих бойцов было немного, всего-то две шеренги ярдов по двести длинной. Они медленно приближались. Отчего эти воины выглядят так странно? Потеребив бороду, Мамун понял, что они одинаково вооружены и одинаково держат оружие, под одним и тем же углом: короткая пика в правой руке и продолговатый щит в левой. Неужели среди них нет ни одного левши? Как можно заставить людей шагать столь четким строем, словно они не люди, а механизмы, одинаковые, как лопатки нории, водяного колеса? Не веря глазам, Мамун убедился, что каждый воин выбрасывает ногу вперед одновременно с товарищами, так что весь строй движется как одно целое: этакая многоногая тварь. До Мамуна доносился зычный голос, выкрикивающий что-то на варварском языке, многократно повторяемое: «Links! Links! Links und links!» При каждом слове франки дружно топали левыми ногами.

Мамун опомнился, послал гонцов вернуть часть войска, атакующего частокол, собрал вокруг себя полк стражи и, обнажив саблю, лично повел его в атаку на железных воинов. Через несколько мгновений его люди окружат вышедших на открытое место франков, накинутся на них со всех сторон. Тяжело дыша, потому что пережил уже пятьдесят зим, он подбежал к неторопливо надвигающейся шеренге, рубанул железного воина саблей из лучшей толедской стали.

Оказавшийся напротив него немец, не рыцарь и не риттер, а простой послушник ордена Копья, лишь подставил под удар наверхие шлема. Он думал только о том, чтобы держать шаг, не выбиться из строя, выполнить приемы муштры, вколотенные в него фельдфебелем. Шаг левой – ударь человека перед собой щитом, отбрось его. Шаг правой – коли пикой, но не прямо перед собой, а правее. Идущий слева брудер Манфред убьет человека перед тобой, а ты убьешь человека перед брудером Вольфи, что шагает в строю справа от тебя. Коли под мышку, когда враг замахивается оружием. Шаг левой – бей щитом, шаг правой – коли пикой.

Мамун нанес один-единственный удар неверному и погиб – от выпада, которого даже и не заметил. Его полк телохранителей перебили и затоптали, даже не сбившись с ноги. Волна газиев, вернувшихся от частокола и обрушившихся на железных людей, не прорвала строя и не заставила его отступить, она была встречена лобовым натиском и полегла как под косой. В ответ на боевые кличи и призывы к Аллаху слышались только хриплые голоса фельдфебелей:

–левой! левой! Эй, там, выровнять строй! Сомкнуться, сомкнуться! Вторая шеренга, пики вниз! Хартман, коли еще раз, он только ранен. Правое плечо вперед!

Когда пыль над полем грозной сечи поднялась столбом, Муатъя, который и не подумал идти вслед за Мамуном и его гвардией навстречу славной смерти, услышал, как удивительные франкские воины-машины размеренно ухают, словно грузчики, которым досталась тяжелая ноша. За частоколом франкские арбалетчики изготовились для нового залпа, а легковооруженные греческие моряки высыпали наружу, чтобы гнать деморализованного и окруженного противника на смертоносные шеренги железных людей.

«Обязанность ученого – обретать знания и передавать их», – размышлял Муатъя, прыгая среди камней и редких в горах кустарников. Некоторые из худородных воинов последовали его примеру, в основном берберы и готы. С дюжину таких он собрал вокруг себя, для защиты от местных крестьян, которые не упустят случая отомстить за разоренные поля и угнанные в рабство семьи. Ему подчинялись благодаря его одежде и чистейшему арабскому выговору курейшита.

Где-нибудь на острове должна найтись лодка. Он сообщит новости халифу Кордовы. Но лучше сначала переговорить с учителем Ибн-Фирнасом. Мудрее явиться не в качестве беглеца с поля боя, а в качестве человека, рисковавшего жизнью, чтобы узнать истину. На безопас-

ном удалении Муатгя обернулся, достал подзорную трубу и устремил взор туда, где Агилульф руководил хладнокровным уничтожением множества воинов, стиснутых среди врагов так, что не поднять руки, защищаясь от пики и топора.

«Железные франки, – подумал Муатгя. – И греческий огонь. Чтобы противостоять всему этому, недостаточно одной смелости газиев».

Далеко на севере король Шеф ощутил ледяную волну, затопившую его высокое ложе с перинами. Он заметался во сне, как пловец, тщетно пытающийся выскочить из воды при виде акулы. За долгие годы Шеф научился распознавать, какого рода видение будет ему ниспослано.

Явно одно из худших, не из тех, в которых он парит над землей, словно птица, или видит давние события человеческой истории, а из тех, где его душа опускается в нижнюю обитель богов, в мир Хель, за решетку Гринд, что отделяет мир мертвых от мира живых.

Он опускается все ниже и ниже, не видя ничего, кроме земли и камней; в ноздри ударяют запахи праха. Однако какое-то чувство подсказывает: он направляется в то место, которое видел раньше. Видел мельком. Оно не для простых смертных.

Тьма не рассеялась, но возникло ощущение окружающего пространства, как будто он попал в гигантскую пещеру. Оттуда пробивается свет. Вряд ли отец и небесный покровитель отпустит Шефа, не показав что-нибудь.

И вдруг тени приобрели очертания. Одна внезапно бросилась ему в лицо, выскочила из темноты с шипением, в котором было столько ненависти, что оно переходило в визг. Шеф конвульсивно дернулся в постели, стараясь отпрянуть. Слишком поздно: он разглядел голову уставившегося на него чудовищного змея. Змей снова бросился, его ядовитые зубы щелкали в каком-то ярде от человеческого лица.

«Змей прикован, – понял Шеф. – Он не может дотянуться».

Змей бросился еще раз, теперь на кого-то другого. И снова не смог дотянуться. Чуть-чуть.

Внизу Шеф теперь видел распростертую в темноте фигуру гиганта. Огромными железными цепями он был прикован к скале. Тело Шефа пробрала дрожь, когда он понял: это может быть только Локи, погубитель Бальдра, отец чудовищного отродья, враг богов и людей. Локи прикован здесь по приказу его отца Одина, чтобы муки не прекращались до Последнего Дня. До дня Рагнарёка.

На жестоком лице проступает страдание. Шеф видит, что змей, хоть и не может добраться до врага, класает ядовитыми зубами в каких-то дюймах от его головы. Яд брызжет прямо в лицо Локи, которому не отвернуться, разъедает кожу и плоть, разъедает не как яд, а как нечто, чему Шеф не знает названия.

Но что-то в искаженном лице не меняется. Выражение затаенной хитрости, приготовленного обмана. Присмотревшись, Шеф понимает, что исполин напрягает все силы, непрестанно дергает правой рукой прочно соединенную с камнем окову. «Я видел это раньше, – вспомнил Шеф. – И знаю, что крюк почти вырван».

А вот и отец. Кажущийся маленьким по сравнению с Локи и с гигантским змеем, но сохраняющий полное самообладание, несмотря на тянущиеся к нему ядовитые зубы.

– Ты пришел издеваться над моими муками, Риг? – хрипло шепчет Локи.

– Нет, я пришел взглянуть на твои цепи.

Лицо страдающего бога окаменело, он не желал показывать страх и досаду.

– Никакие цепи не будут удерживать меня вечно. И моего сына, волка Фенрира, не будет удерживать вечно цепь Глейпнир.

– Знаю. Но я пришел, чтобы ускорить дело.

Не веря глазам, Шеф смотрел, как его отец, бог ловкости и обмана, достает из рукава какой-то металлический инструмент и, спустившись, раскачивает вбитый в скалу крюк.

Прикованный бог тоже пребывал в крайнем изумлении; он не шевелился, пока разъедающий плоть яд не заставил его сморщиться.

Почувствовав, что уже всплывает, возвращается в мир людей, Шеф снова услышал хриплый шепот:

– Зачем ты это делаешь, обманщик?

– Может, я считаю, что Рагнарёк слишком запаздывает? Или что Локи так же достоин свободы, как и Тор? Не важно. Просто я хочу тебя кое с кем познакомить...

Шеф вывалился из забытья, его сердце бешено колотилось. «Со мной познакомить? – подумал он. – Не со мной! Только бы не со мной!»

Глава 3

Шеф озабоченно следил, как гости выходят из специально построенного для них дома. Ночной кошмар все еще не давал ему покоя. Казалось, на мир упала мрачная тень. Шеф обнаружил, что даже ступает более легко, более осторожно, словно земля в любой момент может раздаться и сбросить его в мир, который он видел во сне.

Однако все шло своим чередом. Вот его друг и соправитель Альфред, он повернулся на ступенях и ободряюще протянул руки к крепкому малышу, спускающемуся следом. Эдвард то ли прыгнул, то ли упал в объятия отца. За ними, улыбаясь счастливой материнской улыбкой и прижимая к бедру второго ребенка, шла та, которую Шеф не мог забыть. Его любовь, давно потерянная для него Годива, некогда подруга детства, проведенного в болотной деревушке, ныне всем известная и всеми любимая леди Уэссекс. Гости не могли видеть его в то мгновение, он стоял в тени странного механического сооружения, которое намеревался сегодня опробовать в деле. Он мог наблюдать, оставаясь незамеченным.

Не замеченным теми, на кого он смотрел. Но не его собственными людьми, которые неловко переминались и растерянно переглядывались, видя его молчаливую сосредоточенность.

Он знал, что должен считать своих гостей врагами. И строить планы – если не их убийства, то хотя бы изгнания. Ведь они действительно опасны. Многие поговаривали, хотя не осмелились бы произнести это при нем, что первая обязанность короля – обеспечить себе преемника. Несколько лет назад, в мрачные дни, когда в Англию вторглись сразу и франки Карла Лысого, и норманны Ивара Бескостного, Шеф и Альфред договорились разделить свою удачу и землю, которой им удастся завладеть сообща. Они также решили, что каждый будет наследовать другому, если тот умрет, не оставив потомства, и что наследник одного из них в такой же ситуации будет наследовать обоим. В то время этот договор не выглядел слишком серьезным. Они не знали, доживут ли до следующей зимы, не говоря уже о весне. И Годива ночевала в палатке Шефа, если не в его кровати. Он тогда считал, что, коль скоро они выживут, однажды сами собой вернутся и ее любовь, и его желание.

Он заблуждался. Умри он сейчас – и королевство перейдет к Альфреду. А от Альфреда – к смеющемуся карапузу, которого сейчас несут на руках, к принцу Эдварду. Вице-королям, конечно, будет наплевать на договор монархов. Никаких шансов, что скандинавские конунги Олаф и Гудмунд, да и десятки других правителей, согласятся подчиниться христианским властелинам. Сомнительно даже, что жители Мерсии или Нортумбрии признают над собой власть сакса из Уэссекса. Единый король Севера был еще и единственным в своем роде. Единым королем больше не признали бы никого.

Шаткое положение. Не закончится ли все это Рагнарёком, о котором хотел напомнить отец? Шеф должен обзавестись женой и родить наследника как можно скорее. Так считают все. При дворе блистает множество дочерей ярлов и прочих принцесс Севера, не теряющих надежды на малейший знак внимания со стороны короля. Рагнарёк или не Рагнарёк, но Шеф на это не пойдет. Просто не сможет.

Выйдя из тени, Шеф постарался изобразить радостную улыбку. Но гости разглядели под ней гримасу боли. Альфред сдержался, не бросил взгляд на жену. Он давно знал, что соправитель вовсе не охоч до мальчиков, как шептали некоторые, а влюблен в его жену Годиву. Иногда Альфред жалел, что не может отдать ее Шефу или разделить с ним. Но если он и допускал подобные мысли, то она – нет. По какой-то причине она год от году все сильнее ненавидела друга детства. Ее неприязнь росла вместе с его успехами: возможно, Годива слишком много думала о том, как могла бы сложиться ее судьба.

– Чем ты удивишь нас сегодня? – поинтересовался Альфред, и его смешок прозвучал фальшиво.

Лицо Шефа прояснилось, как бывало всякий раз, когда он мог показать новинку.

– Это телега. Но непростая: на ней могут ездить люди.

– На телегах всегда ездят люди.

– Три мили до рынка и обратно. Ухабы да рытвины мешают ей двигаться быстрее пешего, иначе седоки просто вывалятся. Даже на хорошей каменной дороге, которую недавно замостили мы с тобой, – последние слова были чистой лестью, это отметили все присутствующие, – было бы невыносимой мукой ехать с ветерком. Но не на такой повозке. Смотри. – Шеф похлопал по толстой стойке, которая шла вверх от крепления тележной оси. – Эта стойка упирается в упругую полосу. – Он показал на нее.

– Вроде тех полос, из которых ты мастеришь арбалеты.

– Точно. К полосе приделаны ремни из крепчайшей кожи. А на ремнях висит вот это. – Шеф похлопал по плетеному кузову, заставив его покачаться. – Залезай.

Альфред осторожно забрался внутрь, уселся на одну из двух скамеек. При этом кузов раскачивался, как гамак.

– Леди! – Аккуратно отступив на два шага, чтобы случайно не дотронуться до Годивы, Шеф пригласил ее последовать за мужем.

Она забралась в экипаж, отодвинула сидевшего рядом с отцом Эдварда и тесно прижалась к Альфреду. Шеф тоже сел и пересадил хнычущего ребенка рядом с собой на переднюю скамью. Дал знак расположившемуся впереди кучеру, тот щелкнул кнутом, и повозка стронулась с места.

Когда запряженные в нее четыре лошади разогнались на хорошей дороге до неслыханной скорости, Альфред даже подпрыгнул от неожиданности – сзади раздался ужасающий скрип, превратившийся в бешеный визг, словно резали свинью. Там сидел человек, пунцовый от напряжения, и дул в волынку, при этом умудряясь ухмыляться щербатым ртом.

– Мой тан Квикка. Заслышав его музыку, встречные убегают с дороги.

Раскачивающийся на рессорах экипаж живо домчал седоков до окраины Стамфорда. Вдоль дороги то и дело попадались керлы и их жены; народ был в восторге от скачки во весь опор. Отставшая королевская свита неслась галопом, возбужденно улюлюкала. Годива прижимала к себе дочку, озабоченно поглядывая на Эдварда, которого железная рука Шефа держала за штаны, не позволяя свеситься за борт.

Альфред с трудом перекричал шум:

– Это и есть самое полезное достижение Дома Мудрости?

– Нет, – повысил голос в ответ Шеф, – их много. Вон там еще одно, сейчас покажу. Стой, Озмод, – закричал он кучеру, – остановись ради Христа!.. Я хочу сказать, ради Тора, остановись. Ты что, не слышишь?

На повернувшемся к нему лице тоже играла улыбка:

– Прости, государь, но лошади испугались чего-то – видать, отвыкли от такой скорости.

Альфред глядел с неодобрением. Королевский двор в Стамфорде прослыл странным местом. Альфреда прозвали в народе *Esteadig*, Милосердный, за доброту и широту взглядов. Тем не менее таны и олдермены обращались к нему не без должного уважения. А с сопровителем даже керлы частенько разговаривали как школьные друзья, вместе с которыми он ворует яблоки. Что же касается Квикки и Озмода, то, сколько ни называй их танами, с лиц и тел не сойдут следы рабства. Еще совсем недавно единственное, что могло бы связывать их с королями, – это монарший приговор, зачитанный перед казнью. Да, Квикка и Озмод участвовали в невероятном путешествии единого короля по странам Севера, поэтому им прощались многие вольности. И все же...

Единый король уже выпрыгнул из повозки, оставив ее дверцу открытой, и направился к группе крестьян, копающихся в топкой земле рядом с дорогой. Они оставили свое занятие и с уважением поклонились. Однако и на этих лицах гуляла улыбка.

– Что труднее всего при расчистке нового поля? Нет, не вырубить деревья – с этим любой дурак справится, имея хороший топор. Нет, самое сложное – корчевка. Раньше крестьяне старались срубить дерево поближе к земле, а потом выжигали пень. Это долго, к тому же дуб, ясень и вяз, даже когда от них ничего не остается, могут пустить новые побеги. А вот как мы справляемся теперь. – Шеф ухватился за длинную рукоять, торчащую из сложного механизма с железными шестернями и блоками. – Канат привязываем к самому крепкому пню на поле. Другой конец накидываем на самый слабый пень. Затем налегаем всем весом. – Шеф сопровождал объяснение соответствующими действиями: качнул рукоять храповика назад, а потом вперед, и так несколько раз. В двадцати ярдах от него из земли с ужасающим треском полез пень. К рычагу подскочил какой-то керл, стал помогать королю. Рывок за рывком пень вытащили – к общей радости крестьян и наблюдающей свиты.

Король вытер грязные руки о серые рабочие штаны, дал знак керлам оттащить выкорчеванный пень и привязать канат к следующему.

– Англия – страна лесов. Я ее превращаю в страну полей. Этот механизм для корчевки сделали в Доме Мудрости жрецы Ньёрда – они моряки, все знают о блоках и канатах – и несколько моих катапультеров, они знакомы с зубчатыми колесами. Удд, железных дел мастер, руководит изготовлением шестерен. Они должны быть маленькими, но прочными.

– А ты всякому позволишь обзавестись такой машиной?

Пришла очередь улыбнуться Шефу.

– Я бы, может, и позволил, если бы решать это предоставили мне. Но куда там! Отец Бонифаций, казначей Дома Мудрости, дает машины в аренду тем, кто собирается расчистить поле. Керлы платят за пользование корчевалкой, но расчищенная земля достается им бесплатно. Не навсегда – через три поколения она будет возвращена короне. Я разбогатею на арендной плате за эти машины. А мои наследники, – Шеф кивнул на маленького Эдварда, – разбогатеют, когда к ним вернется земля.

Он указал на силуэт ветряной мельницы, бойко машущей крыльями среди плоских полей Стамфордшира.

– Еще одно новшество. Не само ветряное колесо – об этом вы давно знаете. То, что к нему приделано. Тоже способ улучшать земли. Подъедем поближе, я покажу.

Повозка заметно сбавила ход, когда Озмод свернул с Великой Северной дороги, вымощенной камнем, на старую, тонущую в грязи колею. Шеф воспользовался возможностью в сравнительно спокойной обстановке продолжить рассказ о достижениях Дома Мудрости.

– Мы едем смотреть на большую машину, – склонился он к Альфреду, – но есть и много малых приспособлений, которые приносят не меньше пользы. К примеру, научившись у Бранда и его людей запрягать лошадей в хомуты, мы через какое-то время обнаружили, что лошади иногда при повороте рвут постромки, потому что тяга приложена только к одному боку. Сначала решили брать для ремней кожу попрочнее, а потом один человек, получивший от меня ферму и лошадей, сообразил, что постромки не обязательно крепить к передку. Крепишь их к концам крепкой поворотной поперечины, и эту поперечину – мы ее называем валец – за середину привязываешь коротким ремнем к передку телеги. В результате натяжение постромок одинаковое даже при повороте. И это не только берегает нам кожу! Очень часто настоящая польза изобретений проявляется не в том, для чего они предназначались, и происходит это не сразу. Мы придумали валец – и теперь керлы могут делать короткие пахотные борозды, обрабатывать совсем маленькие поля, ведь им гораздо легче развернуть упряжку. Из этого следует, что даже самый бедный крестьянин, у которого земли акр или два, может управиться сам, не завися от лендлорда.

– Керлы благодарны своему королю, – задумчиво проговорил Альфред. – Они становятся твоими людьми, а не людьми лендлордов. И это, как и деньги за аренду машин, делает тебя сильнее.

Вмешалась Годива:

– Вот для этого он и старается. Ничего не делает без причины – я это поняла уже очень давно.

Шеф ничего не сказал, разглядывая свои грязные ладони.

Через минуту Альфред нарушил молчание:

– А эти новинки, которые мы будем смотреть... Расскажи о них.

Шеф отвечал безжизненным тоном:

– Ладно. Земля здесь, как вы знаете, быстро заболачивается. А кое-где всегда были болота. Само собой, их стараются осушить. Но при рытье канавы в этих местах не всегда можно угадать, куда потечет вода, попадет ли она вообще в твой ров. – Постепенно к Шефу возвращалось воодушевление. – Любой любитель пива знает, что есть два способа розлива: либо просверлить бочку внизу, тогда ее надо затыкать хорошей пробкой, либо сверху подсосать через трубочку и опустить ее конец. Дальше пиво само потечет в кувшин или ведро.

– Никогда о таком не слышал. А в чем тут штука?

Шеф пожал плечами.

– Никто не знает – пока. Но достаточно того, что мы можем изготовить большие трубы, которые не влезут человеку в рот, и устройство для отсасывания воды. Слово кузнечные мехи, только наоборот. Тогда-то мы и заставим воду течь из болот в канавы, даже в те канавы, которые расположены на большом расстоянии.

Повозка и свита наконец подъехали к ветряному колесу, и Шеф спрыгнул, опять оставив дверцу открытой. Вокруг ветряка простиралась паутина грязных канав, тут и там соединенных парусиновыми трубами.

– Вы видите будущие пахотные угодья. – Шеф понизил голос, так что его могли слышать только гости, но не свита. – Я даже не знаю, сколько тут ждущей осушения земли. Наверное, ее хватило бы на полдюжину шайров. И эту землю я никому не отдам. Я делаю ветряные колеса, плачу рабочим. Осушенные поля достаются короне, деньги за их аренду пойдут в казну.

– И опять все только для твоей выгоды, – резко сказала Годива, точно бичом хлестнула, и Альфред заметил, что его уязвленный сопровитель еще раз вздрогнул. – А скажи-ка, что ты сделал для женщин?

Шеф помялся, заговорил было, потом умолк. Он не знал, с чего начать. Напомнить о ветряных мельницах, освободивших от нескончаемой рутины десятки тысяч рабынь, толочших зерно в ступах? Рассказать об опытах, которые ставились в Доме Мудрости, чтобы разлучить в кои-то веки английскую крестьянку с ручной прялкой? Нет, решил Шеф, самое главное для женщин – построенная им мыловарня. Изготавливаемое на ней из золы и жира твердое, скрипучее мыло – вещь сама по себе не новая, но, по уверениям Хунда, способная добрую половину женщин уберечь от родильной горячки. Лекарь убедил короля повелеть, чтобы все повитухи носили с собой мыло и тщательно мыли руки.

Шеф слишком долго раздумывал.

– Так я и знала. – Годива пошла к повозке, увозя за собой детей. – Все только для мужчин. Все ради денег.

Она и не подумала понизить голос. Альфред, Квикка, Озмод, мельник и его жена, обе королевские свиты – все провожали ее взглядом. Потом все посмотрели на Шефа.

Тот опустил глаза.

– Это не так, – пробормотал Шеф, чувствуя, что в нем поднимается ярость – как после падения человека-птицы, когда короля просили все равно заплатить неудачнику. – Всех дел не переделаешь. Сначала делаешь то, что умеешь делать, а потом смотришь, что можно сде-

лать еще. Все, что мы делаем, приносит пользу женщинам. Стало больше земли, больше еды, больше шерсти.

– Так и есть, – согласился Квикка. – Раньше каждую зиму то тут, то там можно было видеть маленьких босых оборванцев, плачущих от холода и голода. Теперь у них, по крайней мере, есть теплая одежда и горячая еда. Потому что они под защитой короля.

– Это точно, – сказал Шеф с внезапным ожесточением. – Потому что все это, – он повел рукой, указывая на мельницу, поля, дренажные канавы и поджидающий экипаж, – держится на одном – на силе. Еще несколько лет назад все обстояло по-другому. Если бы какой-нибудь король, например Эдмунд или Элла, сделал что-нибудь хорошее, на что ему хватило бы серебра, тут же напали бы викинги, все отобрали и снова ввергли страну в нищету. Чтобы сохранить то, что у нас есть, мы должны топить корабли и уничтожать армии!

По обеим королевским свитам прокатился одобрителный гул, эти люди оружием прокладывали себе путь в жизни.

– Да, – продолжал Шеф, – это приносит пользу женщинам и детям, чему я только рад. Но что мне нужно больше всего и за что я буду платить золотом, а не серебром, – это не новый способ запрягать лошадей или осушать болота, а новый способ драться с императором. С Бруно Германским. Потому что мы с нашими болотами можем и забыть про него, но он про нас не забудет. Риг, отец мой! – Шеф повысил голос до крика и вытащил из-за пазухи амулет, серебряную лесенку. – Ниспошли мне новое оружие для битв! Новый меч, новый щит! Новые катапульты и арбалеты. Это самое главное, что нам нужно. И если приближается Рагнарёк, мы сразимся и победим!

Улучив момент, когда уехал король, ближайšie советники и друзья решили обсудить его дела. Все трое – Бранд, Торвин и Хунд – сидели на верхнем этаже большой каменной башни Дома Мудрости, в личной комнате Торвина, глядя на ухоженные плодородные земли, на зеленые поля, пересеченные длинной белой полоской Великой Северной дороги, по которой непрерывно двигались всадники и повозки. По настоянию Торвина присутствовал и четвертый – Фарман, жрец Фрейра, один из двух величайших провидцев Пути. Человек малоприметный, он не участвовал вместе с тремя друзьями в рискованных приключениях, зато, по словам Торвина, был посвящен во многие тайны богов.

Бранд, гигант-норвежец, с сомнением покосился на Фармана, но остальных он знал достаточно давно, чтобы говорить без обиняков.

– Мы должны смотреть правде в глаза, – начал Бранд. – Если Шеф погибнет, то погибнет все. Есть много людей вроде Гудмунда, которые по гроб жизни обязаны единому королю и на которых можно опереться как на каменную стену. Но согласится ли Гудмунд сотрудничать с Олафом, или с Гамли, или с Арнолдом, или с любым другим королем данов и норвежцев? Нет. Если он и захочет, ему не позволят его собственные ярлы. А что касается подчинения англичанину... Все держится на одном-единственном человеке. Беда в том, что человек этот безумен.

– Ты уже говорил это однажды, – укоризненно напомнил лекарь Хунд, – и оказался не прав.

– Ладно, ладно, – уступил Бранд. – Может быть, он не сошел с ума, просто всегда был со странностями. Но вы же понимаете, что я хочу сказать. Он выиграл много сражений и выжил в самых невероятных переделках. Однако каждый раз словно что-то уходит из него. И это ушедшее возвращается.

Задумались все трое слушателей: лекарь Хунд, жрец Идун, англичанин; кузнец Торвин, жрец Тора, датчанин; провидец Фарман, человек, чьего роду-племени не ведал никто.

– Шеф и впрямь утратил кое-что, когда убил Сигурда, – подтвердил Хунд. – Он лишился копья. Никто из нас не знает, как оно досталось королю, но он почему-то очень ценил эту вещь.

Говорят, что с его копьем теперь не расстанется император Бруно, а Хагбарт рассказывал, что он видел, как эти двое сражались и Бруно ушел с добычей. Может быть, это счастливый талисман, и Шеф его упустил.

Бранд решительно замотал головой:

– Нет. У нас здесь есть знатоки, разбирающиеся в чужой удаче, и они говорят, что Шеф своей не утратил. Он так же везуч, как и раньше. Нет, тут что-то другое. Связанное с тем, как он сам к себе относится.

– В Бретраборге он тогда потерял друзей, – снова заговорил Хунд. – Того парня из Дитмарша и богатыря Катреда. Не может ли он чувствовать вину оттого, что он жив, а они мертвы?

Бранду, опытному воину, это объяснение не слишком понравилось.

– Да, такое бывает, – в конце концов признал он. – Но вряд ли проблема в этом. По правде говоря, – он обвел взглядом присутствующих, – я думаю, что все дело в этой проклятой женщине.

– Ты про Годиву, жену Альфреда? – спросил пораженный Хунд.

Он знал обоих с детства.

– Да. Она разговаривает с ним как с собакой, а он вздрагивает, словно пес, которого все время бьют. Но дело не только в ней. Была еще одна, Рагнхильда, королева Восточного Фолда. Из-за нее Шеф чего-то лишился. Ее убил не он, но он стал причиной ее смерти и смерти ее сына. Если Шеф чувствует вину, то не из-за мужчин, а из-за женщин. Поэтому и не женится.

Наступила тишина. На этот раз объяснение не понравилось Хунду.

– Разговаривает с ним как с собакой, – наконец произнес он. – Как вам известно, мое имя и значит «собака». Мой хозяин, отчим Шефа, считал, что я навсегда останусь псом. Но и Шефу он из ненависти дал собачью кличку. Услышав «король Шеф», многие улыбаются, как если бы услышали «король Барбос» или «король Клык». Северяне даже не могут выговорить его имя. Вы знаете, что Альфред несколько раз просил его взять другое имя, которое понравится и англичанам, и норманнам: Оффа или Атли, имя кого-нибудь из героев прошлого. Но ты, Торвин, говорил, что Шеф – тоже имя героя. Может быть, пора нам услышать эту историю? Мне кажется, что в это дело замешаны не только мы, но и боги. Расскажи нам все. И объясни, почему Путь в конце концов признал его тем, кто должен прийти. Мы ведь знаем о Шефе больше, чем все остальные. А Фарман – посредник между нами и богами. Глядишь, вчетвером сумеем понять, в чем тут дело.

Торвин кивнул, но заговорил не сразу, собираясь с мыслями.

– Дело вот в чем, – наконец произнес он. – Эту очень старую историю рассказывают даны. Ее никогда не перекладывали на стихи, она не записана в наших священных книгах, ее не все считают правдивой. И я тоже не слишком-то ей доверял. Но чем больше размышлял, тем больше убеждался, что ее окружает какой-то ореол, дух древности. Думаю, что она правдива и имеет такое же значение, как сказание о Вёлунде или о смерти Бальдра.

Обычно ее рассказывают так. Много лет назад – примерно тогда же, когда родился Спаситель христиан, – даны остались без короля. Последнего представителя королевской династии, Хермота, который сейчас считается любимым воином Одина в Валгалле, они изгнали за жестокость. Но без монарха жестокостей стало еще больше. Это был век, когда брат шел на брата и защищенным себя чувствовал только тот, кто держал в руках оружие.

И однажды на берег моря приплыл щит, а в нем лежал маленький мальчик. Его голова покоилась на ячменном снопе, и больше при младенце ничего не было. Даны подобрали его, вырастили, и со временем он сделался самым могущественным из норманнских конунгов. Он был такой воинственный, что усмирил весь Север. Говорят, в пору его правления девушка могла разгуливать по всей Скандинавии в одиночестве, с золотыми кольцами на каждом пальце и мешочком золота на поясе, и никто бы на нее не напал и даже не посмел сказать грубое

слово. Некоторые датские конунги до сих пор объявляют себя Скьёльдунгами, потомками этого властелина. Его прозвали Скьёльд, Щит, ведь он приплыл на щите.

– Так рассказывают эту историю, – продолжал Торвин, – и вы видите, что в ней есть свой смысл. От щита пошло имя Скьёльдунгов. А поскольку неизвестно, откуда взялся мальчик, стали говорить, что его послали боги, которые увидели несчастья данов и пожалели этот народ.

Но с другой стороны, смысла в сей истории ни на грош; именно поэтому я считаю ее достоверной. Да, Бранд, вижу, что ты поднимаешь бровь, но я же тебе говорю: то, что имеет смысл для богов, не всегда имеет смысл для людей. Сам посуди: чтобы боги да сжалились над несчастьями данов? Когда это наши боги кого-нибудь пожалели? Мы бы им тогда не поклонялись так рьяно. И потом, как насчет снопа? Про него всегда упоминают, но никто не знает, при чем тут сноп. Думаю, что именно в нем ключ к разъяснению всей этой истории.

Сдается мне, спустя много лет ее стали рассказывать неправильно. Я думаю, что раньше имя конунга звучало как Скьёльд Скьефинг, а по-английски – Шильд Шифинг. Кто-то из сказителей однажды взял и придумал объяснение для этого имени. Конунга звали Щит, потому что... ну, скажем, он приплыл на щите. А Сноп его звали, потому что... потому что там лежал еще и сноп. Имена происходят от предметов. Даже эпизод с найденным на берегу младенцем появился потому, что выпуклый щит может плавать. В общем, я думаю, что в этой истории нет ни слова правды.

Я считаю, что когда-то и в самом деле был король, которого звали Щит. Ведь у многих из нас такие имена. Твое имя, Бранд, означает «меч». Я знал людей, которых звали Гейрр, Копье, или Франки, Боевой Топор. И был конунг по имени Скьёльд, Щит. А Шифингом его звали не потому, что он лежал головой на снопе, а потому, что он был сыном Шифа. Или Шефа.

Торвин умолк, и Хунд счел объяснение недостаточным.

– Но что эта история, первоначальная история, означает?

Торвин коснулся своего нагрудного молота.

– На мой взгляд – а многие жрецы Святилища со мной не согласились бы, даже сочли бы меня еретиком, это вам и Фарман подтвердит, – на мой взгляд, эта история содержит три смысла. Во-первых, этих конунгов запомнили или выдумали по определенной причине. Причина, по-моему, в том, что они изменили мир, повернули его историю на другой путь. Думаю, что воинственный конунг Скьёльд объединил людей в один народ и дал им законы, благодаря которым прекратилось братоубийство. А миролюбивый Скьефинг дал нам ячмень и хлеб, научил земледелию наших предков, которые раньше жили, как финны, охотой. Или как твои, Бранд, родичи, huldu-folk, народ кочевников-мясоедов.

Во-вторых, я полагаю, что конунги Скьёльд и Скьефинг избрали правильный путь и люди об этом не забыли. Но мы снова сбились на дурную стезю: на стезю Хермота, любимца Одина. Стезю войны и грабежей. Мы придумываем для грязных дел красивые названия: дренгскарп, херманна вегр, – мужество, путь воина. Ты так называешь это, Бранд, я знаю. Но в результате сильный всегда грабит слабого.

– Я предпочитаю грабить сильных, – проворчал Бранд, однако Торвин его не слушал.

– Думаю, Шеф послан, чтобы вернуть нас на правильный путь. И это не путь Хермота и Одина. Я считаю, что наш король на самом деле враждебен Одину. Он не сделает жертвоприношения Одину. И он не примет благословения Одина.

А теперь я скажу то, что некоторые сочтут ересью. Я не могу отделаться от мысли, что все это происходило в то самое время, когда, по словам христиан, в мир пришел их Белый Христос. А почему он пришел? Почему явились Шеф и Скьёльд? Я могу сказать только следующее, что и будет третьим смыслом этой истории.

В мире однажды что-то пошло не так, он получил рану, которую нельзя исцелить. Мы говорим: Бальдр умер и из мира ушел свет. Христиане рассказывают глупую сказку про яблоко и змея, но суть одна: мир болен и ему нужно лечение. Кто-то должен прийти и исцелить его.

Христиане говорят, что Спасителем был Христос и мир уже вылечен, теперь можно посиживать и уповать на личное спасение. Ха! А у нас рассказывают – или рассказывали раньше, – что приходили два конунга и выбрали для норманнов правильную дорогу. Потом мы с нее сбились. По-моему, наш король, не случайно его зовут Шефом, пришел вернуть нас на правильный путь, как и его пра-пра-пра и так далее дедушка. Я считаю нашего Шефа и его древнего тезку посланцами бога Рига. Который, может быть, и не старше, чем Один, но мудрее.

После паузы Хунд, дотронувшись до амулета Идун, сказал:

– Не понимаю, в чем тут ересь, Торвин. Мы ведь не христиане, чтобы указывать человеку, что ему думать.

Торвин посмотрел вдаль, на поля и дороге.

– Я думаю, что сказания Пути и истории христиан по сути одинаковы. И в тех и в других искажения и выдумки. А может быть, и в тех и в других заключена истина. Но только крупницы истины.

Бранд рассмеялся:

– А ты, наверное, прав, Торвин! Но хотя ты можешь убедить меня и Хунда, даже Совет жрецов, если будешь говорить достаточно долго, я что-то сомневаюсь, что ты убедишь папу римского согласиться с тобой и признать, что у приверженцев Пути тоже есть своя правда!

Торвин засмеялся вместе с ним:

– Нет, я не отправлюсь в Рим просить аудиенции, чтобы изложить свою точку зрения. Каковы бы ни были христиане, церковь остается нашим злейшим врагом, как и поддерживающая ее империя. Я не забываю об этом. Говорят, в тот день наш король целился в Бруно Германского из арбалета. Ему надо было выстрелить.

Впервые заговорил Фарман, его бледное худое лицо не отражало никаких эмоций.

– Болезнь, – повторил он. – Болезнь, от которой страдает мир и которую второй Шеф, или второй Спаситель, послан исцелить. В наших мифах это смерть Бальдра, вызванная предательством Локи. Как мы все знаем, Один пытался вернуть Бальдра из мира Хель и не смог, а в наказание приковал Локи рядом с ядовитым змеем. Наказание наказанием, но при чем здесь исцеление?

– Если существует исцеление, – сказал Торвин, – оно придет через то, что скрыто от нас. Наш друг Шеф мудр, хотя иногда ему не хватает здравого смысла.

– Таким образом мы вернулись к нашему практическому вопросу, – заключил Хунд. – Человек он или полубог, безумец или посланник богов, – что нам с ним делать?

Фарман посмотрел на мчащийся по дороге экипаж, сопровождаемый тридцатью скачущими галопом всадниками, за которыми вздымался столб пыли.

– Я не знаю, – сказал он. – В моих видениях ничего об этом не говорилось. Но, судя по всему, этот человек еще не выполнил предназначения богов. Может быть, он должен вернуть Святое Копье, может быть, сжечь врата Рима... Но пока он здесь, он этого не делает. Он прячется от своей судьбы.

– Тоскует по женщине, которую бросил много лет назад, – добавил Бранд.

– Может быть, ему нужно глотнуть свежего воздуха, вновь почувствовать себя мужчиной, – продолжал Фарман. – Но он не станет мужчиной, копаясь в грязи со смердами.

– Мы должны сделать так, чтобы он оказался на борту корабля, – сказал Торвин. – Может быть, это приведет его туда, куда нужно богам, как того младенца, приплывшего на щите.

– Но на этот раз он не должен быть один, – сказал Фарман. – Вы его друзья. Вы должны пойти с ним. А что касается меня – я буду ждать более ясных указаний.

Снаружи донеслось карканье волынки, сыгравшей свой немелодичный предупредительный сигнал.

Глава 4

Гханья, сводный брат халифа Кордовы, прекрасно понимал всю важность своей миссии на Севере, в стране, где, по слухам, жили полуголые дикари, поклоняющиеся огню магусы, люди дьявола. Но это не мешало ему испытывать жгучую ненависть к предстоящей экспедиции. Лояльность Гханьи не знала границ. Еще бы, иначе он бы не выжил при восшествии своего брата на престол – мягкий, обложенный подушками диван Кордовского халифата. Халифа могли называть, в честь их великого предка Абда эр-Рахмана, Слугой Сострадательного, но сострадания его сердце не знало. Когда он унаследовал трон от отца, меч и лук не остались в бездействии. Дети мужского пола из отцовского гарема были перебраны внимательно и со знанием дела. Дети настоящих арабов из племени курейшитов вскоре умерли: они могли посеять семена раздора. Дети христианских рабынь тоже умерли, если не могли доказать свою полезность, а часть из оставшихся получила посты в ссылке, под надзором, в основном на границе со слабыми христианскими княжествами и герцогствами в гористой северной Испании. Сам Гханья был сыном берберки. Его кровь была недостаточно чистой, чтобы он мог набрать сторонников, но он и не был мустарибом, рвущимся в арабы, как презрительно называли детей христиан, которые приняли ислам ради спасения от голода или из-за честолюбия.

Гханья знал, что он достаточно высокороден, чтобы быть полезным, но недостаточно, чтобы его боялись. Честолюбие было этим удовлетворено, по крайней мере на время. Он отнюдь не стремился рисковать жизнью на кожаном ковре перед диваном, где по краям стояли огромные стражники с постоянно обнаженными скимитарами.

И то, что Гханью послали в такое путешествие, – хороший знак. Он знал, как серьезен стал его сводный брат, когда получил новости с Мальорки и Сицилии. Хотя халиф Кордовы, разумеется, не мог уstrasиться христиан, будь то греки или франки. В 875 году в Кордове было добрых полмиллиона жителей, больше, чем в сельских Византии и Риме и во всех франкских столицах, вместе взятых. Каждый день правоверных сзывали на молитву с трех тысяч минаретов. Каждый день тысячи телег свозили для горожан продукты из неисчерпаемо плодородной поймы Гвадалквивира и со всей Андалузии. Да христианам никогда не пробиться к Кордове, если все правоверные просто встанут у них на пути.

И все же эр-Рахман с величайшей озабоченностью выслушал рассказ Муатьи, ученика Ибн-Фирнаса, а также сообщения вернувшихся из Египта купцов о панике и страхе, овладевших Тулунидами. Халиф даже снизошел до того, чтобы поделиться своими мыслями со сводным братом.

– Острова нам нужны, – заявил он. – Они защищают наши торговые суда, защищают наши берега. И опять же, – продолжал он, – халиф должен думать о будущем. Много лет мы теснили неверных – с того дня, когда наш предок переправился через Джебель-аль-Тарик и сказал своим людям, что позади море, а впереди враги и остается только победить или умереть. Теперь мы встретили препятствие. Но преодолимое ли оно, или же чаша весов начинает клониться в другую сторону? – Эр-Рахман не знал, что такое высшая точка прилива, когда тот кончается и начинается отлив, а если бы знал, обязательно воспользовался бы этим сравнением. – Решив, что чаша клонится в другую сторону, – заключил халиф, – наши враги осмелеют. Мы должны еще раз отбросить их. И еще одно. Мы всегда знали, что христиане отстают от нас по цивилизованности. Разве найдутся у них такие люди, как Ибн-Фирнас? – Халиф сделал жест в сторону ученика мудреца. – И все-таки они высадились на нашу землю с оружием, которому мы не можем ничего противопоставить. Мы должны знать больше. Наши враги не раскроют своих тайн. Но и у наших врагов есть свои враги, – по крайней мере, так мы слышали. Несколько лет назад дошли слухи о поражении великого повелителя франков в битве с теми, кто не верует в Христа. Разыщи этих людей, брат мой. Узнай то, что знают они. Возвращайся

назад с их оружием или с их знаниями. Возьми с собой ученика Ибн-Фирнаса, чтобы выяснить, какие машины придумали варвары.

Халиф взмахнул рукой, отсылая Гханью с его товарищами и телохранителями, с его советником – учеником Ибн-Фирнаса – в ужасную страну вечного холода и ветра.

Путешествие не заладилось с самого начала. Корабль, на который они сели в Малаге, оказался беспомощным, как только прошел через пролив Джебель-аль-Тарик. Море бушевало, ветер ярился, гребцы не могли продвинуть судно против течения, идущего из океана в центральное море вселенной – Средиземное. В Кадисе Гханья пересел на другое судно, парусное, со шкипером и командой, в чьих жилах, судя по их лицам и поступкам, текла кровь христиан. За золото они охотно согласились пойти на север, а их семьи остались в качестве заложников. И все же Гханья с самого отплытия не испытывал к ним доверия.

Но даже матросы – пожиратели свинины – притихли, когда экспедиция добралась до холодных морей Севера. Вблизи порта, который, по их сведениям, должен был стать конечной целью путешествия к Лон-эд-Дину, по обеим сторонам стали вырисовываться серые берега и из непрекращающегося ливня возник странный корабль. Вдвое больше их судна, с двумя мачтами из гигантских деревьев и с парусами, устремленными ввысь. На носу и корме высокие боевые платформы, за их железными бортиками виднеются огромные машины и свирепые бородатые лица. Корабль не приближался, просто пошел рядом и аккуратно швырнул огромный камень, обрушившийся в море в десяти ярдах от носа арабского судна. Последовали долгие и шумные переговоры на неизвестном языке, похожем на собачий лай, затем корабль распустил паруса и неторопливо отвернул в море.

– Нам разрешили идти к берету, – перевел шкипер-мустариб. – Они хотели только удостовериться, что мы не служим франкам и империи, с которой они ведут нескончаемую войну.

«Хороший знак, – стал убеждать себя Гханья. – Враг моего врага – мой друг, а эти люди, очевидно, враги франков». И все же ему не понравилась та беззаботность, с которой встретили и пропустили судно из Кордовы. Не понравились и странные очертания патрульного корабля. Даже высокомерный Муатья слишком долго пялился ему вслед.

Кораблестроителям Шефа выпало несколько мирных лет, за которые они усовершенствовали торопливые нововведения 860-х годов. Под руководством короля и опытных специалистов Пути, в том числе Хагбарта, жреца Ньёрда, была разработана новая конструкция, сохранившая лучшие черты прежних кораблей и свободная от их недостатков. Идея вооруженного катапультами корабля осталась неизменной, но была значительно усовершенствована благодаря кольцевым опорам, изобретенным железных дел мастером Уддом. Проблема смещения центра тяжести вверх была решена с помощью расширения корпуса и загрузки балласта. Ужасающая медлительность первых «Графств» была частично преодолена за счет установки второй мачты. Удвоенная площадь парусов означала, что от предложенного рыбаками косоугольного и широкого паруса можно отказаться. Шкиперы жаловались, что остаются еще кое-какие проблемы, например при галсе фордевинд, так как задние паруса отбирали ветер у передних. Новым кораблям приходилось по возможности брать ветер в бакштаг. Некоторые шкиперы экспериментировали с маленьким дополнительным парусом на стеньге фок-мачты, держа в команде полдюжины очень легких мальчишек, которые должны были поднимать и убирать эту снасть. И при том оставалась главная проблема, Бранд считал ее вообще неразрешимой: слабость кия, который теперь был больше, чем любое самое длинное дерево.

Железных дел мастер Удд настаивал, что к дереву можно добавить металл. А киль нужно усилить креплениями, вот и все. В конце концов с помощью сложной системы бронзовых болтов – ведь даже Удду пришлось признать, что соленая вода губительна для любой стали, – удалось усилить составной киль и массивные деревянные шпангоуты так, что они выдерживали атлантический шторм. И вот наконец мореходные, со сплошной палубой, с поворотными катапультами на носу и корме, с рядами тяжелых арбалетов по обоим бортам, новые корабли

флота соправителей закрыли Узкое море для всех судов, не имеющих разрешения их величеств. Торговля от Фризских островов до устья Луары шла только с молчаливого согласия английских королей. Торговые пошлины окупали содержание патрульных судов. Но как только вдоль атлантического побережья не стало пиратских драккаров, объем торговли удвоился и еще раз удвоился. Путешественники на медленно входящем в лондонский порт кордовском судне обнаружили, что это место не уступит Гвадалквивиру если не по количеству населения, то по его активности.

Однако послам без труда удалось привлечь к себе внимание. Как только поднявшийся на борт мэр города узнал, что арабы добиваются аудиенции его короля и готовы платить золотыми дирхемами, он предоставил посольству лошадей – несчастных недоносков, как с облегчением и презрением обнаружил Гханья, – охрану и проводника и отправил на север по дороге, которая вела в Стамфорд, к королевской резиденции.

Однако в пути беспокойство Гханьи усилилось. Истинного курейшита ничто не могло восхищать у варваров, но он улавливал тревожные признаки их могущества. Он бы не променял свой наряд из хлопка на одежду из овечьей шерсти, которую носили местные жители. Но вскоре Гханья понял, как мало подходит хлопок для вечно дождливой и ветреной погоды. Он заметил, что в плотную шерстяную ткань одеты даже работающие на полях крестьяне. От их еды с презрением отвернулись бы кордовские собаки: черный хлеб и свиное сало, скисшее коровье молоко, листья и зубчики едких пахучих растений. Но похоже, пищи этим людям хватало. Он не видел изможденных лиц и тянущихся за милостыней рук.

А по сторонам дороги снова и снова попадались вращающиеся водяные колеса. На первые два или три он глянул с улыбкой превосходства. Они очень напоминали используемые в Кордове *норши*, только там устройства поднимали воду, а здесь их использовали для помола зерна; колеса помещали в медленно текущую воду, которая их и крутила. Но, увидев четвертую мельницу, Гханья перестал улыбаться и нахмурился. Здесь туземцы осознали свою ошибку и использовали преимущества водосброса: поток бил по верхним лопаткам колеса со всей силой падающей, а не текущей воды. И изнутри мельницы доносился не скрежет мелющих зерно жерновов, а неутихающий Иблисов грохот кующего железо молота. Гханья не был подготовлен к подобным идеям, но где-то в глубине сознания родилась мысль, что варвары, хотя они ничуть не лучше, чем он думал, за несколько лет добились больших достижений, чем арабы за века царствования даже не упомянешь скольких халифов.

Гханья ничуть не нравились слухи о странном короле, благодаря которому все это стало возможным. Хорошо, что король не христианин. Вполне приемлемо, что он не преследует христиан, – халиф Кордовы тоже их не преследовал, вместо этого облагая налогами, которые не мог бы взимать с правоверных. Но невозможно поверить, что он Сын Бога, еще один воплощенный Иса. И хуже того, если он не сын Единого Бога, которому молятся и христиане и мусульмане, а сын языческого божка, одного из многих. Гханья испытывал гадливость, которую всякому монотеисту внушают идолопоклонники.

К гадливости примешивались серьезные опасения: однажды путешественники услышали зловещий гул и вскоре увидели марширующую им навстречу колонну в пятьсот человек, со стонущими волынками и развевающимися знаменами. Вместо креста на знаменах был изображен молот, потому что это были люди Пути, больше не подчеркивающие свой союз с христианином Альфредом. Гханья, съехав на обочину, рассматривал воинов: обычные северные пехотинцы в металлических рубахах, сильные люди с топорами и мечами, нодвигающиеся на удивление медленно, и другие бойцы, коротышки с тяжелыми, необычной формы луками за плечами, а в хвосте колонны мулы везли дюжину машин, сделанных из дерева и веревок. Дротикометы и камнеметалки, объяснил арабам проводник, – катапульты, которые могут разрушить любую стену, пробить любую броню или щит. Но больше всего Гханью огорчили веселые

лица и оживленные разговоры воинов – это был знакомый ему икбал, предвкушение победы, за которой последует еще много побед.

Однако по прибытии в город, который чужеземцы называли своей столицей, Гханья заметил, как чувство превосходства снова поднимается в нем, словно плоть входящего в гарем халифа. Городишко не потянул бы даже на предместье Кордовы. Его каменная башня была новой и крепкой, но невысокой и единственной во всем городе. На базаре народу было меньше, чем при дворе повелителя правоверных. С одного конца города виднелся другой! Вместо толпы просителей, осаждающих неприступных камергеров, гости обнаружили единственного человека, который даже не стал лгать, что король слишком занят, чтобы принимать кого бы то ни было. Разумеется, для такого короля большой честью будет предложение дружбы от халифа Кордовы, потомка пророка и наместника Аллаха на земле!

Гханья окончательно обрел уверенность, готовясь к аудиенции с хозяином людей и кораблей. «Мы должны произвести на них впечатление, – размышлял он, – моим собственным богатством или ученостью Муаты – ни с тем ни с другим варвары наверняка раньше не сталкивались». Беспокоило Гханью только то, что в этой чуждой стране он должен во всем полагаться на искусство своего переводчика, еврея Сулеймана.

– Кто такие евреи? – краем рта спросил Шеф.

Иностранные послы стояли перед ним в большом зале для аудиенций, и один из них, переводчик, находился впереди остальных. Он только что представился, но употребленное им слово для Шефа ничего не значило.

Позади короля коротко посовещались советники. Пока личный толмач Шефа отец Бонифаций переводил титулы гостей на английский, Скальдфинн, жрец Хеймдалля, шагнул вперед. Знаток языков и переводчик, он знал все, что было известно на Севере о других народах.

– Евреи – это народ с Востока, они распяли Христа, – сказал Скальдфинн. – Очевидно, кто-то из них еще остался.

– Христа распяли римляне, – возразил Шеф, – германские воины из римского легиона.

Он говорил со спокойной уверенностью, словно сам был тому свидетелем.

– Христиане предпочитают обвинять евреев.

– А те люди в длинных и тонких одеждах? Кому молятся они?

– Мы зовем их магометанами. Они веруют в пророка, который появился сравнительно недавно. Их Бог и Бог христиан – это почти одно и то же, но они не верят в божественность Христа, а христиане их Мухаммеда даже за пророка не считают. Между мусульманскими и христианскими странами всегда шла война. Однако мусульмане принимают христианских подданных и евреев и обращаются с ними честно.

– Как и мы, значит.

– Да, за исключением того...

– За исключением чего? – Шеф слушал вполуха, как отец Бонифаций долго и нудно переводит неприкрытую лезть, щедро рассыпаемую Сулейманом.

– За исключением того, что они считают три народа – мусульман, христиан и евреев – людьми Книги. Все остальные, по их мнению, не чтут истинного Бога, который в этих трех религиях един, хотя верования разные.

Шеф некоторое время размышлял, слушая сбивчивый двойной перевод: арабскую речь Гханьи еврей Сулейман перекладывал на своеобразную латынь, с которой отец Бонифаций переводил на смешанный англо-норвежский жаргон, принятый при королевском дворе. Наконец Шеф поднял руку. Переводчики сразу замолчали.

– Переведи им, Бонифаций, что, как я понял, они не считают нас людьми Книги. А ты, Торвин, покажи одну из наших книг. Хотя бы твой сборник священных преданий, написанный рунами. Бонифаций, спроси, не думают ли гости, что мы тоже люди Книги?

Огромный человек в белой одежде и с молотом на поясе подошел к поглаживающему бороду Гханье, протягивая фолиант. Посол, чтобы случайно не осквернить себя, велел Сулейману взять книгу.

– Из чего она сделана? – пробормотал он по-арабски.

– Они говорят, что из телячьей кожи.

– Ну, слава Аллаху, не из свиной. Значит, у них нет бумаги?

Ни бумаги, ни папириума.

Оба непонимающе глядели на руны. Сулейман поделился открытием:

– Смотри, господин, у букв нет закруглений. Думаю, эти письма происходят от зарубок, которые делались ножом по дереву.

Острый глаз Шефа уловил легкий презрительный изгиб рта Гханьи, и король сказал стоявшим позади людям:

– Это не произвело на них впечатления. Вот увидите, переводчик вежливо похвалит книги и не ответит на наш вопрос.

– Посол халифа рассмотрел вашу книгу, – решительно начал Сулейман, – и его восхитило искусство переписчика. Если у вас нет мастеров по изготовлению бумаги, мы пришлем подробные наставления. Мы тоже не знали этого искусства, пока нас не научили пленные из одной далекой империи, которых мы захватили в сражении много лет назад.

Сулейман не подобрал для «бумаги» другого латинского слова, кроме *papyrium*, папируса, уже известного Бонифацию, хотя тот предпочитал пергамент. К тому времени, когда перевод дошел до ушей Шефа, «бумага» превратилась в «пергамент», что не было ни новым, ни интересным.

– Вежливо поблагодари и спроси, что привело их сюда.

Все его советники, англичане и норманны, христиане и люди Пути, внимательно выслушали длинный рассказ о нападениях на острова, о греческом флоте и франкских солдатах, о железных людях и жидком огне. Когда Сулейман упомянул о последнем, Шеф снова вмешался и спросил, видел ли его кто-нибудь из послов собственными глазами. Ряды разомкнулись и пропустили вперед юношу с таким же смуглым орлиным лицом, как у его хозяина. Но Шеф отметил и выражение самодовольного превосходства, скрыть которое у молодого посла не ставало такта.

Юноша неторопливо поведал свою историю.

– У тебя очень зоркие глаза, – сделал вывод Шеф.

Муатья покосился на Гханью, увидел его кивок и не спеша извлек подозрительную трубу.

– Мой наставник Ибн-Фирнас, – сказал он, – самый мудрый человек в мире. Сначала он научился исправлять слабость своего зрения, используя стекла особой формы. Потом, в один прекрасный день, следуя его указаниям и воле Аллаха, я открыл, что два стекла делают далекое близким.

Он направил длинную, с кожаными корпусом трубу на открытое окно, повозился, испытывая всегдашние трудности с фокусировкой.

– Там, – наконец сообщил он, – девушка с непокрытым лицом склонилась над колодезем, набирает в ведро воду. Она очень красивая, подошла бы для гарема халифа; ее руки обнажены. На шейной цепочке у нее висит... висит серебряный фаллос, клянусь Аллахом!

Юноша расхохотался, а его начальник неодобрительно нахмурился: мудрее не высмеивать дикарей, даже если их женщины не имеют стыда.

Шеф вопросительно посмотрел на Гханью, дождался согласного кивка и забрал странный предмет у юноши, не обращая внимания на его недовольство. Он осмотрел широкий конец трубы, взял со стола тряпку и аккуратно протер стекло, пытаясь на ощупь определить его форму. Сделал то же самое с узким концом. Ему и прежде доводилось замечать, глядя через толстое зеленое стекло – в его стране это был лучший материал для окон, который могли поз-

волить себе лишь самые богатые, – как искажаются очертания предметов. Значит, такое искажение может быть не только помехой, но и подспорьем.

– Спроси его, почему один конец должен быть уже, чем другой.

Тарабарщина переводчиков. Ответ: он не знает.

– На широком конце стекло выпуклое. А если оно будет вогнутым?

Снова тарабарщина – и тот же ответ.

– Что произойдет, если трубу сделать короче или длиннее?

На этот раз ответ был откровенно сердитым, еврейский переводчик сократил его, явно из дипломатических соображений.

– Он говорит: достаточно того, что труба работает, – последовал отредактированный перевод Бонифация.

Наконец Шеф приставил трубу к глазу, посмотрел туда же, куда смотрел юный араб.

– Да, – подтвердил он, – это Алфвин, дочь конюха Эдгара.

Шеф перевернул трубу, как это раньше делал Мамун, посмотрел через ее широкий торец, вызвав нетерпеливое хмыканье араба, и протянул ему трубу без лишних слов.

– Что ж, – заключил он, – кое-что они знают, но, видимо, не испытывают сильного желания узнать побольше. Действительно, люди Книги делают только то, что велел им наставник. Торвин, ты знаешь, как я к этому отношусь. – Шеф оглядел своих советников, зная, что ничего из сказанного им Сулейман и другие гости без перевода на латынь не поймут. – Есть ли у нас какая-нибудь серьезная причина вступить с ними в союз? Сдается, мы им нужны больше, чем они нам.

Разговор пошел не так, как нужно, осознал Гханья. Он не придавал значения книгам варваров. А те заметили – по крайней мере, король заметил, – что Муатья глуп, несмотря на всю мудрость его учителя. Вот момент, от которого зависит результат всей миссии. Гханья зловеще зашипел Муатье и Сулейману:

– Дураки, расскажите им, чем славится Кордова. Муатья, поведай про своего учителя что-нибудь, что заинтересует короля. И хватит детских фокусов! Он, может, и дикарь, но побрякушками его не обманешь!

Они замялись. Первым нашелся Сулейман.

– Ты ведь христианский священник? – обратился он к отцу Бонифацию. – Но служишь королю, который не разделяет твою веру? Так скажи господину, что я в таком же положении. Переведи ему: для людей вроде моего повелителя и твоего мудрее держаться вместе. Люди мы Книги или нет – а я считаю, что здешние книги отличаются от моей Торы, твоей Библии и Корана моего господина, – мы все праведны. Праведны оттого, что не заставляем других принять нашу религию. Греки сжигают или ослепляют тех, кто не признает их вероучения до последней буквы и запятой. Франки говорят друг другу: «Нехристь не прав, а христиане правы». Они не чтут других книг, кроме Библии, которую трактуют по своему разумению. Святой отец, прошу, добавь собственные убедительные слова к тому, что я сказал! Ведь мы пострадаем первыми, коли дело примет дурной оборот. Мне припомнят распятие Христа, а в чем обвинят тебя – в вероотступничестве?

Шеф выслушал от Бонифация скорее пересказ, чем перевод страстного обращения Сулеймана. Он заметил озабоченность на лице еврея. На его собственном лице ничего не отразилось.

Муатья успел собраться с мыслями, но на ум приходили только бесчисленные добродетели учителя – добродетели в арабском понимании. Ибн-Фирнас сделал машину для отсчета музыкальных тактов, и теперь музыканты могут вступать со своей партией вовремя. На всю Кордову прославилась стеклянная крыша, которую он соорудил над своим фонтаном. Он научился варить стекло из золы. Его поэмы – Муатья уже хватался за соломинку – знамениты во всем мире.

Шеф оглядел советников, собираясь закончить аудиенцию. Гханья бросал злобные взгляды на бормочущего Муатью, потрясенного полным отсутствием интереса к его рассказу.

– Не хочет ли одноглазый король услышать одну из баллад моего наставника? – предложил он. – Или одну из баллад о моем наставнике?

Услышав перевод, Шеф фыркнул, встал и мрачно посмотрел Гханье в глаза. Уже набрав в грудь воздуха, чтобы прервать исполнение, Шеф услышал спокойный бас Бонифация, заглушивший арабскую декламацию юного Муатьи.

– Постой, государь, это может быть любопытно. Он собирается спеть балладу о том, как его наставник летал. Спрыгнул с самой высокой башни в Кордове и, похоже, остался жив.

Шеф очень подозрительно посмотрел на юношу.

– Спроси, какие перья тот использовал.

Вопрос, ответ, перевод:

– Он говорит, никаких перьев. Только глупцы думают, что люди могут летать как птицы. Они должны летать как люди.

– И как же?

– Наставник запретил рассказывать. Юнец говорит: если хочешь узнать, приезжай в Кордову и сам увидишь.

Через несколько часов, после закрытого заседания королевского совета и долгого совместного пира, Шеф едва добрался до кровати. Пир обернулся настоящей мукой. Гости расспрашивали о каждом поставленном перед ними блюде, отказались от свинины, ветчины, колбасы, виноградного вина, медовухи, пива, сидра и даже от «огненного вина», которое научился перегонять Удд; с подозрением понюхали и отвергли. В результате они ни к чему не прикоснулись, кроме хлеба и воды. Шеф испугался за их здоровье. В его краях пить сырую воду было опасно, на это отваживались немногие. Смельчаки слишком часто умирали от болей в животе и скоротечной дизентерии.

Совещание прошло ненамного лучше. Шеф все время чувствовал, что им пытаются манипулировать, оказывают на него давление. Удивило единодушие, с каким советники настаивали на его отъезде. Раньше они беспокоились о том, чтобы удержать его от необдуманных экспедиций. А теперь – хотя все было сделано очень осторожно – словно стремились избавиться от него. Другой, более интересующийся политикой, заподозрил бы заговор и мятеж.

Первым начал Бранд.

– Внутреннее море, – пробурчал он. – Туда ходили раньше. Ты, наверно, не знаешь, но Рагнарссоны, – назвав фамилию, он сплюнул в огонь, – попробовали туда добраться задолго до тебя. Лет пятнадцать назад, когда еще был жив их отец. Ушли с сотней кораблей и пропали на два года. Тогда их еще было пятеро...

– Пятеро? – переспросил Шеф.

Он знал только четверых.

– Да. Сигурд, Ивар, Хальвдан, Убби и их старший брат Бьорн по прозвищу Железный Бок. Он мне нравился, – продолжал Бранд. – Не такой сумасшедший, как остальные. Его убил шальной камень при осаде Парижа.

В общем, дело такое: Рагнарссоны там побывали и вернулись через два года, когда все уже считали их погибшими. Потеряли больше половины флота и две трети воинов. Но клянусь миром Хель, они вернулись богатыми! С этого началось их могущество. Они построили Бре-траборг на добытые деньги. Во Внутреннем море есть чем разжиться. Золота больше нигде не найдешь.

– Золото нам не нужно, у нас достаточно серебра, – возразил Шеф.

Но тут вступил Хунд, упирая на возможность получить новые знания. «Новая наука о зрении, например. А как насчет летающего человека? Нам ничего не рассказывают, но сам

факт, что мы узнали об этом случайно, когда проболтался глупый поэт, означает: там действительно что-то такое есть. То, чего нам даже не вообразить. А ведь это самая полезная разновидность новых знаний». Хунд добавил, что он подробно расспросил еврея-переводчика. По-видимому, в Кордове есть лекари, которые вскрывают тела своих пациентов. К этому приему даже Ингульф, учитель Хунда, прибегал лишь дюжину раз в жизни, а сам Хунд и того меньше. А еще Сулейман сказал, что там есть искусники, которые умеют вскрывать череп и делать операцию на мозге. «Мы обязаны отправиться на юг, – заявил Хунд. – Это наш долг перед Идун, богиней врачевания».

Торвин говорил мало, но тоже выразил желание отправиться в морской поход.

– Кто будет управлять Домом Мудрости вместо тебя? – спросил Шеф.

– Фарман, – сразу ответил Торвин.

Станный выбор, ведь Фарман не разделял интереса Торвина к кузнечному ремеслу. Этот человек весь вечер сверлил Шефа мрачным взглядом, будто заклиная уехать.

Шеф ввалился в спальню, отпустил слуг, стянул с себя королевские одежды и бросил их в угол; завернувшись в одеяло, попытался заснуть. Даже на перине, сменившей доски и солому, на которых Шеф спал большую часть жизни, сон долго не шел. А потом началось.

Во сне он смотрел на карту. Но это была настоящая карта, резко отличающаяся от той, которую он собственноручно повесил на стену в своем просторном кабинете. И еще большие отличающаяся от других, которые он собирал по всему христианскому миру. На большинстве христианских карт мир изображают в виде буквы Т, ножкой служит неизведанная земля Африка, а равные по размеру Европа и Азия образуют верхнюю перекладину. Осью мира, его центральной точкой, неизменно оказывается Иерусалим.

Собственная карта Шефа была подробно прорисована на севере и западе, быстро расплываясь белыми пятнами в неизвестности юга и востока; он отказался наносить там детали, не подтвержденные надежными источниками. Во сне карта не была похожа ни на христианские, ни на его собственную. Но Шеф интуитивно почувствовал, что она верна. Слишком изрезанная, богатая незнакомыми очертаниями и полная излишних подробностей, чтобы быть игрой воображения.

Страны на карте были обозначены разными цветами. Сначала Шеф увидел свои владения: Британию, Данию, Норвегию, Швецию и алье острова. Рядом с ними начали окрашиваться в синее другие земли. Вот посинели владения франков напротив Британии, потом вся Центральная Европа, германские княжества, а теперь синяя волна затопила сапог Италии. Империя Шарлеманя. Ныне снова объединенная благодаря Святому Копью, попавшему в руки истинного наследника Карла Великого, хотя и не наследника по крови. В руки Бруно Германского, нового императора.

Шеф вздрогнул, услышав хладнокровный голос, слишком хорошо ему знакомый.

– Спокойнее, – произнес тот. – Это не видение мира Хель. Ни змея, ни Локи не будет. Просто смотри на карту. Видишь, у тебя только в одном месте на суше есть граница с империей, внизу полуострова Ютландия. Ты укрепил границу от Дитмарша до Балтийского моря, вдоль древней Даневирке, датской линии укреплений, которые построил король Гудффрид. Но у Бруно границ много. На востоке... – (И Шеф увидел, что синее пропадает в почти бесцветной дымке, окрасившейся зеленым.) – Страна степей и лесов. В любой момент оттуда могут нагрянуть огромные армии. Но они исчезают так же внезапно, как появляются. Они не слишком беспокоят Бруно. На юго-востоке... – (Вдруг появился золотистый язык, протянувшийся от вершины итальянского сапога в глубину Азии.) – Греки. Их столица Константинополь, а Бранд ее называет Миклагард, Великий Город. Ныне они не так богаты, как арабы. Зато истинные наследники римлян и римской цивилизации. Греков Бруно тоже не боится, хотя у него есть на них планы. Он хочет включить их в цивилизацию всех христиан, сочетающую

культуру и коварство греков с энергичностью и жестокостью немцев. Перед таким союзом дрогнут даже степные воины. А теперь смотри на серебро.

И серебро появилось, словно раскатанный ковер пересек карту, охватывая земли, которые Шеф и представить себе не мог, далеко на восток от Византии и в самой глубине Африки.

– Земли Дар-аль-Ислама, дома покорных воле Аллаха, – проговорил холодный голос. – Нет бога, кроме Аллаха, и неудивительно, что ненависть сильнее всего между теми, кто одинаково верит в Единого Бога. Может быть, в одного и того же Бога. Но ни одна из сторон этого не признает. А теперь посмотри на земли Дар-аль-Харба, дома Войны. – (Между серебром и синевой появилась сверкающая линия и пролегла через горы Северной Испании.) – Разбойничьи герцогства, теперь они усилились благодаря ордену Копья, ордену воинственных монахов.

И отсверк перешел на юг Франции.

– Разбойничьи гнезда мусульман, – пояснил голос. – Ныне им угрожает воспрянувшая империя.

Сияние охватило Сицилию, Мальту, Сардинию, Мальорку и другие Балеарские острова.

– Это ключ, – сказал голос. – Острова контролируют Внутреннее море.

Шеф видел, что постепенно серебряное везде превращается в синее. словно ножницами обкорнали края арабской Испании.

Объединить синее и золотое, подумал Шеф. Обрезать серебряное, превратить его в синее. Тогда это будет самый крупный союз государств в мире.

В поле зрения вернулась красная полоска, прочерченная на одном из углов империи. Его земли простираются от острова Сицлла до мыса Нордкап. Но они не шире карандашной линии.

– А вот где ось. – Голос доносился теперь издали, словно его источник уже уходил.

На христианских картах всегда изображали Иерусалим в качестве центра земли, оси мира, точки предназначения. Шеф увидел, как центральная точка засияла, выделилась на фоне бледнеющих красок его сна, словно придвинулась к нему. Точка в самом центре Внутреннего моря уравнивающая север и юг, восток и запад. Но он не знал, что это.

Его мысль метнулась вслед удаляющемуся наставнику, взывая:

– Где? Где?

И голос донесся из холодного и враждебного далека:

– В Риме. Иди в Рим, сын мой. Там ты обретешь мир...

Шеф проснулся с таким содроганием и конвульсиями всех мышц, что деревянная рама кровати затрещала и заспанные стражники вбежали из коридора. «Он хочет, чтобы я шел в Рим, – подумал Шеф. – Это был Риг. Он сказал „сын мой“. При таком отце это не сулит ничего, кроме беды».

Глава 5

В тот момент, когда подгоняемый течением флот вышел из устья Темзы и повернул на юг, чтобы Узким морем пройти в Бискайский залив, Шефа удивила собственная неистребимая жизнерадостность. Ведь оснований для оптимизма не было. Своим видениям он доверять не мог. Друзья, чувствовал он, что-то от него скрывают. И все же он ощутил прилив энтузиазма, едва под ногами закачалась палуба корабля.

Может быть, размышлял Шеф, все дело в новизне, которую всегда обещает морское путешествие. Словно бы ветер перемен, достаточно свежий на земле, по крайней мере в его стране, на море еще сильнее. Он не мог не сравнивать нынешнее плавание с предыдущим, восьмилетней давности, когда он заплыл далеко на север, в конце концов победил Рагнарссонов и уступил Святое Копье своему сопернику Бруно. Тогда у него были экспериментальные корабли, предназначенные только для одного: нести на себе катапульты. Сколько же мучений было с этими судами! Лучшие моряки на свете не смогли бы удержать их от нескончаемого сноса в подветренную сторону. А ведь его команда тоже была экспериментальной. Рыбаки в качестве шкиперов и сухопутные вояки в качестве матросов. Им, слишком неуклюжим и неопытным, нельзя было доверить разведение огня на борту, даже со всеми предосторожностями, поэтому приходилось неделями есть холодную пищу, запивая ее пивом и мечтая о ночевке на берегу, где можно разжечь костер.

Совсем другое дело сейчас. Флот Шефа не был велик. Прикинув так и этак, решили не трогать эскадру новых двухмачтовых кораблей с катапультами, оставив их сторожить уязвимое устье Эльбы. Никто не сомневался, что флот императора всегда готов проскользнуть через заслоны и высадить на английский берег грозных воинов-монахов из ордена Копья, как небо от земли отличающихся от недисциплинированных рыцарей Карла Лысого, разбитых под Гастингсом девять лет назад. Так что тридцать кораблей остались бороздить прибрежные воды по кругу между позициями в море близ устья Эльбы, главной базой в Норидже и вспомогательными портами на датском полуострове Ютландия. Шеф взял с собой только шесть судов и флагман – «Победитель Фафнира».

Однако это были славные корабли. Им был нипочем встречный юго-западный ветер, который остановил бы их прототипы; они без труда прошли длинными галсами по Английскому каналу, причем команда ловко управлялась с удвоенным парусным вооружением. Им также не были свойственны те устрашающие изгибы корпуса, которые так напугали Шефа и его ныне покойного товарища Карли, когда они впервые оказались пассажирами на настоящем судне викингов. Вместо того чтобы подстраиваться под форму каждой накатывающей волны, большие и тяжелые корабли просто разбивали валы, сохраняя устойчивость благодаря грузу и балласту и легко удерживая вес своих высоко установленных катапульт. На них даже была – Бранд лишь с грустной завистью покачал головой, когда впервые увидел, – такая новомодная роскошь, как сплошные палубы. На ладьях викингов можно было укрыться разве что под скамьей гребца, да иногда для защиты от дождя натягивались кожаные пологи. Спали в морском походе на днище, между шпангоутами, завернувшись в груду одеял. Теперь же большая ширина и высота укрепленного бронзовыми болтами корпуса означали, что можно настелить сплошную палубу и под ней подвесить койки; места хватало не только королю и его приближенным, но и всей команде. Шеф улыбался как мальчишка, когда шкипер Ордлаф показал ему это новшество. А потом, выбравшись из гамака, его величество отметил, что благодаря палубе можно увеличить продолжительность плавания без заходов в порт, что крайне важно для патрульных судов.

– Он никогда ничему не радуется, – шепнул позже Ордлаф своим помощникам. – Вечно у него забот полон рот, вечно он старается все предусмотреть. Попомните мое слово: это никому не принесет добра.

Но Ордлаф ошибался. Шеф радовался каждой мелочи, когда, стоя на платформе кормовой катапульты, увидел удаляющийся берег Англии и услышал устрашающие рвотные звуки, издаваемые послем халифа и его людьми, снова обреченными на атлантическую качку. Король отметил, как искусно его двенадцать кораблей – семь боевых, с катапультами, и пять разведывательных, с викингами, – выстроились в журавлиный клин размахом в пять миль, чтобы не упускать друг друга из виду и в то же время просматривать горизонт как можно дальше. Он одобрительно кивнул, увидев новое «воронье гнездо» на топе каждой мачты. Неплохо бы вооружить впередсмотрящих подозрными трубами вроде той, что показывали арабы, но секрет ее изготовления до сих пор не раскрыт. В данный момент жрецы Пути трудились в Доме Мудрости, плавил стекло, придавали ему различные формы, пытались разгадать тайну тем же способом, который применяли при усовершенствовании стали и оружия: не с помощью логики, а последовательно перебирая возможные варианты. Тот, у кого получится, сможет сам назначить себе награду.

На новых кораблях был даже каменный очаг, защищенный от ветра и дождя! Шеф уловил запах густой похлебки с колбасой и вспомнил, какие ему доводилось испытывать муки голода. Говорят, что бедность не входит в число добродетелей. Возможно, добродетели помогают переносить нужду, но она никого не делает лучше.

Его приятные размышления были внезапно прерваны суматохой на форкасле, передней боевой платформе: оттуда донеслись возбужденные голоса мужчин и перекрывающий их визг, невозможный в море визг женщины. И притом, судя по звуку, женщины негодующей. Шеф торопливо пробрался к борту и зашагал по палубе семидесятифутовой длины.

Это действительно оказалась женщина, однако в первый момент Шефа больше поразил вид его друга детства, лекаря Хунда: набычившись, тот всем телом отталкивал шкипера Ордлафа. Хунд был далеко не силач – такой сублильный, миролюбивый и кроткий, что жалко смотреть. С трудом верилось, что он теснит грузного Ордлафа.

Но еще более странно выглядела женщина. Шеф сразу заметил каштановые волосы и сверкающие голубые глаза, и какие-то воспоминания шевельнулись в его мозгу. Но потом он уже не видел ничего, кроме ее одежды.

Медленно до сознания доходило то, что уже отметил взгляд. Определенно, это одеяние жреца Пути. Белоснежная, многократно отбеленная шерстяная ткань. На шее амулет, но не из тех, которые легко опознать. Не яблоко лекарей и не молот кузнецов. Лыжи бога Улла? Нет, перо, грубо сделанное, но узнаваемое перо птицы. А вокруг талии низка священных ягод рябины.

Шеф обнаружил, что рядом стоит Торвин. И еще он понял, что крик и возня затихли, прерванные его появлением и пристальным взглядом.

– Она с тобой? – с изумлением спросил король у Торвина. – У вас теперь есть жрицы?

– Не со мной, – был угрюмый ответ. – Она не имеет права носить наши амулеты и одежду. Надо снять платье и все прочее.

– И что потом?

– А потом за борт ее, – вмешался Ордлаф. – Слыханное ли дело – баба на корабле? – Он тут же спохватился: – Я хотел сказать – носящая прялку.

Шеф хорошо знал, что среди его моряков, даже среди англичан вроде Ордлафа, которые оставались христианами, распространен особый табуированный жаргон, слова *haf*. Викинг Бранд и его люди были уверены, что упоминание в море о таких непотребных существах, как женщины, кошки и христианские священники, – верный способ накликать беду и хуже этого может быть только путешествие на одном с ними корабле. Также нельзя было запросто назы-

вать составные части своего корабля, для них имелись особые ритуальные названия. Об этом и вспомнил Ордлаф. Но все это вылетело у Шефа из головы, едва он снова присмотрелся к стоящей напротив женщине. Король рассеянно отодвинул рвущегося на защиту Хунда, чтобы без помех окинуть ее взглядом.

– Я видел тебя раньше, – сказал Шеф. – Ты меня ударила, расквасила нос. Это было возле Бедрикворда, в лагере... в лагере могучего воина. Ты была в палатке, которую я разрезал, в палатке... – Шеф запнулся. Он не помнил правил Бранда на этот счет, но что-то подсказывало, что имя Ивара Бескостного может ничуть не хуже, чем женщины и кошки, разъярить и накликать морских ведьм Ран, богини глубин. – В палатке бледного человека, – наконец выкрутился он.

Она кивнула:

– Я тоже тебя помню. У тебя тогда было два глаза. Ты разрезал палатку, чтобы вытащить английскую девушку, но перепутал меня с нею. Я тебя ударила, и ты меня отпустил.

По-английски она говорила с норвежским акцентом, таким же заметным, как у Бранда, но не таким, как у многих приверженцев Пути, говорящих на смеси английского и норвежского. Эта женщина из племени данов. Похоже, чистокровная. Откуда она взялась?

– Я провел ее на борт, – заявил Хунд, которому наконец-то удалось привлечь к себе внимание. – Спрятал ее под палубой. Шеф, ты был учеником Торвина, я был учеником Ингульфа. А Свандис – моя ученица. Прошу защитить ее, как Торвин защищал тебя, когда псы Ивара желали твоей смерти.

– Если она твоя ученица, почему не носит яблоко Идун, знак лекарей? – спросил Шеф.

– Женщины не могут быть учениками, – проворчал Торвин.

– На это я могу ответить, – сказал Хунд. – Но есть еще много вещей, которые необходимо разъяснить. С глазу на глаз, – добавил он.

Шеф задумчиво кивнул. Хунд ничего не просил лично для себя с того самого дня, когда Шеф снял с него рабский ошейник. Однако он верой и правдой служил своему королю. У него есть право быть выслушанным. Шеф молча указал на закуток, где был подвешен королевский гамак. Он обернулся к Ордлафу, Торвину, всей команде и стоящим позади нее смуглолицым арабам.

– Больше никаких разговоров о раздевании и швырянии за борт, – распорядился Шеф. – Ордлаф, раздавай еду и не забудь про нас с Хундом. А что до женщины, отведи ее на корму, и пусть двое твоих помощников присмотрят за ней. Ты отвечаешь за ее безопасность. Леди, – добавил он, – следуй за этими людьми.

Какое-то мгновение она сверлила Шефа взглядом, будто собираясь ударить снова. Когда она обмякла и опустила глаза, Шеф с содроганием сердца вспомнил, где видел эти свирепые черты. В поединке на сходнях. Это женское воплощение Бескостного, которого Шеф убил и сжег, чтобы его дух никогда не вернулся. Что за тень вызвал Хунд из прошлого? Если это *драугр*, дважды рожденный, Шеф последует совету Торвина. И тем самым снимет камень с души у своих моряков, мрачно принявшихся за еду.

– Да, она дочь Ивара, – признал Хунд, когда они уселись в темноте под платформой передней катапульты. – Я понял это совсем недавно.

– Но как у него может быть дочь, родная дочь? Ведь он ничего не мог с женщинами, поэтому его и прозвали Бескостным. У него не было...

– Да были, были, – вздохнул Хунд. – И ты прекрасно это знаешь. Сам раздавил их в кулаке, когда его убивал.

Шеф примолк, вспомнив последние мгновения своего боя с Иваром.

– Когда мы с ним познакомились, – продолжал Хунд, – он, похоже, и впрямь уже ничего не мог с женщинами. А раньше у него получалось – если сначала помучит. Таких мужчин,

которых возбуждают боль и страх, слишком много даже в твоём королевстве. К концу жизни он стал ценить в женщинах только боль и страх, и, думаю, ни одна из его жертв уже не надеялась выжить. Знаешь, от этого ты спас Годиву, – добавил он, со значением посмотрев на короля. – Поначалу Ивар обращался с ней хорошо, но, как я слышал, он так делал нарочно, чтобы острее было удовольствие потом, когда доверие жертвы вдруг сменится страхом.

В молодости его притязания были, видимо, поскромнее. Женщинам удавалось выжить после того, что он с ними вытворял. Даже попадались такие извращенные, что сами помогали ему.

– Неужто радовались побоям? – недоверчиво фыркнул Шеф.

Ему самому нередко доводилось испытывать боль. Нынешний собеседник выжиг ему глаз иглой, чтобы не случилось худшего. Шеф совершенно не понимал, как боль может доставлять удовольствие.

Хунд кивнул.

– У него даже могло быть что-то вроде любви с матерью Свандис. Как бы то ни было, эта женщина зачала от него дочь и дожила до родов. Хотя вскоре после них умерла, ведь Ивар становился все более жестоким. Он очень дорожил дочерью, возможно, из-за ее матери, а возможно, потому, что она была живым доказательством его мужских способностей. Он взял ее с собой в поход великой армии на Англию. Но после переполоха под Бредриксвордом все Рагнарссоны отослали своих женщин – настоящих жен, а не наложниц – в безопасный Бретраборг. Шеф, скажу тебе как лекарь. – Хунд взялся за амулет-яблоко, чтобы засвидетельствовать свою серьезность. – Эту девушку трижды пугали до полусмерти. Первый раз в Бредриксворде. Большинство женщин из той палатки убили, это тебе известно. Годиву ты вытащил, а Свандис схватила оружие и затаилась между растяжек, где воинам нелегко было ее найти. Всех остальных зарезали англичане, настолько ослепленные яростью, что уже ничего не разбирали. Утром она собирала тела. Второй раз – в Бретраборге, когда ты взял его штурмом. Она тогда жила как принцесса, любая ее прихоть выполнялась. И вдруг повсюду опять кровь и огонь, и после этого ей пришлось бродяжничать. Никто не принял бы дочь Рагнарссона под свой кров. А достань она золото, любой его отнял бы. Все ее родственники были мертвы. Чем, по-твоему, она жила? Прежде чем добралась до меня, она прошла через множество рук. Словно монахиня, которую захватили викинги и передают от костра к костру.

– А в третий раз? – спросил Шеф.

– Когда погибла ее мать. Кто знает, что там произошло? И кто знает, что увидел или услышал ребенок?

– Сейчас она твоя наложница? – осведомился Шеф, пытаясь прийти к какому-то решению.

Хунд только рукой махнул.

– Я пытаюсь втолковать тебе, глупец, что она меньше всех женщин мечтает стать чьей-то любовницей. Для нее лечь с мужчиной – все равно что быть медленно выпотрошенной. Если она и соглашается, то исключительно ради еды или денег.

Шеф откинулся на скамье. Хотя в неосвещенном твиндеке нельзя было различить его лицо, он слабо улыбался. Хунд разговаривал с ним совсем как в детстве, как сын трэлла с незаконнорожденным. С другой стороны, какое-то волнение родилось в нем от мысли, что появившаяся женщина *не* любовница Хунда.

Дочь Рагнарссона, размышлял Шеф. Сейчас, когда ее отец и дядья с кузенами, к счастью, мертвы, это может оказаться не так уж плохо – взять и породниться с Рагнарссонами. Несмотря на ненависть, все признают их потомками богов и героев. Змеиный Глаз заявлял, что в его жилах течет кровь Волси и Сигурда Убийцы Фафнира. Нет сомнений, что даны, свеи и норвежцы признают дитя от подобного союза, – пусть даже она и женщина.

Шеф вернулся к реальности:

– Если она не твоя любовница, зачем ты спрятал ее на борту?

Хунд наклонился к нему:

– Поверь, такого умного человека мы еще не встречали.

– Неужто умнее Удда? – Шеф вспомнил о рожденном в рабстве человечке, который сделался королевским мастером железных дел и самым уважаемым кузнецом среди жрецов Пути.

Но Удда теперь не выманишь из Дома Мудрости, ведь ему никогда не оправиться от пережитых на Севере потрясений.

– У нее другой ум. Она не кует железа и не придумывает машин. Она мыслит глубже. После бегства из Бретраборга она услышала от кого-то об учении Пути. Святых поэм и сказаний она знает не меньше, чем Торвин, и умеет читать их и записывать. Вот почему Свандис решила носить птичье перо, хотя я не знаю, веру в какого бога оно обозначает. – Хунд перешел на шепот: – Я считаю, что она разъясняет сказания лучше самого Торвина. Их скрытый смысл, правду о Вёлунде, о конунге Фроди и девах-гигантах, всю правду, а не наши сказки об Одине и Локи, о Рагнарёке. Тем, кто готов слушать, она излагает странное учение, говорит, что нет Валгаллы для славных и Ностранда для дурных, нет чудовищ в безднах морских и под землей, нет Локи и нет мира Хель...

Шеф оборвал его:

– Если ты хочешь, она может остаться. Что до меня, то пусть даже излагает свое странное учение. Но передай ей вот что: если хочет кого-нибудь убедить, что Локи не существует, пусть начнет с меня. Я осыплю золотом того, кто докажет мне это. Или убедит меня, что его оковы прочны...

Не так уж далеко, на расстоянии полета ворона от военного флота, бороздящего Атлантику у французского побережья, новый император Священной Римской империи предвкушал свое послеобеденное развлечение.

Вернувшись со встречи в Салоне, император с обычной своей яростной энергией набросился на следующую задачу: дополнить на сухопутном театре те военные действия, которые его полководец Агилульф и наварх греческого Красного флота осуществляли на море. Настало время, объявил Бруно, покончить с мусульманскими крепостями, поставленными покоем назад на южном берегу Франции, где они, к вящему позору всех христиан и наследников Карла Великого, постоянно угрожали паломникам и должностным лицам, направляющимся в Рим. Кое-кто ворчал, что это проще сказать, чем сделать, но таких было немного. Император ни к чему не приступал без плана.

Сейчас Бруно стоял, спокойный и добродушный, и объяснял свой замысел окружавшей его группе недоверчивых, осторожных, но чрезвычайно заинтересованных дворян. Это были мелкие герцоги и бароны с Пиренейских гор, их крепости как занозы сидели на краю мусульманской Испании и служили своеобразным противовесом мусульманским бандам, одно из гнезд которых на южном побережье Франции Бруно собирался сегодня уничтожить. Время от времени с неба падали стрела или дротик, выпущенные из крепости, башни которой вздымались футов на двести над беседующими. Дворяне заметили абсолютное безразличие императора к опасности, он лишь нехотя поднимал щит, чтобы отбить стрелу, не прерывая своей речи. Это не была речь кабинетного вояки. За свою жизнь император не помочился столько раз, сколько в него стреляли.

– Как видите, мавры построили высокие стены, – говорил Бруно. – Долгое время они были вполне надежны. Штурмовые лестницы не достают до верха, и в крепости полно лучников – кстати, довольно метких, – добавил он, в очередной раз поднимая щит. – Внизу сплошной камень, так что подкоп не сделаешь. Даже наши онагры не подвести достаточно близко, чтобы бить по воротам. Но мусульманские мерзавцы еще не имели дела с моим славным секретарисом! – Император указал рукой на фигуру, которой испанские бароны до сих пор не заме-

чали: маленький тощий человечек, одетый в неприметную черную рясу дьякона, стоял около огромной машины, которую с трудом притащили двести дюжих мужчин. Бароны убедились, что от дьякона не отходят два полностью вооруженных воина со щитами удвоенной величины. Император мог рисковать своей жизнью, но не жизнью этого советника.

– Перед вами арифметикус Эркенберт.

Дворяне понимающе кивнули. Они слышали об этом англичанине. Все христиане знали о том, как великий император путешествовал в языческие страны и вернулся со Святым Копьем центуриона Лонгина. Значительную часть истории занимал эпизод сокрушения королевского дуба шведских идолопоклонников при участии Эркенберта.

Держа в руке факел, маленький дьякон пронзительно выкрикивал распоряжения. Он взглянул на императора, увидел его кивок, нагнулся к своей машине, выпрямился и выкрикнул последний приказ. Мгновением позже испанцы дружно ахнули от изумления. Рычаг пришел в движение, его короткое плечо натужно тянула вниз огромная бадья. Затем длинное плечо взметнулось настолько же быстро, насколько медленно двигалось короткое, и прочертило дымную дугу. Возглас был вызван размерами брошенного снаряда: крупнее любого камня, который мог бы поднять человек, крупнее, чем мул или двухлетний бычок, тот словно по волшебству взлетел в небо, пронесся над куртиной мусульманской крепости и рухнул где-то вдали. Со стен донеслись крики страха и ярости. А прислуга требушета, боевой машины, уже суетилась около рычага с бадьей; некоторые, забравшись внутрь, выкидывали на пересохшую землю камень за камнем.

– Машина очень медленная, – оживленно продолжал Бруно, – зато легко бросает снаряд, весящий с трех человек, футов на сто пятьдесят. И вы видели, что она бьет вверх. Не настильно, как онагр, а навесом. Поэтому мы сначала забрасываем огнем деревянные постройки внутри крепости – четыреста фунтов просмоленной соломы не потушишь помочившись, – а потом... Ну, сами увидите. Коль скоро мой секретариус сделал выстрел или два, он может рассчитать вес груза – на то он и арифметикус, – и выстрелить уже не соломой, а камнем, который попадет точно в ворота. – Бруно указал на обитые железом дубовые ворота крепости. – А потом, как вы увидите, – Бруно обвел рукой тяжеловооруженных воинов, выстроившихся в шеренги вне пределов досягаемости вражеских луков, – в бой пойдут герои из ордена Копья и dokonчат работу.

– И мы вместе с ними, – предложил один из испанских баронов, иссеченный шрамами ветеран.

– Разумеется! – воскликнул Бруно. – И я тоже! Да я для этого и приехал! – Он заговорщически подмигнул. – Хотя нам необходимо принять решение. Мои парни носят кольчуги, ведь они сражаются по два раза на неделе. Но тем из нас, кому это удастся лишь изредка, не лучше ли пойти легковооруженными? Я сам ношу только кожаный колет, он не мешает двигаться, и мавры тоже не носят доспехов. По правде говоря, для меня это больше похоже на травлю крыс, чем на сражение. Но ведь и крыс не выкуришь, не применив хитрости.

Он с благодарной улыбкой взглянул на своего секретариуса, который руководил подъемом бадьи огромного требушета, готовясь снова наполнить ее грузом.

– А ты возьмешь в битву Святое Копье? – осмелился спросить кто-то из испанцев.

Император кивнул, и золотой венец, водруженный на его простой стальной шлем, сверкнул на солнце.

– Я никогда с ним не расстаюсь. Но держу в той же руке, к которой пристегнут щит, и никогда не наношу Копьем ударов. Оно напоено святой кровью нашего Спасителя, и его нельзя осквернять кровью мерзких язычников. Я дорожу им больше, чем собственной жизнью.

Испанцы стояли молча. Было совершенно ясно, что этот штурм имеет целью не только уничтожить банду, но и произвести впечатление на баронов, внушить им, что нет другого выбора, кроме союза с империей и подчинения императору. Однако они и сами к этому склоня-

лись. Многие поколения их предков героически противостояли волнам мусульманского нашествия, совсем позабытые благоденствующими за их спиной собратьями-христианами. Если теперь великий король пришел с могучей армией – что ж, испанцы готовы оказать ему поддержку и разделить с ним добычу. Реликвия в его руке – лишь подтверждение его могущества, впрочем, довольно убедительное. Наконец один из баронов заговорил, сделав выбор и желая доказать свою лояльность.

– Мы все пойдем за Копьем, – сказал он на искаженной латыни горцев.

Его товарищи откликнулись согласным гулом.

– Я так думаю, что владелец Копья должен обладать и другой святой реликвией нашего Спасителя.

Бруно подозрительно взглянул на него:

– И что это за реликвия?

Испанец улыбнулся.

– О ней известно немногим. Говорят, в этих горах хранится третья, кроме Святого Креста и Святого Копья, вещь, которая соприкасалась с нашим Спасителем.

Он умолк, довольный произведенным эффектом.

– Продолжай.

– Святой Грааль! – На приграничном диалекте это прозвучало как «Санто Граале».

– Что он собой представляет и где находится? – очень тихо проговорил Бруно.

– Не могу сказать. По слухам, его прячут где-то в этих горах со времен длинноволосых королей.

Другие бароны с сомнением переглянулись, не уверенные, что стоило упоминать старинные династии, свергнутые дедом Карла Великого. Но Бруно нимало не заботила легитимность династии Шарлеманя, которую он истребил собственноручно; его крайне заинтересовал рассказ барона.

– Так кто же владеет им сейчас? Это известно?

– Еретики, – ответил барон. – Горы кишат ими. Они не веруют в Мухаммеда и Аллаха. Говорят, это поклонники самого дьявола. Грааль упал к ним много лет назад – так говорят, но никто не знает, что бы это могло означать. Мы не ведаем, кто эти еретики; они могут быть сейчас среди нас. Говорят, у них очень странное вероучение.

Машина снова выстрелила, камень медленно поднялся в воздух и сокрушительно ударил по воротам, позади которых вздымались клубы черного дыма. Воины ордена Копья издали хриплый клич и бросились в брешь. Их император обнажил свой длинный меч и повернулся, сжимая мускулистой рукой Святое Копье.

– Поговорим об этом после, – прокричал он сквозь шум битвы. – За ужином. Когда перебежим крыс.

Глава 6

На сердце у халифа Кордовы Абда эр-Рахмана было беспокойно. Он сидел скрестив ноги на любимом ковре в самом маленьком и потаенном дворике своего дворца и мысленно перебирал свалившиеся на него неприятности. Рядом успокаивающе журчал фонтан. В сотнях ваз, расставленных по всему дворнику в кажущемся беспорядке, росли цветы. Балдахин закрывал халифа от прямых лучей солнца, уже набравшего силу за короткую андалузскую весну. Во всем дворце говорили шепотом, а снующие везде слуги делали свою работу молча. Телохранители на цыпочках отошли в тень колоннады, наблюдая, но оставаясь невидимыми. Христианка из гарема, получив знак от хаджиба – управлятеля дворца, заиграла на цитре ненавязчивую мелодию, готовая стихнуть при малейшем признаке неудовольствия. Никто не смел войти во дворик, и халиф погружался в свои размышления все глубже и глубже.

Купцы принесли плохие вести, рассуждал он. Ясно, что христиане захватили все места, на которых можно разместить морские базы: Сицилию, Мальту, Мальорку, Менорку, остальные Балеарские острова, даже Форментеру, и вдобавок – хотя это была уже не его забота – греческие острова Кипр и Крит. Купцы сообщали, что на всех торговых линиях, даже вдоль африканского побережья, их суда подвергаются нападениям христианских пиратов. «Странно, что все изменилось так стремительно», – подумал халиф.

Тому была причина, хотя халиф ее не знал. При всей своей величине Средиземное море все-таки больше похоже на озеро. Из-за доминирующих ветров и постоянного течения, несущего воды из Атлантики, чтобы восполнить убыль от испарения в почти замкнутом водоеме, там гораздо легче плыть с запада на восток, чем с востока на запад, а с севера на юг – легче, чем с юга на север. Первое обстоятельство давало преимущество халифу, а второе – его христианским противникам. Как только объединенные арабские флоты на севере были разгромлены, а базы захвачены, путь на юг стал открыт для жителей любой островной деревушки, желающих снарядить судно и отыграть за многовековой мусульманский грабеж на купцах из Египта и Туниса, Испании и Марокко.

«Нет, – подумал халиф. – Угроза торговле – это неприятность, но не она так тревожит меня. Кордовский халифат ни в чем не испытывает недостатка. Если заморская торговля прекратится, кое-кто разорится, зато разбогатеют другие, поставляя то, что мы привыкли покупать у египтян. Меня гnevят потери кораблей и людей, но за них можно будет отомстить. Не это смущает мою душу».

Значит, новости о франках? Халиф не испытывал симпатий к прибрежным разбойникам, чьи гнезда разорил новый император франков. Разбойники не платили дань халифу, и среди них не было его родственников; многие в свое время сбежали от его праведного суда. Но именно здесь сидела какая-то заноза, которая не давала покоя халифу. Он не забывал слова пророка Мухаммеда: «О те, которые уверовали! Сражайтесь с неверными, которые находятся вблизи вас». Может быть, дело в том, что он, Абд эр-Рахман, пренебрег своим священным долгом? Недостаточно ревностно боролся с кафирами на северных границах? Не пришел на помощь тем мусульманам, которые выполняли заповеди пророка? Халиф прекрасно знал, почему нельзя трогать свои северные границы: добыча скудна, потери велики, вдобавок горы служат каким ни на есть щитом между его владениями и могучей империей франков. «С перемешавшихся в горах христиан, еретиков, евреев легче сдирать налоги, чем править ими, – подумал халиф. – Но может быть, в этом-то и ошибка».

«Нет, – решил Абд эр-Рахман, – эти неприятные новости заставят меня заново обдумать мою политику, но они не таят в себе большой угрозы. Леон и Наварра, Галиция и Руссильон, и прочие крошечные княжества падут, как только я протяну к ним руку. Может быть, уже в следующем году. Нет, главную причину нужно искать глубже».

Не могут ли это быть сообщения, поступившие от *кади*, главного городского судьи? В них действительно было что-то, глубоко задевающее халифа. Уже двадцать лет Кордову потрясали выходки то одного, то другого юного дурака или дурочки из христианского меньшинства. Они лезли на рожон. Они поносили пророка на рыночной площади. Они приходили к кади и заявляли, что раньше верили в заповеди пророка, но теперь нашли истинного Бога. Они пускались во все тяжкие и совершали проступки, за которые полагалась смерть от клинка палача. Потом приспешники объявляли их святыми и, если кади не удавалось проследить за сожжением нечестивцев, торговали их костями как реликвиями. Халифу доводилось читать священные книги христиан, и он прекрасно понимал, какое здесь напрашивается сравнение со смертью пророка Исы: римлянин Пилат очень не хотел приговаривать его к казни, но в конце концов был вынужден послать на смерть. Сколь много мир потерял оттого, что Пилат оказался слишком мягок! Судя по сообщениям кади, христиане пытались повторить ситуацию, провоцируя мусульман возмутиться и учинить в городе погром.

«Но суть дела опять же не в этом, – решил халиф. – Мой предшественник нашел лекарство от этой болезни. Христиане с легкостью готовы принять мученическую смерть, но гораздо хуже относятся к публичному унижению. Еще сам Пилат понял, как с ними надо обращаться: раздеть и публично высечь батогами. Потом с презрением отпустить домой. Это умиротворяло толпу мусульман и не позволяло сделать из наказанных ни святых, ни мучеников. Некоторые переносили экзекуцию с достоинством, другие малодушествовали, но очень немногих приходилось наказывать второй раз. Главное – не поддаваться на провокацию. Тот, кто действительно исповедовал ислам, а потом стал христианином, заслуживает смерти. А того, кто заявляет о своем мнимом обращении, чтобы подвергнуться казни, следует игнорировать».

«Но в этом-то и заключена суть дела», – вдруг понял халиф.

Он заворочался на ковре, и треньканье цитры моментально прекратилось. Халиф уселся поудобнее, и музыка очень осторожно зазвучала снова.

В исламе главное – шахада, исповедание веры. Тот, кто однажды при свидетелях принял ее, навсегда стал мусульманином. Всего-то нужно произнести слова: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк Его». «Ля иляха иль Аллах Мухаммад расул Аллах», – пробормотал халиф в стотысячный раз. Эти слова предписаны самим пророком. Их нельзя взять назад.

И все же пророку, да славится имя его, никогда не приходилось иметь дело с христианами, стремящимися к мученической смерти! Иначе он усложнил бы обряд!

Абд эр-Рахман спохватился. Вот почему ему так тревожно. Он чуть было не впал во грех. Еще немного – и ослаб бы в вере, начал бы критиковать пророка и думать о реформировании ислама.

Он поднял палец, изобразив, будто разворачивает свиток. Не прошло и минуты, как перед ним молча застыл катиб, хранитель библиотеки. Халиф кивнул на подушку, предлагая Ицхаку сесть, и изогнул палец, чтобы принесли шербет и финики.

– Расскажи мне мутазилитах, – произнес он.

Ицхак, похолодев, осторожно разглядывал своего повелителя. Какими подозрениями вызван этот вопрос? Что нужно халифу, новые сведения или подтверждение собственных мыслей? Похоже, что новые сведения. Но не следует скупиться на проклятия еретикам.

– Мутазилиды, – начал библиотекарь, – были вскормлены недостойными приверженцами Абдуллы, врага вашего дома. Хотя к нынешнему времени даже в Багдаде, обители нечистых, они попали в немилость и были разогнаны.

Слегка сузившийся взгляд халифа подсказал Ицхаку, что пора переходить к сути.

– Основа их ереси такова, – продолжал он, – вера должна, как учили греки, подчиняться рассудку. Мутазилиды дерзко утверждают, будто Коран не вечен и может быть пересмотрен. Они заявляют, что вечен один лишь Аллах. А Коран, следовательно, нет.

Ицхак запнулся, боясь перегнуть палку. Как и многие ученые Кордовы, он всей душой сочувствовал тем, кто проповедовал свободу в поисках знаний, отвергал цепи хадита, традиции. Он давно научился скрывать свои симпатии. Однако сейчас хотелось рискнуть и рассказать о дилемме, как ее назвали бы греческие философы-мудрецы.

– Да будет известно халифу, мутазилиты ставят нас перед трудным выбором, перед дилеммой, – продолжал он. – Если мы согласимся с ними, то признаем, что можно изменить законы шари, пути очищения. Но где же тогда проходит путь очищения? А если не согласимся, то придется считать, что Коран появился раньше самого пророка. Признав это, мы отнимаем у пророка честь создания Корана.

– А что думаешь ты сам, Ицхак? Говори откровенно. Если мне не понравятся твои слова, я сделаю вид, что не услышал, и больше не буду спрашивать.

Библиотекарь тяжело вздохнул, вспомнив, как знаменитый визирь халифа Гаруна аль-Рашида, выходя из дворцовых покоев, всякий раз хватался за голову – цела ли она?

– Я думаю, что в учении мутазилитов есть крупинцы истины. Пророк был человеком, он жил и умер как человек. Часть из того, что он сказал, была от человека, а часть от Бога. Вполне допустимо, что часть, подсказанную его человеческим умом, можно изменять, как и любое человеческое творение.

– Но мы не знаем, где какая часть, – подвел итог халиф. – Вот и посеяны семена сомнений.

Ицхак опустил глаза, услышав в голосе халифа железные нотки определенности, которые так часто предвещали смертный приговор. Увы, он снова перешел границы допустимого.

Сквозь тонкие тенета наигрываемой рабыней мелодии во дворик проник топот ног. Халиф поднял глаза, зная, что никто не осмелился бы явиться к нему с вестью, которую он уже слышал. Из колоннады вышел гонец, приблизился, тяжело дыша, чтобы подчеркнуть свое усердие и быстроту, и низко поклонился.

– Вернулись посланные в страну магусов, – объявил он. – И не одни! С ними король магусов и эскадра необыкновенных кораблей.

– Где они?

– Вошли в устье Гвадалквивира, и часть их судов, те, что поменьше, идут вверх по течению на веслах. Они движутся быстро, почти так же быстро, как скачут наши лошади. Чужеземцы будут в Кордове через два дня, утром.

Халиф кивнул, щелкнул пальцами, чтобы визирь вознаградил вестника, и стал отдавать распоряжения о размещении гостей.

– Король, – сказал он под конец. – Король варваров. Не такая уж важная птица, но давайте постараемся поразить его воображение. Узнайте, что он любит: девочек, мальчиков, лошадей, золото, механические игрушки. Всегда найдется то, чем соблазнятся эти северные дети.

– Мне нужна показная пышность, – сказал Шеф советникам.

Он в неудобной позе примостился на днище одной из ладей Бранда. У семи его двухмачтовых кораблей, к изумлению арабов, оказалась слишком большая осадка, чтобы идти вверх по реке, и их пришлось оставить в устье. Путешествие продолжили пять ладей и неполных две сотни воинов, которых удалось на них разместить. Шеф составил сборные экипажи. На каждой ладье оставалось двадцать норманнов из ее постоянной команды, остальных перевели на боевые парусники, а с тех на драккары пересадили соответствующее количество арбалетчиков. Англичане, когда приходила их очередь братья за весла, вызвали немало хохота. Однако и викинги, и арбалетчики прекрасно понимали, что делают общее дело и от их слаженного труда боевая мощь объединенного отряда возрастает.

– И как же нам это устроить? – спросил Бранд.

Он, как и все остальные, был поражен богатством и процветанием страны, а еще больше – многочисленностью ее населения. Судя по тому, что рассказывали гостям, в одной только Кор-

дове народу жило больше, чем во всей Норвегии. Двигаясь вверх по реке, они видели крыши дворцов и вращающиеся водяные колеса; насколько хватало глаз, все заполнили деревни и города.

– Мы можем приодеться, но шелковых рубах будет маловато, чтобы произвести впечатление на здешний люд.

– Верно. Мы не станем богато рядиться – в этом деле нас легко заткнут за пояс. Но пусть испанцы увидят, какие мы странные. И страшные. Думаю, у нас получится. Они не только увидят, но и услышат...

Когда ладьи пришвартовались и на берег стали выходить люди Пути, зеваки на пристани попятились в изумлении. Приказ Шефа был доведен до всех его спутников, и каждый старательно играл свою роль. Первыми на берег сошли викинги, сияя надраенными песком кольчугами. Все ростом не ниже шести футов, при ярко раскрашенных щитах и сулицах; за плечами висит топор с длинной рукояткой. Морские сапоги из козых шкур они сменили на пехотные башмаки, подбитые железом. Воины тяжело топали, а Бранд и шкиперы громовыми голосами выкрикивали команды. Постепенно викинги выстроились в длинную колонну по четыре.

Раздалась очередная команда, и пошли арбалетчики: не такие здоровенные, зато действующие более слаженно. Они быстро образовали строй, каждый держал на левом плече свое загадочное оружие. Шеф подождал, пока шеренги выровняются, и с подобающей церемонностью вышел на сходни. На нем тоже была кольчуга, а еще золотой венец и другие золотые украшения, сколько он мог нести – в виде браслетов и гривны. За ним шли Бранд с Торвином и еще два жреца Пути: переводчик Скальдфинн, жрец Хеймдалля, и моряк Хагбарт, жрец Ньёрда. Эти четверо выстроились рядом во главе процессии, сразу за Шефом, который стоял в одиночестве. Позади них за широкими спинами Бранда и Торвина прятались Хунд и его ученица Свандис. Подчинившись свирепому приказу Шефа, Свандис закрыла лицо чадрой и теперь бросала из-под нее сердитые взгляды.

Шеф взглянул на гонца, присланного проводить их, и дал ему знак идти вперед. Когда араб, озадаченный странным поведением франков, непрестанно оглядываясь, двинулся в путь, Шеф нанес последний штрих. На сцене появился Квикка, самый верный его товарищ, не раз спасавший ему жизнь, и еще три арбалетчика. Все четверо надули свои волынки и зашагали по улице, с воодушевлением музицируя. Зеваки, услышав этот невообразимый шум, шарахнулись еще дальше.

Волынщики шли сразу за проводником. Следом двигались Шеф и его приближенные, за ними шумно топали викинги в сверкающих кольчугах. За викингами – арбалетчики, четко в ногу; это искусство они освоили на новых дорогах Англии, ровных, вымощенных камнем. Через каждые двадцать шагов правофланговый в передней шеренге норманнов вскидывал копьё и сотня идущих сзади викингов выкрикивала боевой клич, который Шефу впервые довелось услышать десять лет назад от воинов Ивара Бескостного.

– Ver thik, – вопили они снова и снова, – her et kom! Берегись, я иду!

«Арабы этого не поймут, – рассудил Шеф, – они не подумают, что мы угрожаем».

– Давайте кричать что-нибудь другое, – предложил один из шкиперов.

– Ага, что-нибудь чуть сложнее этого, – возразил Бранд, – и твои люди забудут слова.

Колонна двигалась по людным улицам, оповещая о своем приближении ревом волынок и боевым кличем викингов; меж каменных стен металось эхо от металлического звона шагов. Идущие сзади арбалетчики завели песню о своих славных победах. Набегало все больше зрителей, толпа уплотнялась, и вскоре воинам пришлось шагать на месте, гремя о мостовую коваными гвоздями обуви. Краем глаза Шеф увидел, как араб с восхищением пялится на топавшего огромными ногами Бранда. Сначала он посмотрел на сапожищи в пол-ярда длиной, затем

поднял взгляд, прикидывая расстояние между землей и металлическим гребнем на шлеме Бранда.

«Отлично, – подумал Шеф, когда стража халифа разогнала толпу и движение возобновилось. – Мы заставили их призадуматься. Они недоумевают, простой ли я смертный? Не такой уж плохой вопрос».

Халиф услышал рев толпы даже в своем уединенном зале для аудиенций. Он поднял бровь, выслушивая торопливый доклад вестника. Когда гул приблизился, Абд эр-Рахман различил завывания удивительного инструмента франков, не более гармоничные, чем визг кошачьей своры, и зловещий стук металла по камню, и грозный клич варваров. «Они что, пытаются запугать меня? – озадаченно подумал халиф. – Или просто таков их церемониал? Нужно поговорить с Гханьей. Не зная обычаев чужеземцев, нельзя делать выводы».

Шум прекратился, когда Шеф дал знак остановиться и правофланговый сделал соответствующую отмашку копьем. Викинги и англичане застыли в строю на внешнем дворе.

– Сколько человек могут пройти на аудиенцию? – спросил Шеф.

– Кроме тебя, не больше десяти, – был ответ.

Шеф кивнул и показал на тех, кто пойдет с ним. Бранд и Торвин, Хагбарт и Скальдфинн. Посмотрев на Хунда, он заколебался. Лучше этого жреца Идун никто на Севере не разбирался в лекарском искусстве, а Кордова славилась своими медиками: Хунд может понадобиться для сравнения и оценки. Однако его нельзя разлучать с сердитой, но послушно носящей чадру Свандис. Значит, берем обоих. Еще он поставил рядом с Брандом двух скиперов, победивших в двух десятках поединков и тем заслуживших право командовать, и молча кивнул своим старым товарищам, арбалетчикам Квикке и Озмоду.

Халиф, сидя на высоком подиуме, смотрел на вошедших и выслушивал торопливые пояснения Гханьи, который подошел, пока магусы ждали снаружи. Король оказался одноглазым. Необычное явление для франков, они ведь так ценят силу и здоровье. Роль монарха лучше подошла бы стоящему позади великану. Впрочем, одноглазый держится властно. Абд эр-Рахман отметил, как уверенно тот прошел вперед и стал перед престолом, нетерпеливо оглянувшись на переводчика.

А еще халиф заметил, что из-под волос и золотого венца по лицу короля течет пот. Как одеты эти люди? Металл, нагревающийся на солнце, под ним еще кожа, а под кожей вроде овечья шерсть? Летом в Андалузии одетый так человек умрет от солнечного удара еще до полудня. Однако король и его люди и виду не подавали, что их смущает жара, они даже не утерли пот со лба. «Араб считает своим долгом не подвергаться таким неудобствам, – подумал халиф. – А франк, словно трудящийся на солнцепеке раб, старается не замечать их».

Халиф задал первый и главный вопрос:

– Спроси, есть ли среди них христиане.

Абд эр-Рахман ожидал, что Сулейман повторит его слова на латыни для переводчика чужеземцев. Но едва еврей заговорил, король северян отрицательно покачал головой. Значит, он кое-что понимает по-арабски. Скальдфинн поднаторел в изучении языков и народов. В пути он брал уроки у Сулеймана и, в свою очередь, учил того англо-норвежскому жаргону Пути. Шеф нередко присутствовал на этих занятиях. Скальдфинн медленно, но разборчиво заговорил по-арабски, переводя ответ короля.

– Среди нас нет ни одного христианина. Мы разрешаем христианам исповедовать их веру, но сами идем по другому Пути, и у нас другие книги. Мы боремся только с теми, кто отрицает это право.

– Вам когда-нибудь рассказывали, что есть только один Бог, Аллах, и Мухаммед – пророк Его? Уверуйте в это, и вас ждет богатая награда от меня.

– Нам рассказывали.

– Вы не веруете в Аллаха? Предпочитаете молиться своим богам, кто бы они ни были?

Напряженность и обвинительные нотки в голосе халифа. Бранд поудобнее взял свой топор «Боевой тролль» и отметил двух стражников, стоящих позади халифа с обнаженными скимитарами. «Здоровые ребята, – подумал Бранд. – И загорелые, что твои головешки. Но выше пояса голые и щитов нет. Два удара, а третий для араба в кресле».

Осознав, что вполне понимает арабскую речь халифа, Шеф стал отвечать без переводчика. Повысив голос и подбирая самые простые слова, он проговорил:

– Я не видел Аллаха. Я видел своих богов. Будь у меня два глаза, я, возможно, увидел бы и Аллаха. Одним глазом всего не увидишь.

По залу прокатился шумок. Привычные к искусству иносказаний и переносных смыслов, арабы поняли последнюю фразу. Она означала, что тот, кто верит во что-то одно, наполовину слеп. «Богохульствует», – сочли одни. «Для франка довольно умно», – решили другие.

«С этим человеком трудно фехтовать, – подумал халиф. – Он уже доказал, что умеет произвести впечатление. А сейчас завоевывает симпатии моих придворных».

– Зачем ты приплыл в Кордову? – спросил халиф.

«Ты позвал, вот я и приплыл», – подумал Шеф, покосившись на Гханью, стоящего чуть в стороне от обоих монархов.

Вслух он ответил:

– Чтобы бороться с твоими врагами. Ведь они и мои враги. Гханья рассказал, что у франков появилось новое оружие для войны на море и суше. Мы, люди Пути, понимаем, что это значит. Мы сами прибыли с новым оружием и на новых судах, чтобы узнать, смогут ли наши враги противостоять нам.

Халиф молча глянул на Гханью, который начал расхваливать катапульты и корабли Пути. Пока флотилия шла на юг, Шеф неоднократно устраивал стрельбы – плоты-мишени забрасывались камнями с расстояния в полмили. Прислуга катапульт была опытна и искусна, так что результаты учений арабов ошеломили. Действительно, ни один из известных им кораблей не выдержал бы больше двух попаданий брошенного онагром камня, и они не видели бронированного, хотя и малоподвижного «Неустрашимого» в битве при Бретраборге.

Когда Гханья закончил, Абд эр-Рахман еще раз задумчиво глянул на короля, отрицающего Аллаха. «Мы пока не произвели на него впечатления, – подумал халиф, видя хмурое и невозмутимое лицо. – И на его товарищей тоже».

Халиф подал знак, и один из гигантов-телохранителей шагнул вперед, сняв скимитар с плеча. Еще один знак – и к нему подошла рабыня. При этом она развернула длинную полупрозрачную ленту, прикрывавшую ее выше пояса, и застыла – в чадре, но с обнаженной перед мужчинами грудью.

– Я много слышал о вашем новом оружии, – сказал халиф. – Но у нас тоже есть кое-что.

Он хлопнул в ладоши. Девушка подбросила ленту, тонкий шелк медленно заструился в воздухе. Телохранитель развернул скимитар и подставил острую кромку под падающую ткань. Две половинки ленты упали на пол.

Бранд, фыркнув, прошептал что-то стоящему рядом шкиперу. «Сейчас, – подумал халиф, – король прикажет этому великану разрубить что-нибудь огромным, неуклюжим топором».

Шеф повернулся и посмотрел на Квикку с Озмодом. «Это не лучшие стрелки в мире, – подумал он. – Озмод держится чуть поувереннее».

Шеф молча указал на мраморную вазу с ярко-пурпурными цветами, стоявшую в нише над головой халифа. Озмод шумно сглотнул слюну, покосился на Квикку и снял с плеча арбалет. Одним движением взвел его с помощью ножного рычага. Вложил короткую железную стрелу. Поднял, прицелился и нажал на спуск.

Он учел короткую дистанцию и взял низкий прицел. Арбалетный болт врезался в каменную вазу, разбив ее вдребезги. Осколки разлетелись по залу, болт отскочил от стены и зазвенел на полу. Цветы и земля упали на украшенный ковер.

Халиф молча поглаживал бороду. «Я пугал короля своим стражником, – подумал он. – Но эта стрела Иблиса могла пронзить мне сердце, а я бы и шелохнуться не успел. Гханья не предупредил меня».

– Ты сразишься с нашими врагами, – наконец произнес халиф, – коли сказал, что явился для этого. Возможно, они и вправду твои враги. Но никто не старается только для чужого блага. Должно быть что-то еще, что привело тебя к нам. Будь откровенен со мной, и, клянусь Аллахом, я сделаю все, чтобы ты получил желаемое.

И в третий раз чужеземный король удивил халифа. На правильном, хотя и не изысканном арабском языке он сказал:

– Мы пришли, чтобы увидеть летающего человека.

Глава 7

Шеф нетерпеливо проталкивался через толпу, лесенка-краки, амулет его бога Рига, открыто покачивался на груди. Пока тянулись дни ожидания, он и его войско избавлялись от одежды – слой за слоем. Начали с кольчуг. Стало ясно, что отряд в двести человек, хоть и находится в самом сердце потенциально враждебной страны, не может и помыслить о том, чтобы дать бой. В то же время на улицах Кордовы поддерживался такой строгий порядок, что не следовало опасаться случайных стычек. Шеф распорядился сложить кольчуги викингов и арбалеты англичан в комнате телохранителей не столько для того, чтобы его люди могли защищаться, сколько для того, чтобы казенное оружие не обменяли на выпивку.

– В Кордове нигде нет горячительных напитков, – возражал Хунд. – Мухаммед их запретил.

– Кое-где есть, – ухмыльнулся Шеф и решил лично следить за выдачей оружия.

Потом пришла очередь кожаных колетов. Пару дней побродив по узким каменным улочкам Кордовы, даже самые консервативные северяне, пыхтя и обливаясь потом, убедились, что кожаная одежда представляет собой тяжкую обузу, если не сказать угрозу для жизни. Ныне все люди Пути разоблачились вплоть до конопляных рубах и шерстяных штанов, а те, кто побогаче, шеголяли в ярко раскрашенной одежде из хлопка. На солнце серебряные гривны – не нашлось такого тупицы и богохульника, чтобы продать их, – сверкали и раскачивались, еще больше выделяя своих владельцев из толпы смуглых и пестро одетых жителей Кордовы.

Наконец ожидание закончилось. Шеф, учитывая серьезность своей миссии, полагал, что его сразу познакомят с Ибн-Фирнасом, летающим человеком. Но прошло немало дней, и причина заключалась, как объяснил переводчик Сулейман, не в чьем-то желании потянуть дело, а тем более унижить гостя, но в уважении к самому мудрецу. Халиф, конечно, мог приказать тому явиться и показать свое искусство, но предпочитал слать гонцов, дарить подарки и спрашивать, не соблаговолит ли достопочтенный встретиться с варваром, которого привели из далекой страны слухи об учености Ибн-Фирнаса, – словом, исполнял все принятые в Андалузии дипломатические ритуалы. И сам Ибн-Фирнас, уверял все тот же Сулейман, вовсе не имел намерения тянуть с ответом. Просто он боялся разочаровать гостя, ведь слухи о его славе, несомненно, были многократно преувеличены, пока дошли до далекого севера.

В ходе дальнейшего обмена гонцами выяснилось, что Ибн-Фирнас ждет ветра.

Шеф и его люди проводили дни ожидания, со все возрастающим любопытством гуляя по улицам Кордовы, – они впервые видели тысячи мельчайших примет развитой рыночной цивилизации. Например, телег, подвозящих ежеутренне продовольствие, было так много, что прибывающие в город двигались по одной стороне главной улицы, а убывающие – по другой, и притом у городского кади были помощники, которые весь день ничего не делали, только следили за соблюдением этого правила! Вечно вращающиеся водяные колеса, нории, поднимали воду из реки и изливали ее в каменные желоба, откуда воду мог брать любой бедняк. Строжайшим законам о сточных водах подчинялись даже самые богатые. Существовали специальные дома, где лечили больных; в городе проводились публичные диспуты, на которых мудрецы обсуждали одновременно Коран, иудейское вероучение и греческую философию; были аптеки, мечети, суды – в последних вершилось строгое и беспристрастное правосудие по законам шариата. Словом, было на что посмотреть. В короткий срок даже самые робкие перестали опасаться чужаков, а самые свирепые и жадные – думать о Кордове как о еще одном городе, который можно разграбить. Возникшее чувство правильное всего было бы назвать благоговением: этим словом викинги обозначали не страх, а ощущение собственной ничтожности. Неужели здешние жители всемогущи?

Лишь немногие способны были преодолеть робость, разглядеть слабости и недостатки. По крайней мере, Шеф старался это сделать, хотя допускал, что им движет простая зависть. И вот пришло сообщение от халифа, что пора увидеть невозможное – летающего человека.

«Наверняка произойдет еще один несчастный случай, как с тем человеком в куриных перьях, – сказал себе Шеф, приближаясь к башне, с которой должен был начаться полет; его товарищи шли, расталкивая толпу; к этому они постепенно приучились в вечной суতোлке Кордовы. – Но сейчас имеются две добрые приметы, которых не было в тот день, когда подданный короля Альфреда прыгнул с башни. Во-первых, хотя и шли разговоры про ветер, как и тогда, никто не упоминал птиц и перья. А во-вторых, мы встретили людей, заслуживающих доверия, если мы со Скальдфинном что-нибудь понимаем в этом, – и эти люди уверяли, что пятнадцать лет назад видели полет. Не просто слышали, не просто были где-то поблизости. Видели своими глазами. Их рассказы если и не совпадают полностью, то сходятся в части времени и места».

Теперь перед ним была дверь башни, от напора любопытных зрителей ее охраняли стражники халифа в желтых и зеленых одеждах. Стражники убрали копья, завидев наглазную повязку и амулет короля франков, сопровождаемого жрецами в белом. Войдя в темное и холодное нижнее помещение, Шеф заморгал и сощурился.

Когда глаз привык к темноте, король увидел, что перед ним стоит хозяин башни, слегка кланяясь и прижимая к груди сложенные кисти рук. Шеф ответил тем же, поклонился, проговорил приветствие на своем неуклюжем арабском. Но в следующий момент он с изумлением понял, что встретивший его человек – калека. Несколько мгновений тот мог держаться прямо, а потом хватался за перекладину стоящей перед ним деревянной рамы. Когда надо было идти, он толкал раму и подтягивал себя к ней.

– Что у тебя с ногами? – с трудом выговорил Шеф. – Это из-за полета?

Араб улыбнулся, по-видимому не обидевшись.

– Из-за полета, – подтвердил он. – Полет прошел отлично, а вот приземление – не совсем. Видишь ли, я забыл одну вещь: что у всех летающих есть хвост.

Когда искалеченный Ибн-Фирнас пустился в нелегкий путь по лестнице, Шеф оглянулся на Торвина, Хунда и других жрецов с выражением сомнения и разочарования на лице.

– Ну вот, еще один человек-птица, – проворчал он. – Подождите, он сейчас покажет накидку из перьев.

Но на верху башни, на квадратной открытой площадке, возвышавшейся над крутыми берегами Гвадалквивира, не оказалось ни единого пера. И вообще не было видно приготовлений к прыжкам. Под ярким солнцем Шеф увидел, что Ибн-Фирнаса окружают слуги и помощники, в том числе участники экспедиции на Север: юный Муатья, а также вездесущий и незаменимый Сулейман. Одни склонились над небольшой лебедкой, другие держали на весу конструкцию из жердей и ткани. Рядом с Шефом сгрудились жрецы Пути, те немногие, кому разрешили посещение башни. Подойдя к краю площадки, Шеф посмотрел вниз и увидел уйму запрокинутых лиц. Там были почти все его люди, а гигантская фигура Бранда просто бросалась в глаза. Шеф отметил, что рядом с Брандом, по-прежнему в чадре, стоит Свандис, хотя эти двое стараются не смотреть друг на друга. Бранд принял от своего лекаря и приятеля Хунда поручение охранять эту женщину, но категорически не желал общаться с ней. Это лицо Ивара, признался он, берedit старую рану в животе.

– Первым делом мы сделаем вот что, – услышал Шеф слова Ибн-Фирнаса. – Не соизволит ли король франков взглянуть? Итак...

Мудрец скомандовал, и человек у лебедки начал стравливать бечеву. Воздушный змей поднялся, поймал ветер и стал набирать высоту, насколько пускала бечевка. Шеф глядел с интересом. Это была открытая спереди и сзади коробка, ее четыре стенки состояли из натянутых на жерди кусков ткани, в которых тут и там были прорезаны отверстия.

– Это, разумеется, не более чем игрушка для детей, – продолжал Ибн-Фирнас. – Змей может поднять только собственный вес. Но обратите внимание, что бечева удерживает его открытой стороной к ветру. Управлять развернутым вдоль ветра змеем гораздо проще. Кажется бы, развернувшись поперек ветра, змей сможет плыть по небу, как парусник, но – увы! – тогда хозяином становится ветер, а не человек. Так случилось со мной. Теперь я бы поступил по-другому.

До Шефа донеслись крики толпы, увидевшей воздушного змея. Люди заполнили берег реки, кое-кто из них поднялся почти до высоты башни по крутому склону, уходившему в сторону тысячи минаретов Кордовы.

– Итак, с воздушным змеем тебе все понятно?

Шеф кивнул, ожидая дальнейших объяснений. Но Ибн-Фирнас подошел к лебедке, достал нож и полоснул по бечеве. Освобожденный воздушный змей устремился вверх, клюнул и, развернувшись поперек ветра, стал снижаться, беспорядочно крутясь и раскачиваясь. Двое застывших в ожидании слуг вскочили на ноги и побежали вниз по лестнице, чтобы разыскать и принести игрушку.

– Теперь мы сделаем кое-что посложнее.

По сигналу четверо слуг вынесли еще одну конструкцию. Она имела такую же форму. Эта открытая с обоих концов коробка из натянутой на жерди ткани была в два раза больше и заметно прочнее. А внутри висел своеобразный гамак с куском материи. С каждого бока выступали короткие крылышки. Шеф был озадачен.

Через толпу слуг прошел маленький мальчик и с сосредоточенным выражением лица остановился перед новым змеем. Ибн-Фирнас погладил ребенка по голове и заговорил по-арабски, слишком быстро, чтобы Шеф мог разобрать. Мальчик в ответ кивал. И вот два темнокожих великана быстро подхватили его и опустили внутрь коробки. Подойдя ближе, Шеф увидел, что ребенок расположился в гамаке; голова возвышалась над краями змея, руки держались за рукоятки. Когда мальчик их поворачивал, крутились матерчатые крылья по бокам коробки.

Четверо слуг осторожно подняли змея, развернули по ветру и поднесли к краю башни. Люди у лебедки принялись крутить ворот, выбрали ярд-другой слабину. Шеф услышал, как толпа восторженно взревела и постепенно затихла.

– Это не опасно? – негромко обратился он к Сулейману, не доверяя своему знанию арабского. – Я не хочу, чтобы малыш погиб по моей вине.

Сулейман переговорил с Ибн-Фирнасом. Тем временем мальчик с сосредоточенным лицом сидел над краем пропасти, а ветер уже тянул змея в воздух.

Переводчик обернулся к Шефу:

– Ибн-Фирнас говорит, что, разумеется, все в руках Аллаха. Но еще он утверждает: пока трос держит змея, никакого риска нет. Опасно будет, если они отпустят веревку, отправят мальчика в свободный полет.

Шеф кивнул и отступил. Заметив его жест, Ибн-Фирнас в последний раз проверил силу ветра и дал знак слугам. Те, крикнув, подняли змея на вытянутых руках, дождались, когда его подхватит ветер, и разом отпустили.

Мгновение змей скользил вниз вдоль стены башни, затем поймал восходящий поток и взмыл. Прислуга лебедки выпустила десяток ярдов бечевы, затем еще столько же... Змей медленно поднимался в небо, над его верхним краем все еще можно было различить маленькое личико. Шеф наблюдал, как слегка изгибаются и поворачиваются крылья, как змей поднимается на дыбы, затем останавливается, выравнивается. Ветер качал коробку вверх и вниз, но, похоже, мальчик был в состоянии управлять змеем, удерживать его в нужном положении. Если эта штука завалится слишком сильно, как та, предыдущая, когда перерезали бечеву, мальчика выбросит из гамака, подумал Шеф. Но нет, качка была не настолько сильна. Не страшнее, чем у корабля в беспокойном море.

Ибн-Фирнас молча протянул Шефу трубку, похожую на ту, которой хвастался Муатья. Так же без слов он показал, чем она отличается от той подзорной трубы, – одна половина могла надвигаться на другую, скользя по смазанной жиром коже. Ибн-Фирнас выразительно прищурил глаз, сдвигая и раздвигая инструмент. Шеф взял у него трубу, направил на змея, подвигал части, настраивая фокусировку.

Вот он, мальчик. Высунув от усердия язык, сосредоточился на управлении рукоятками, старается ровно держать змея относительно набегающего потока воздуха. Во всяком случае, нет сомнений, что змей способен нести его вес.

– Как далеко можно отпускать змея? – спросил Шеф.

– Насколько хватит веревки, – ответил Сулейман.

– А что, если ее перерезать?

– Он спрашивает, не хочет ли король франков сам увидеть.

Шеф убрал от глаза трубу, нахмурился.

– Нет. Если так уже делали, я предпочел бы просто услышать, что тогда произошло.

Он снова прильнул к трубе, не слушая долгий диалог. Наконец Сулейман обратился к нему:

– Он говорит: пятнадцать лет назад змея впервые отпустили в свободный полет с мальчиком внутри. Закончилось это благополучно, и тогда сам Ибн-Фирнас рискнул взлететь. Он говорит, что узнал три вещи. Во-первых, гораздо легче управлять полетом против ветра, чем по направлению ветра. Во-вторых, для управления крыльями нужен навык, который мальчик приобрел после многих полетов на привязи, а самому Ибн-Фирнасу не хватило на это времени. Он говорит: тело должно реагировать быстрее, чем разум успеет отдать приказ, а этому сразу не научишься. В-третьих, он понял, что нужно было поставить крылья, чтобы управлять боковой качкой с боку на бок, а не только продольной, то есть поворотами вверх и вниз. Когда Ибн-Фирнас летел вниз вдоль реки, змей завалился набок, и выправить его движение не удалось. И вместо того чтобы грациозно приводниться, как водоплавающая птица, он рухнул кувырком на скалы. С тех пор он не может ходить без опоры, хотя его лечили лучшие хирурги Кордовы. Он считает, что его ноги – жертва Аллаху за приобретенное знание.

– Спускайте мальчика, – сказал Шеф. – Скажи достопочтенному мудрецу, что я безмерно признателен за увиденное и преклоняюсь перед его решимостью все испытать самому. Скажи, что мы бы очень хотели сделать точный рисунок его змея. Мы найдем более подходящее место для испытаний, чем каменистый берег Гвадалквивира. А еще скажи, что нас восхищают трубы со стеклами и мы не прочь освоить искусство их изготовления. Интересно, как он до этого додумался.

– Ибн-Фирнас говорит, – был ответ, – что линзы, которые делают маленькие буквы большими, нам известны с незапамятных времен. Остальное было делом настойчивых попыток.

– Сделали старое знание новым, – с глубоким удовлетворением произнес Шеф. – Он умнее, чем его ученик.

В одной из крошечных каморок, которых так много в Кордове, напротив открытого окна сидел, скрестив ноги, человек. Его руки беспрестанно сновали – он шил, и шов выползал из-под иголки, как живая змея. На работу он и не смотрел, его взгляд не отрывался от улицы. Портной замечал все, что там происходило. Еще один человек сидел в углу, его нельзя было увидеть снаружи.

– Ты хорошо рассмотрел? – спросил портной.

– Да. Они все время шляются по городу, плятятся, как мартышки. Выше пояса на них только облегающие рубахи, а у многих даже нет рукавов. Они бы ходили голые, как свиньи на солнце, если бы кади им позволил. Легко увидеть, что у них надето на шее. А к королю франков я стоял так же близко, как к тебе.

– И что же ты увидел? И что услышал?

– Все чужеземцы носят на шее серебряные талисманы. Чаще всего это молот, встречается рог, а также фаллос или кораблик. Есть и более редкие символы: яблоко, лук, пара непонятных палочек. Их обычно носят те чужеземцы, которые покрупнее, они еще вошли в город в кольчугах, но яблоко только у коротышки в белых одеждах, которого называют лекарем.

– А что же у короля?

– Он носит *graduale*, Грааль. В этом не может быть сомнений. Я стоял так близко, что чувствовал запах пота от его рубашки. Это Грааль. На нем три ступеньки справа и две – слева. Верхние на одной высоте, словно перекладина креста. А ступенька под ними расположена справа – для того, кто смотрит.

«Значит, слева для того, кто носит Грааль», – подумал портной, не отрываясь от шитья.

– Расскажи, что ты смог узнать об этих амулетах.

Человек с заговорщицким видом подвинул свой табурет поближе.

– Очень скоро выяснилось, что все эти люди охочи до крепких напитков, тех, что запрещены пророком, – любят их сильнее, чем женщин или музыку. Мы подходили к некоторым, представлялись христианами, которым вино не запрещено, и говорили, что у нас есть запас для причащения. И те, кто покрупнее, были просто сражены, они умоляли дать им вина и совсем не задумывались о Христе. Но один из маленьких сразу сказал, что они раньше тоже были христианами и все знают про мессу и святое вино. Этим мы отвели в сторону.

– Раньше были христианами? – пробормотал портной. – Значит, теперь они вероотступники?

– Именно так. Но они объяснили, в чем тут дело, насколько их смог понять наш переводчик. Сказали, что раньше все их королевство было христианским, но они с ужасом вспоминают о том, что вытворяла церковь. Некоторые из них были рабами аббатов и епископов, они в доказательство показывали рубцы. Потом их освободил одноглазый король, он обратил всю страну в веру, которую они называют «Путь». Это означает почти то же самое, что и «шариат». Знаки этой веры – амулеты, которые они носят; у каждого из многих богов, в которых они верят, есть свой символ.

– А Грааль?

– Все считают, что это тоже знак бога, но никто точно не знает, что это за бог. Они называют его Ригом; я думаю, это одно из слов для обозначения короля. Оно похоже на наше «gois» и на испанское «teje». Иноземцы утверждают, что больше никто таким амулетом не владеет, кроме нескольких рабов, освобожденных одноглазым, которые носят Грааль в знак благодарности. Если бы одноглазый не носил эту лесенку, ее не было бы и у других.

Оба мужчины погрузились в задумчивое молчание. В конце концов портной, отложив шитье в сторону, неловко поднялся.

– Думаю, брат, можно возвращаться домой. О таких новостях мы должны рассказать. Иноземный король носит амулет, подобный нашему Святому Граалю, только с перевернутыми ступеньками, в знак посвящения царю. Наверняка это должно иметь какой-то смысл.

Его собеседник кивнул с некоторым сомнением:

– По крайней мере, избавимся от вони равнин, снова подышим чистым горным воздухом. И будем просыпаться не от шума мусульманского салата. – Помолчав, он добавил: – Когда маленькие северяне напились, они повторяли снова и снова, что для них этот человек – не просто государь. Его называют единым королем. – Он аккуратно сплюнул в окно. – Кто бы ни был этот человек, он вероотступник и еретик. И все его подданные тоже.

– Для церкви, – кивнул портной. – Как и мы.

Бранд с удовлетворенным вздохом привалился спиной к стене. Его давно не покидала уверенность, что англичане все-таки ухитрились найти источник крепких напитков. Но каж-

дый раз, когда он пытался вытянуть правду из какого-нибудь коротышки, тот напускал на себя невинный вид и смотрел ясными глазами. Наконец, спрятав гордость в карман, Бранд обратился к Квикке и Озмоду, попросив их как старых товарищей, гостивших у него на Храфнси и плававших на одном корабле с ним, посвятить его в тайну.

– Ладно, но чтобы больше никому! – сказал наконец Квикка.

– Можешь захватить Скальдфинна, – разрешил Озмод. – Мы почти не понимаем здешней речи, авось он сумеет объясниться получше нашего.

Местные жители ловко вывели их из толпы зевак, расходящихся после полета, и сопроводили в общарпанную комнатку: там подавали отличное красное вино – отличное, насколько мог судить Бранд, который на своем веку не пил вина и десятка раз. Он осушил пинтовую кружку и передал ее за добавкой, удивляясь, почему никто даже не заикается о деньгах.

– Разве ты не должен смотреть за жрицей? – поинтересовался Квикка.

Скальдфинн рассердился:

– Не называй ее так. Она лишь называет себя жрицей, а на самом деле ее никто не посвящал.

Бранд огляделся, словно недоумевая, почему рядом нет Свандис.

– Вроде должен, – пробормотал он. – Но как ни гляну на нее, мороз по коже. Дочь Ивара Бескостного! Я знал о ее существовании, много слухов ходило. Но надеялся, что вся семейка изничтожена, никаких корешков не осталось.

– Но тебе поручено ее охранять, – настаивал Квикка.

Он испытывал сильную приязнь к Хунду, ведь они были земляками, родились и выросли в каких-то двадцати милях. Правила правилами, традиции традициями, но коль скоро друг Хунд и государь Шеф приняли эту женщину, все остальное не имеет ни малейшего значения.

– Ей ничто не угрожает, – сказал Озмод. – Вернется, когда нагуляется. – Он тоже протянул свою кружку улыбающимся хозяевам. – В некоторых городах женщине опасно ходить в одиночку: рано или поздно поймают в каком-нибудь тупике, наденут мешок на голову и изнасилюют. А здесь повсюду люди кади. За такие дела рубят руки и еще кое-что.

– Вот же проклятая баба! – прорычал Бранд. – Может, она как раз и ищет шестерых пьяных моряков.

Скальдфинн взял кружку Бранда и перелил себе половину содержимого.

– Я и сам не люблю эту женщину, – сказал он. – Но ты ошибаешься: шести пьяным морякам не учинить и десятой доли того, что она пережила. Как пить дать, она не хочет повторения. Но вернется обязательно, – примирительно добавил он. – У нее нет выбора. Ни слова не знает из здешнего языка.

Он повернулся к хозяевам и заговорил на ущербной латыни с примесью арабских слов.

В прохладном дворике неподалеку от душевой комнаты, где сидели мужчины, Свандис расположилась на скамье. Поглядывая на окруживших фонтан женщин, она неспешно откинула капюшон, сняла с лица чадру. Ее медного цвета волосы рассыпались, контрастируя со светлыми как лед глазами. У некоторых соседок перехватило дыхание. Но не у всех.

– Значит, ты говоришь по-английски, – сказала одна из них.

Она, как и другие, тоже отбросила чадру. Пепельные волосы, зеленые глаза и кожа почти такая же белая, как у Свандис. Исключительной красоты женщина. С ранней юности Свандис привыкла быть в центре внимания. Она была вынуждена признаться себе, что в присутствии такой женщины ей бы это не удалось.

– Да, – ответила она тоже по-английски. – Но не очень хорошо. Я из племени данов. Женщины переглянулись.

– Многих из нас угнали в плен даны, – сказала первая. – Продали в гаремы сильных мира сего. Некоторым из нас здесь неплохо – тем, кто умеет пользоваться своим телом. Другим хуже. Нам нет резона любить данов.

Пока она говорила, не затихал одновременный перевод с английского на арабский. Свандис поняла, что эти женщины происходят из разных стран. Но все они молоды и красивы.

– Знаю, – сказала она. – Я дочь Ивара Рагнарссона.

Страх на лицах сменился ненавистью, руки нырнули под глухие накидки. Первая девушка с задумчивым видом извлекла из пепельных кудрей длинную стальную заколку.

– Я знаю, кем был мой отец. Я знаю, что он вытворял. Мне тоже довелось это пережить, но еще хуже было моей матери.

– Как такое могло случиться с тобой? С принцессой данов, похитителей женщин?

– Я расскажу вам. Но с одним условием.

Свандис оглядела кружок из дюжины женщин, пытаясь определить возраст и расу каждой. Половина из них северянки, отметила она, но есть с оливковой кожей, как у жителей Кордовы, одна желтоватая, а откуда остальные, не угадать.

– Пусть каждая из вас тоже поведаст о самом плохом, что было в ее жизни. Тогда станет ясно, что мы все должны быть заодно. Не англичанки, не норманнки, не мавританки. Просто женщины.

Пока шел перевод, слушательницы искоса посматривали друг на друга.

– И начну я сама. Я расскажу не о том дне, когда я утратила невинность в обмен на краюху черствого хлеба. И не о том дне, когда я похоронила всех своих близких в одной могиле. Нет, я расскажу о том дне, когда умерла моя мать...

Когда последняя женщина заканчивала свой рассказ, солнце уже ушло с внутреннего дворика и тени удлиннились. Девушка с пепельными волосами, не в первый раз утерев слезы, властно протянула руку в сторону галереи у фонтана и помахала кистью. Оттуда появились молчаливые евнухи, вынесли столики с фруктовыми вазами, кувшинами холодной воды и шербега и исчезли в тени, чтобы и дальше стеречь имущество хозяев.

– Ладно, – произнесла она. – Итак, мы все заодно. Даже если ты норманнка и дочь маньяка. Но все же ответь на интересующие нас вопросы. Что привело тебя сюда? Кто этот одноглазый король? Ты его женщина? И почему носишь такую странную одежду, как у жрецов, о которых все говорят? Тебя приняли в жрицы? Какого бога?

– Сначала я должна сказать вам одну вещь. – Свандис понизила голос, хоть и была уверена, что ни один из стражников не знает ее языка. – Бога нет. И Аллаха тоже нет.

Впервые оборвался перевод. Женщины смотрели друг на друга, пытаясь осмыслить услышанное. Так похоже на шахаду: нет бога, кроме Бога. И так не похоже... Если произнести шахаду значит навсегда стать мусульманином, то сказать противоположное... Да ведь это должно означать по меньшей мере смерть.

– Я объясню.

Глава 8

– Что значит – ты не можешь сказать, где эта не догрызенная Нидхёггом женщина? Я велел не спускать с нее глаз!

Бранд, с которым никто не разговаривал таким тоном со дня, когда у него стала расти борода, сжал огромные кулаки и зарычал было в ответ. Рядом стоял Хунд, на добрых два фута ниже ростом, встревоженный двумя обстоятельствами: пропажей Свандис и назревающей ссорой между провинившимся Брандом и разгневанным Шефом.

Вокруг царила неразбериха. Северяне занимали целое здание, что-то вроде казармы на берегу Гвадалквивира. В данный момент люди бегали туда-сюда через двор, воздух наполнился криками ярости и недоумения. Амуницию складывали прямо на песок внутреннего двора, воины охраняли ее от своих же товарищей, на случай если те решат возместить собственные недостатки за счет ротозеев. Норманнские шкиперы и английские пехотные командиры пересчитывали подчиненных и пытались выяснить, кого нет на месте.

– Ты только посмотри на это стадо баранов! – негодовал Шеф. – Двенадцати человек не хватает. Скарти говорит, какой-то мерзавец продал половину весел с его ладьи – весел, Христос, то бишь Тор, нас помилуй! А эти мавры с полотенцами на голове орут, что пора выступать, что христиане привели свой флот, и армию, и один Локи знает, что еще. Вот придем к берегу и обнаружим, что корабли сгорели, не успев ни разу выстрелить, потому что охрана спала мертвым сном. А сейчас я должен все бросать и искать какую-то дурную бабу, потому что ты не смог вовремя оторваться от бутылки!

Рычание Бранда перешло в стон, он уперся руками в бока, стараясь удержаться и не задушить своего короля, командира и боевого товарища; крошка Хунд вклинился между двумя здоровяками в смехотворной попытке разнять их. И тут Шеф заметил, что ухмыляющиеся лица зрителей теперь обращены в другую сторону. Он тоже повернулся.

Через ворота двора, все еще осененные утренней тенью, вошла Свандис. Как всегда, чадра прикрывала ее лицо. Но жрица откинула ее, увидев полсотни враждебных лиц. Взгляд ледяных глаз сошелся с волевым подбородком. Бранд с глухим стоном инстинктивно схватился за живот.

– Ну вот она и вернулась, – успокоительно заговорил Хунд.

– Да, но где она была?

– Шлялась, как кошка, – проворчал Бранд. – Ночь напролет. Наверно, какой-нибудь араб взял ее в свой гарем, а потом сообразил, что с такой стервой лучше не связываться. И не стоит его винить.

Шеф в упор посмотрел в ее сердитые глаза, потом покосился на Хунда. В его стране каждая женщина была собственностью какого-нибудь мужчины: мужа, хозяина, отца, брата. Ее сексуальные похождения затрагивали прежде всего честь этого мужчины. В данном же случае, насколько он понимал, если у Свандис и был какой-то хозяин, так это человек, который взял ее в ученицы. Хунд. Если он не чувствует себя оскорбленным или униженным, то все в порядке.

«И вообще, – размышлял Шеф, – похоже, Свандис не ищет любовных приключений, что бы там ни говорил Бранд. При всей своей красоте она держится скорее агрессивно, чем фривольно».

И это было вполне естественно, если учесть то, о чем Шефу рассказал и на что намекнул Хунд.

Свандис была готова к выволочке, а то и к побоям – обычному наказанию за подобные поступки. Но Шеф лишь бросил через плечо: «Цела, и ладно». После чего взял Бранда под руку и повел к куче сложенных весел, которые заново пересчитывал Хагбарт.

Запасенный для самозащиты гнев вырвался наружу.

– Ты не хочешь знать, где я была?! – выкрикнула Свандис. – И что делала?

Шеф снова обернулся.

– Нет. Поговори об этом с Хундом. Хотя вот что... На каком языке ты общалась с местными? Скальдфинн был уверен, что ты не найдешь переводчика, разве что с латыни, которую не знаешь.

– На английском, – прошипела Свандис. – Ты хоть представляешь себе, сколько здесь англичанок? В кордовских гаремах?

Шеф отпустил Бранда, возвратился и пристально посмотрел на жрицу. Свандис заметила, что его лицо снова помрачнело. Он заговорил, словно отвечал собственным мыслям, хотя обращался к Хунду:

– Так уж и не представляю? В Гедебу на невольничьем рынке я видел, как викинги продавали венецианских девушек арабам. Стражник тогда сказал, что цена на рабынь подскочила, так как их перестали привозить из Англии. Но живым товаром торгуют уже не меньше полувека. Где бы мы ни были, Хунд, мы встречали молодых полонянок. На норвежских хуторах, в землянках Шетландских островов, здесь, в Испании. Кажется, в мире нет места, где не встретишь раба из Норфолка или Линкольна. Или Йоркшира, – добавил он, вспомнив своего берсерка Катреда. – Однажды мы потолкуем по душам с заядлым работником; готов поспорить, в наших рядах прячется несколько бывших. Мы спросим, как он угонял людей, как продавал на рынках. Изнуренных – шведам для жертвоприношений, сильных – на горные хутора. А красавиц – сюда, и не за серебро, а за золото. – Рука Шефа сама потянулась было к оружию, но оружия он, как всегда, не носил, даже меча на поясе. – Ладно, Свандис, как-нибудь расскажешь свою историю. Я не виню тебя за сделанное твоим отцом, он получил по заслугам. Сейчас, как видишь, нам пора отправляться. Иди позавтракай, собери вещи. Хунд, проверь, нет ли у нас больных.

Он решительно подошел к груде весел и приказал Скальдфинну выяснить, нельзя ли выкупить украденные у новых владельцев. Свандис растерянно глядела Шефу вслед. Бранд тоже ушел, бормоча что-то в бороду. Хунд посмотрел на свою ученицу.

– Ты поделилась с ними своими идеями? – спокойно спросил он.

– Неверные опять играют со змеем, – сказал хозяин флагманского корабля командиру сухопутного войска.

Уроженец Кордовы аккуратно сплюнул в море, чтобы выразить свое отвращение и презрение.

– Хотят потягаться с ученым человеком Ибн-Фирнасом, да будет к нему милостив Аллах. Как будто сукины дети из самых дальних варварских стран могут сравниться с истинным философом! Смотри, змей уже падает, а ведь на нем нет ни мужчины, ни даже мальчика. Он поник, как старческий пенис. Куда им до Ибн-Фирнаса! Я видел, как его аппарат летел, словно орел, несущий в клюве здорового парня. Чтоб этим неверным сгинуть в муках за их гордыню и безрассудство!

Флотоводец искоса глянул на полководца и подумал, что неразумно так гневаться.

– На них проклятие Аллаха, – дипломатично сказал он. – Как и на всех, отвергающих пророка. Но пусть кара не падет на головы неверных, пока мы не увидим, как действуют их камнеметательные машины.

– Машины! – прорычал сухопутный военачальник. – Да лучше встретить приверженцев Исы с саблями в руке, как мы делали всегда! И всегда побеждали.

«Вот оно что, – подумал флотоводец. – Просто твое ремесло становится ненужным».

– Ты прав, Осман, – снова согласился он. – И если Аллаху будет угодно, мы так и поступим. Но я попрошу тебя об одном. Пусть эти магусы, эти не знающие Книги язычники остаются на нашей стороне, по крайней мере до тех пор, пока мы не сразимся с греками. Метательные

машины северян могут сделать то, чего не сделают лучшие из наших сабель. Очень не хочется попасть под греческий огонь.

Он отвернулся, прежде чем раздраженный собеседник нашелся с ответом.

В полумиле от них Шеф с подаренной арабским философом подзорной трубой следил за воздушным змеем, медленно опускающимся в синие прибрежные воды Средиземного моря. Король не испытывал особой досады. Как только объединенный флот Пути и Андалузии после стремительной гонки вниз по течению Гвадалквивира вышел в море, Шеф начал опыты со змеем, при азартном содействии Квикки, Озмода и прислуги катапульта на «Победителе Фафнира». Шеф не забыл запастись жердями и тканью, из которых собирал свои летающие конструкции Ибн-Фирнас.

– Мы не знаем, что удерживает эту штуку в воздухе, – сказал Шеф своим внимательным слушателям. – Значит, надо перепробовать все варианты.

Сегодня они испытывали сплошную коробку, без боковых отверстий. Полная неудача. Означает ли это, вопреки здравому смыслу, что щели все-таки необходимы? Или в неудаче виноваты два привязных троса, которые тоже опробовались в этот день? Катапультеры, которые удерживали тросы, пытались осторожно перевести змея в восходящий полет, но без особого успеха.

Не так уж важно. Во-первых, благодаря этому людям было чем заняться. Взглянув на верхушку мачты, Шеф, как и ожидал, увидел, что вперёдсмотрящий, вместо того чтобы обшаривать глазами горизонт, неотрывно следит за змеем. Окрик, жест – и матрос виновато возвращается к исполнению своих обязанностей.

А во-вторых, по опыту Шефа, любое техническое новшество, как правило, рождалось в муках доделок и усовершенствований, по мере того как работающий на машине человек осваивал ее, знакомился с проблемами и учился справляться с ними. Абсолютно ничего не получалось сразу как надо. Сейчас Шефу было довольно и того, что люди заняты делом, стараются хотя бы повторить достижения Ибн-Фирнаса, осваивают навыки, которые пригодятся потом, когда придет время двигаться дальше. Ибн-Фирнас так и не понял одну вещь, упрямясь в своем забавном нежелании делать выводы из теории, – в нежелании, которое Шеф уже считал характерным для всей арабской культуры: опыты с полетом взрослого человека ли, мальчика ли будут гораздо безопаснее над спокойным морем, а не над каменистыми берегами Гвадалквивира. Шеф уже сбился со счета легковесов из команды Ордлафа, которые изъявляли желание искупаться.

Змей коснулся воды, что вызвало общий стон разочарования. Ладья, одна из тех пяти, что поднимались вверх по Гвадалквивиру к Кордове, развернулась; викинги неторопливо подошли на веслах к змею и начали извлекать из воды его и ведущую к нему бечеву.

У двухмачтовых кораблей имелся один недостаток, не проявлявший себя в Атлантике, для плавания по которой их и сконструировали. Это были настоящие парусники, быстрые, устойчивые, приспособленные нести онагры и дротикикометы, а также десятки тонн провизии и воды. В британских и скандинавских водах, где ветер почти никогда не стихал и чаще был слишком сильным, чем слишком слабым, они с успехом очищали моря от кораблей франков и викингов – первые были слишком тихоходными, а вторые слишком хрупкими, чтобы противостоять таким судам.

Но раньше никто не пытался провести их на веслах дальше выхода из гавани, и делалось это с помощью гигантских весел, рассчитанных на четырех человек; при этом скорость была черепашейей. А во Внутреннем море нередко стоял мертвый штиль. Поставив оба паруса, чтобы ловить малейшее дуновение ветра с моря, «Победитель Фафнира» и другие корабли класса «герой» – «Победитель Грендаля», «Зигмунд», «Вади», «Теодрик», «Хаген» и «Гильдебранд» – едва плелись. В отличие от них суда викингов выдерживали походную скорость

эскадры при самой ленивой гребле, и их команды были счастливы израсходовать избыток энергии, гоняясь за упавшим в море змеем. А галерный флот после нескольких взрывов негодования кордовского начальника, по-видимому, смирился с таким положением дел. Теперь установился следующий порядок: утром галеры уходили на веслах вперед, днем предавались долгой сиесте, а на склоне дня неслись к берегу, чтобы найти питьевую воду и разбить лагерь на ночь. Неверные за время сиесты наверстывали упущенное, и в конце концов все встречались вечером. Связь между главными силами флота и отставшими парусниками поддерживалась благодаря находившимся в промежутке между ними судам. Из вежливости – а скорее, потому, что не доверял магусам, – сам флотоводец на зеленой галере держался поблизости, вместе с четырьмя десятками больших кораблей, чего было вполне достаточно, чтобы при необходимости окружить и взять на abordаж флот Шефа. И не имелось другого способа защититься от арабов, как только держать их на расстоянии, чтобы было время пустить в ход онагры. Поразмыслив, Шеф смирился с таким положением. Раз уж арабы не напали на него на улицах Кордовы, вряд ли они сделают это в походе на грозного общего врага.

Хагбарт готовился к полуденной церемонии, во время которой измерял высоту солнца над горизонтом с помощью своих инструментов, чтобы сверить результат с составленными им таблицами. Практического значения это почти не имело. По результату можно было судить – если Шеф правильно ухватил суть идеи, – как далеко на север или на юг они заплыли, но фактически Хагбарт мог лишь сказать, какому месту на атлантическом побережье это соответствует по широте. Вот если бы у них была хорошая карта... Шеф отлично понимал, от скольких неприятностей подобная информация могла бы избавить его с товарищами во время перехода через гористый норвежский Киль, от берегов Атлантики до Ярнбераланда.

Шеф развернул подаренную арабами карту, которая, надо признать, была лучше всех, что он видел за свою жизнь. Этой ночью его люди набрали воды в порту Дения, в хорошо защищенной гавани с пологими берегами, на которые легко было вытащить корабли с малой осадкой. Командир местного гарнизона сообщил, что христиане, и в частности грозный Красный флот греков, за последнюю пару недель высаживались на берег уже меньше чем в ста милях к северу. Значит, они в любой момент могут появиться на горизонте.

При этой мысли Шеф поднял голову и позвал впередсмотрящего:

– Видно что-нибудь?

– Ничего, государь. На флагмане натянули навес и перестали грести, сейчас мы его обгоняем. В море несколько рыбацких лодок. На всех эти забавные треугольные паруса. Горизонт чист, как у шлюхи...

Окрик Хагбарта прервал это «изысканное» сравнение. По какой-то причине Хагбарт решил, что следует оберегать единственную на борту женщину от непристойностей. Все викинги, заметил Шеф, хотя и не любили Свандис, не могли полностью избавиться от благоговейного трепета, который вызывала у них кровь Рагнарссонов.

Хагбарт плюхнулся, скрестив ноги, прямо на палубу около Шефа с картой, а рядышком удобно устроились на раскладных холщовых табуретках Хунд и Торвин. Шеф осмотрелся, решая, кого еще позвать на импровизированный военный совет. Бранда на борту не было, он заявил, что вернется на свой корабль «Нарвал», построенный им взамен долго оплакиваемого «Моржа». Он объяснял, что неуютно себя чувствует на величественном «Победителе Фафнира», предпочитая ему свое маневренное судно. Шеф подозревал, что Бранд просто не мог выносить присутствия Свандис – не то из-за ее отца, не то из-за нее самой. Скальдфинн стоял неподалеку у борта. Почему он не подходит? Шеф догадался, что Скальдфинн не хочет оставаться в одиночестве Сулеймана, но не уверен, что остальные будут рады присутствию еврея, ведь теперь тот прекрасно научился понимать их разговоры.

Сулейман был личностью странной, держался гордо и замкнуто. На протяжении многих недель Шеф и подумать не мог о нем иначе как о машине для перевода, однако во время

уроков языка постепенно стал кое о чем догадываться. Король подозревал, что, несмотря на всю показную преданность Абду эр-Рахману и арабским хозяевам, Сулейман... не заслуживает доверия? Может поддаться нажиму? Помимо всего прочего, выяснилось, что в мире ислама иудеи и христиане платили налоги, а мусульмане – нет. Это не могло не стать причиной обид и недовольства. Шеф помахал рукой Скальдфинну, показывая, что Сулейман тоже может к ним присоединиться.

– Итак, – сказал Хагбарт, – объясни нам еще раз, государь, каков твой замысел. Мы запускаем в воздух змеев, крадем у христиан греческий огонь и кидаем его с неба?

Шеф улыбнулся:

– Только не говори Муатье. Он скажет, что его наставник первый до этого додумался. Итак, мы находимся где-то здесь. – Он ткнул в карту жестким пальцем с обломанными ногтями. – Христиане не могут быть далеко, и все кругом твердят, что они ищут нас точно так же, как мы ищем их. Следует ожидать столкновения лоб в лоб. Значит, именно его мы и постараемся избежать. Они знают то, чего не знаем мы, а мы знаем то, чего не знают они.

– Начни с самого легкого, – посоветовал Хагбарт, самый молодой и горячий из жрецов Пути. – Скажи, что знаем мы.

Шеф снова улыбнулся:

– Первое, что мы знаем, – никто из них: ни христиане, ни арабы – не умеют сражаться на море.

Молчание и обмен взглядами. Наконец Сулейман, предварительно убедившись, что никто из сподвижников короля не желает попасться на удочку, решил сам задать напрашивающийся вопрос:

– Прости, государь, но ведь андалузский флот выиграл много битв на море, как и греческий. Ты хочешь сказать, они сражаются не совсем правильно?

– Нет. Я хочу сказать, что это не были морские сражения. Видно по тому, как ведет себя старик наварх, как бишь его? – Шеф ткнул пальцем за плечо, в сторону укрытых навесами галер, застывших в послеобеденной сieste в двух милях. – Его основная идея – дать сражение на суше, в котором на одном из флангов будут действовать корабли. С тех пор как мы обнаружили армию противника, идущую берегом – где это было, в Аликанте? – флот старается не терять ее из виду. Конечно, наши парусники их задерживают, но мы могли бы двигаться быстрее, если бы шли под парусами всю ночь, нам это нетрудно. Но наварх каждый вечер становится на якорь рядом со своей сухопутной армией. Они собираются драться вместе, армия на армию и флот на флот. Они никогда не уходят далеко от пресной воды – да и не могут, имея на борту столько гребцов, при такой-то жаре, – и не оставляют надолго сухопутные войска, пешие и конные.

– И какое преимущество это дает нам? – осторожно осведомился Торвин.

То, что говорил его бывший подопечный, нередко звучало как бред одержимого, но никто не осмелился бы назвать так победителя в битвах при Гастингсе и Бретраборге.

– Я бы хотел сделать так: воспользовавшись легким ветром, который каждое утро дует с суши, отойти подальше от берега, а днем напасть на противника с фланга и тыла со стороны открытого моря. Тогда мы сможем применить катапульты при дневном свете, а флот противника будет зажат между нами и берегом.

– Но у вас только семь кораблей с... как ты их называешь? С мулами? – деликатно напомнил Сулейман. – Достаточно ли будет семи для такой великой битвы?

– У наварха сотни галер, – ответил Шеф. – Столько же, как нам сказали, было у начальников тех двух флотов, которые греки уже уничтожили. Эти галеры оказались беспомощны против греческого огня. Мы надеемся, что флот христиан не устоит против наших камней.

– Чтобы расстрелять несколько сотен кораблей, потребуется много времени, – скептически заметил Торвин.

– Вот именно. Я хочу уничтожить только суда с греческим огнем. Говорят, это красные галеры. Их всего штук двадцать. В этой битве значение будут иметь только двадцать галер с огнем и семь наших парусников с мулами. И тот, кто начнет первым, победит. Все остальные суда, как только этот вопрос решится, будут просто свиньями на убой. Ягнятами на заклание, я хотел сказать, – торопливо поправился Шеф, вспомнив странные диетические ограничения, существующие как у мусульман, так и у евреев.

– Понимаю, – сказал Скальдфинн. – Но еще один вопрос: что же знают они, чего не знаем мы?

– Вот я и не знаю, – вставил Шеф, пока никто не успел дать очевидный ответ.

Все северяне рассмеялись, а Сулейман бесстрастно поглядывал на них и оглаживал бороду. «Они как дети, – подумал он. – Правильно сказал Абд эр-Рахман. Они могут смеяться над чем угодно. У них все время шуточки, подначки. Перепрятывают чужую еду, связывают шнурки обуви. Сам король весь день запускает воздушных змеев и ничуть не смущается оттого, что они то и дело падают в море. У этих людей нет чувства собственного достоинства. Или наоборот, они считают, что их достоинство невозможно умалить такими пустяками? Муатья до хрипоты доказывал, что северяне глупы и необразованны. Однако они учатся с устрашающей скоростью, а Муатья не способен постигать то, что не освящено авторитетом наставника или, еще лучше, авторитетом книги. Интересно, – гадал Сулейман, – о чем же на самом деле думает одноглазый?»

– Как я надеюсь, они не знают, что мы уже здесь, – в завершение сказал Шеф. – В этих южных морях еще никто не сталкивался с установленными на кораблях катапультами. Греки, видимо, рассчитывают встретить еще один излишне самоуверенный мусульманский флот, многочисленный и отчаянно храбрый. В этом случае у нас есть шанс на победу. Но если они знают, что мы здесь, то, скорее всего, попытаются атаковать нас ночью. Это полностью противоречит тому, чего хотим мы. Чтобы расстрелять их на расстоянии, нам нужен свет и линейное построение. Они же захотят подобраться скрытно и напасть на скученный флот с близкой дистанции, когда не важно, днем происходит дело или ночью. В любом случае они своего добьются.

– Ответ на это напрашивается сам собой.

– Точно, – согласился Хагбарт. – Мы встанем у берега под прикрытием прочих кораблей флота. Если враги их подожгут, у нас будет достаточно времени, чтобы зарядить онагры, и достаточно света, чтобы стрелять прицельно.

– Может быть, есть еще что-то, чего мы не знаем, – повторил Торвин.

– Я знаю что. А вдруг они построили такой же «Неустршимый», как мы в свое время?

Хагбарт грустно покачал головой. Громоздкий, обшитый стальными пластинами, едва передвигающийся «Неустршимый», который семь лет назад в буквальном смысле переломал хребты кораблям Рагнарссонов, первоначально, до полной перестройки и переименования, принадлежал Хагбарту, и тот клялся, что его «Орвандиль» – самый быстрый корабль на всем Севере. Но «Неустршимому» в той битве тоже сломали хребет камнем из катапульты, и с тех пор он ни разу не выходил в море. Позднее его разобрали на дрова.

– Они не смогут этого сделать, – категорически заявил он. – Я навидался средиземноморских галер, наблюдал, как их строят. Говорят, конструкция не изменилась за последнюю тысячу лет что у римлян, что у греков. Они нашивают доски вгладь, а не внакрой, как мы. Просто набирают борт доска за доской, без всяких шпангоутов. Слабый киль и очень слабые борта. Нос укреплен, чтобы держать таран, но это почти ничего не дает. Пробить борт очень легко. Нет, я не говорю, что их корабельщики дураки. Просто они строят для мелкого моря, без учета приливов и волн. И я утверждаю, что переделать такую галеру в новый «Неустршимый» нельзя. Корпус недостаточно прочен.

Последовала долгая задумчивая пауза, прерываемая лишь раздающимися неподалеку выкриками и всплесками. В полуденном мареве «Победитель Фафнира» совсем потерял ход,

паруса обвисли; только и проку, что спасительная тень. Команда не упустила случая раздеться и поплескаться в прохладой воде. Шеф заметил, что Свандис с борта смотрит на обнаженных мужчин, держась за подол своего длинного платья из белой шерсти. Казалось, она тоже готова раздеться и нырнуть в море. Это вызвало бы по меньшей мере всеобщий восторг, что бы ни говорил Бранд про гнев морских ведьм и марбендиллов из бездны. Авторитет великана в этом вопросе оказался подорван, когда стало известно, что Бранд и сам на четверть марбендилл.

– Ну что ж, план у нас теперь есть, – сказал Шеф. – Хагбарт и Сулейман, поговорите сегодня вечером с командующим флотом насчет ночного охранения. Завтра я попрошу его выслать вперед легкие суда, пусть попробуют найти и связать боем врага, чтобы мы могли обойти его с фланга. Наше секретное оружие, кроме онагров, – то, что мы не боимся выйти в открытое море и остаться без пресной воды для гребцов. На это мы и должны рассчитывать. И есть еще одно приятное обстоятельство.

– Какое? – спросил Хагбарт.

– Нашего троллеобразного приятеля здесь нет. Я имею в виду императора.

– Откуда ты знаешь?

Шеф снова улыбнулся:

– Я бы почувствовал, окажись этот мерзавец где-то поблизости. Или увидел бы дурной сон.

Много меньше дневного перехода парусника отделяло этот военный совет от другого, в котором участвовали начальники объединенных экспедиционных сил греков и римлян. Лишь эти двое сидели в сумрачной, наполненной запахом нагретого кедра кормовой каюте большой греческой галеры. Ни один из них не считал целесообразным советоваться с подчиненными. Подобно тому как раньше поступили их повелители, император Бруно и базилевс Василий, военачальники решили, что удобнее всего общаться на латыни. Оба довольно сносно разговаривали на этом языке, хоть и не любили его. Грек Георгиос научился итальянскому диалекту у неаполитанских моряков, которых презирал, считая еретиками и бабами. Германец Агилульф перенял французский диалект от живущих за Рейном соседей, ненавистных исторических врагов, претендующих на культурное превосходство. Однако оба пошли на жертвы ради возможности сотрудничать. Каждый невольно проникся уважением к талантам другого за многие месяцы, изобилующие совместными победами и завоеваниями.

– Они на юге, в дне пути, и медленно приближаются? – переспросил Агилульф. – Откуда ты знаешь?

Георгиос махнул рукой в сторону маленького смотрового отверстия, проделанного в узкой корме. Вокруг двух десятков его красных, в сотню футов длиной галер расположилась флотилия суденышек самых разных видов. Это были добровольные помощники, христианские рыбаки с севера испанского побережья, с островов и пограничной зоны между Испанией и Францией.

– Мавры так привыкли к рыбацким лодкам, что не обращают на них внимания. Вдобавок они не могут отличить христианина от мусульманина или иудея. Каждый вечер наши лодки уходят в море и возвращаются со свежими сведениями. Я уже давно в точности знаю, где находится каждый корабль противника.

– А вдруг противник то же самое проделывает с нами?

Георгиос отрицательно покачал головой.

– Я не так беспечен, как арабский наварх. Ни одна лодка не может подойти сюда ближе пятидесяти стадиев без того, чтобы ее остановили и осмотрели. И если в ней мусульмане... – Он рубанул ладонью по краю стола.

– Почему разведчики успевают вернуться, пока неприятельский флот идет на нас? Наши лодки настолько быстры?

– Да, поскольку лучше оснащены. Видишь, какие у них паруса? – Георгиос снова махнул в сторону покачивающихся неподалеку лодок.

На одной из них, уходящей по тихой воде с каким-то поручением, уже подняли и расправили парус: треугольный кусок ткани на наклонной рее – гафеле.

– Здесь это называют «латинский парус», на их языке «латино».

Тут оба мужчины одновременно хмыкнули, выражая презрение к чужаковатым иностранцам.

– Они говорят «латино», подразумевая, – Георгиос запнулся, подбирая слово, – что-то вроде «аптус», «ловкий». И это действительно удачный парус, рассчитанный на легкие боковые ветры и позволяющий развить большую скорость.

– Почему же тогда у вас другие паруса?

– Если бы ты посмотрел вблизи, – объяснил наварх, – то сразу бы все понял. Когда нужно развернуться другим бортом к ветру, – (в латыни, которой владел Георгиос, не нашлось слова «галс»), – недостаточно повернуть гафель – палку, к которой крепится парус. Этот гафель нужно перекинуть через мачту. На лодке это не проблема, а вот когда мачта высокая и гафель тяжелый... Или судно должно быть маленьким, или команда – большой.

Агилульф фыркнул; объяснения ему наскучили.

– Итак, мы знаем, где они, а они не знают, где мы. Что это нам дает?

Грек откинулся на своей скамье.

– Наше оружие – огонь. Их оружие, о котором ты мне постоянно напоминаешь, – камни. Ты сам рассказывал, что на твоих глазах один такой корабль потопил целый флот и никто не успел даже сказать: «Господи, помилуй!»

Агилульф кивнул. Он участвовал в битве при Бретраборге, видел, как флагман Шефа «Неустрасимый» разнес в щепки флот Рагнарссонов. Это произвело неизгладимое впечатление на германца.

– Я тебе верю. Значит, враги постараются сражаться на расстоянии, а мы предпочтем подойти поближе. Наверняка они ждут ночного нападения. Но у меня есть идея получше. Видишь ли, все мои рыбаки твердят одно и то же. Эти северные корабли, говорят они, – парусники. Никто не видел, чтобы они пытались идти на веслах; по-видимому, они слишком тяжелые и широкие. Но в этих водах ветер всегда стихает в полдень, поскольку вода и суша нагреты одинаково. Вот тут-то я и нанесу удар.

– Они могут швырять камни не сходя с места, – возразил Агилульф.

– Но не через носовые и кормовые штевни. В любом случае я намерен сначала отогнать или сжечь вспомогательные суда, арабские галеры. А потом разберусь с северянами. Ведь я могу двигаться, а они нет. В самом худшем случае мы просто уйдем на веслах. Если же противник окажется слабее, мы его разгромим.

– Значит, ты зайдешь с фланга, при необходимости обезвредишь северян и потом с моря ударишь в тыл арабской армии. А я буду теснить пехоту и конницу по фронту.

Георгиос молча кивнул. Оба понимали, что в их генеральном плане возможны любые изменения. Но теперь каждый знал, что думает другой и как поступит в том или ином случае. Они еще не проиграли ни одной битвы и даже стычки, пройдя через все северо-западное Средиземноморье, от берега до берега.

Агилульф встал:

– Годится. Мои воины, предназначенные для твоих галер, уже оповещены. Они будут ждать на берегу за час до рассвета, со всеми припасами. Вышли лодки, чтобы забрать их.

Георгиос тоже поднялся. Мужчины обменялись рукопожатиями.

– Хотел бы я, чтобы здесь был император, – неожиданно сказал Агилульф. – Я имею в виду моего императора.

Георгиос пренебрежительно хмыкнул и закатил глаза:

– Он твой император, а не мой. Мой император и даже тот дурень, что был перед ним, не стал бы на этом этапе войны гоняться за какой-то реликвией.

– В последнее время она помогала Бруно, – сказал Агилульф со всем почтением к монаршей непогрешимости, какое только мог изобразить.

Глава 9

– Расскажи мне еще раз об этом проклятом... – Бруно, император Священной Римской империи, защитник веры, гроза еретиков, вероотступников и язычников, оборвал фразу.

У него выдался трудный день. Еще один трудный день. Здесь, в этой пересеченной ущельями стране, где Франция соединяется с Испанией и одновременно отделяется от нее высокими Пиренеями, в каждой деревне был замок на скале, и большинство из них называлось не иначе как Пигпуньент, «Остроконечная Вершина». Вот почему здесь окопалось так много мусульманских бандитов. Но с этим покончено. Император очистил от нехристей эту землю. И теперь, когда он вправе ждать благодарности и помощи от христиан, избавленных им от врагов, его встречают упрямым сопротивлением, запирают ворота, отгоняют в горы стада, прячутся в неприступных жилищах. Правда, не все. Если верить баронам, которые приняли его сторону, сопротивление оказывает только некая еретическая секта, давно обосновавшаяся на пограничных землях. С ней вели непримиримую войну многие поколения католиков.

Проблема заключается в том, что, по всеобщему мнению, тайну Святого Грааля хранят именно эти еретики. Если Грааль существует – а Бруно страстно верит, что он существует, точно так же, как Святое Копье, на котором держится его власть, ранее существовало, затерянное среди язычников, – реликвия спрятана еретиками на одном из этих скальных пиков.

И поэтому император решил покорить врагов, сжечь, разгромить, запугать, подкупить или выманить из их горных берлог. Иногда это получалось, иногда нет. Сегодня был плохой день. Яростное сопротивление, ворота, недоступные для камней тяжелой катапульты, – и двадцать славных братьев из ордена Копья полегли вместе со многими воинами, набранными с помощью баронов в Южной Франции.

Но даже это не оправдывает едва не совершенный императором смертный грех – богохульный отзыв о священной реликвии. Бруно помолчал, пристально огляделся. Он сам назначит себе наказание. В былые времена он держал на голой ладони горящие щепки. Однако волдыри мешали в бою. Нельзя, чтобы добровольно принимаемая кара мешала служению вере. И опять же, согрешила-то не рука.

Вынув кинжал, Бруно поднес его к свече, подождал, пока острое раскалился докрасна. Затем решительно высунул язык, прижал к нему жгучую сталь. Продержал не одну секунду и не две. В покрывавшей щеки корке пыли медленно пробили дорожку слезы, но ни один мускул не дрогнул на чеканном лице императора. В ноздри ударил смрад горелой плоти, ставший привычным в эти дни боев и сражений.

Бруно отнял кинжал, критически осмотрел кончик – не испорчена ли закалка. Кажется, все в порядке. Он обернулся и встретил неодобрительный взгляд своего наперсника и духовного наставника, дьякона Эркенберта. Священнику не нравились эти упражнения в смирении, он считал, что они ведут к гордыне.

– «И если твой глаз соблазняет тебя, вырви его», – сказал Бруно в ответ на невысказанный укор.

– Лучше следовать наставлениям твоего исповедника, – ответил Эркенберт, – неустанно уповая, что он способен дать таковые.

Дьякон завидовал исповеднику императора Феликсу, поскольку тот, будучи рукоположен в сан, мог выслушивать исповеди и давать отпущение грехов, чего Эркенберт, так и оставшийся в чине дьякона, делать не мог.

Бруно нетерпеливым жестом пресек спор в самом начале.

– А теперь, – повторил он, – расскажи мне еще раз об этом благословенном Святом Граале Господа нашего. Увы, моя вера снова нуждается в укреплении.

Эркенберт, сохраняя укоризненный вид, повел рассказ. В каком-то смысле дьякону сопутствовал успех. Англичанин был вместе с императором, когда тот, простой рыцарь из ордена Копья, отправился в северную глушь, чтобы вернуться со Святым Копьем и укрепить распадающуюся империю Шарлеманя, Карла Великого. И поскольку все это время Эркенберт был с Бруно, проводил исследования, которые в конце концов позволили опознать Копье, подбадривал павшего духом императора, когда тот уже отчаялся завершить свои поиски, сейчас дьякон считался знатоком реликвий и докой в деле их розыска.

Но о Копье рассказал и удостоверил его существование сам святой Римберт, архиепископ Гамбургский и Бременский. История, которая сейчас завладела воображением императора, имела совсем другое происхождение.

Тем не менее Эркенберт изучил немногочисленные документы, которые удалось для него разыскать: теперь он знал эту историю как никто другой. Может, и к лучшему, что излагать ее будет человек, ничуть ею не увлеченный.

– Как тебе известно, – начал он, – повествования четверых евангелистов о распятии Господа нашего несколько различаются. Разумеется, это лишь подтверждает их достоверность, ведь мы нередко убеждаемся, что разные люди, которым довелось увидеть одно и то же событие, описывают его по-разному. Но в тех случаях, когда все четыре Евангелия совпадают – например, как в эпизоде с центурионом, который проткнул копьем грудь Иисуса и с благоговением говорил о Нем как о Сыне Божьем, – у нас не может быть сомнений, что речь идет о чем-то великом и священном, поскольку все четверо были вдохновлены Святым Духом, дабы увидеть и записать одно и то же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.